

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023 – 4

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 2.6

Учредитель
**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор (ИЯ РАН, гл. науч. сотр.),
Э.Б. Яковлева – д-р филол. наук, заместитель главного редактора, (ИНИОН РАН,
зав. отд. языкознания), *В.М. Аллатов* – д-р филол. наук, акад. РАН (Институт
языкознания РАН, гл. науч. сотр.), *Н.С. Бабенко* – канд. филол. наук (ИЯ РАН, ст.
науч. сотр.), *Н.Г. Брагина* – д-р филол. наук (Гос. ИРЯ им. Пушкина, РГГУ,
проф.), *А.Б. Бушев* – д-р филол. наук (ТвГУ, проф.), *С.С. Галактионов* (ИНИОН
РАН, мл. науч. сотр.), *Е.А. Казак* – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, науч. сотр.),
В.И. Карасик – д-р филол. наук (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, проф.),
Л.Р. Комалова – д-р филол. наук (ИНИОН РАН, вед. науч. сотр.), *В.Г. Кузнецов* –
д-р филол. наук (МГЛУ, проф.), *А.П. Лободанов* – д-р филол. наук (МГУ им.
М.В. Ломоносова, проф.), *А.В. Нагорная* – д-р филол. наук (НИУ ВШЭ, проф.),
Е.О. Опарина – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, ст. науч. сотр.),
В.А. Пищальникова – д-р филол. наук (МГЛУ, проф.), *Р.К. Потапова* – д-р филол.
наук (МГЛУ, дир. Института прикладной и математической лингвистики),
В.В. Потапов – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, ст. науч. сотр.),
М.М. Раевская – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.),
М.Б. Раренко – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, вед. науч. сотр.), *С.А. Ромашко* –
канд. филол. наук (Гильдия «Мастера литературного перевода»), *О.А. Сапрыкина* –
д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *К.Я. Сигал* – д-р филол. наук
(ИЯ РАН, гл. науч. сотр., зав. отд. экспериментальных исследований речи),
И.А. Шаронов – д-р филол. наук (РГГУ, зав. кафедрой).

Ответственный за выпуск – *С.С. Галактионов*

Журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77-80875 от 21.04.2021

ISSN 2219-8776

DOI: 10.31249/ling/2023.04.00

© ИНИОН РАН, 2023

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

SERIES 6

LINGUISTICS

2023 – 4

Published since 1973
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.6

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board of the “linguistics” series:

V.Z. Demyankov – Doctor of Philology, Editor-in-Chief (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *E.B. Yakovleva* – Doctor of Philology, deputy Editor-in-Chief, (INION RAN, Head of the Department of Linguistics), *V.M. Alpatov* – Doctor of Philology (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *N.S. Babenko* – Candidate of Philology (Institute of Linguistics RAS, senior researcher), *N.G. Bragina* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, RGGU, prof.), *A.B. Bushev* – Doctor of Philology (Tver’ State University, prof.), *S.S. Galaktionov* (INION RAN, junior researcher), *E.A. Kazak* – Candidate of Philology (INION RAN, researcher), *V.I. Karasik* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, prof.), *L.R. Komalova* – Doctor of Philology (INION RAN, leading researcher), *V.G. Kuznetsov* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *A.P. Lobodanov* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *A.V. Nagornaya* – Doctor of Philology (HSE University, prof.), *E.O. Oparina* – Candidate of Philology (INION RAN, senior researcher), *V.A. Pishchal’nikova* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *R.K. Potapova* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *V.V. Potapov* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, senior researcher), *M.M. Raevskaya* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *M.B. Rarenko* – Candidate of Philology (INION RAN, leading researcher), *S.A. Romashko* – Candidate of Philology (Literary translators’ guild), *O.A. Saprykina* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *K. Ya. Seagal* – Doctor of Philology (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *I.A. Sharonov* – Doctor of Philology, Head of Department, RGGU).

Responsible for the issue – *S.S. Galaktionov*

The information-analytical journal “Social’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics” is indexed in Russian Science Citation Index (RSCI).

Journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИ No ФЦ 77-80875 от 21.04.2021.

ISSN 2219-8776

DOI: 10.31249/ling/2023.04.00

© INION RAN, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Кузнецов В.Г.</i> Лакуарность словообразовательной категоризации в когнитивном аспекте (на материале русского, французского и английского языков)	7
--	---

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

<i>Михеева Н.Ф., Шахназарян В.М.</i> Языковой ландшафт как отражение лингвистической вариативности (на материале испанского языка мексиканского штата Кинтана-Роо)	18
--	----

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

<i>Федосеева Л.Н., Сергиевская Л.А.</i> Лексико-семантическая специфика глаголов в рассказах М.М. Пришвина	30
<i>Зиновьева Е.И., Чэн Цзиньтао.</i> Синонимический ряд прилагательных с общим значением 'обладающий знаниями в какой-либо области' в русской языковой картине мира	46

РЕЦЕНЗИИ

<i>Опарина Е.О., Раренко М.Б.</i> Рецензия на монографию Карасик В.И. Языковая лестница познания. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. – 462 с.	60
--	----

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

<i>Шахназарян В.М., Галактионов С.С.</i> Международная научно-практическая конференция «Основные тенденции и перспективы развития современной романской и германской филологии» (18–19 мая 2023 г., Москва) [сообщение о научном событии]	76
---	----

IN MEMORIAM

<i>Васильева Н.В., Нестерова Н.М., Пешкова Н.П.</i> Анатолий Иванович Новиков и его научная школа	105
<i>Казак Е.А.</i> Александр Давидович Швейцер (1923–2002)	131

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Новиков А.И.</i> Семь дихотомических признаков	146
---	-----

CONTENTS

COGNITIVE LINGUISTICS

<i>Kuznetsov V.G.</i> Lacunarity of derivational categorization in cognitive aspect (on the material of Russian, French and English)	7
---	---

SOCIOLINGUISTICS

<i>Mikheeva N.F., Shakhnazaryan V.M.</i> Linguistic landscape as a reflection of linguistic variability (on the material of the Spanish language of the Mexican state of Quintana Roo)	18
--	----

LEXICOLOGY

<i>Fedoseeva L.N., Sergievskaya L.A.</i> Lexico-semantic specificity of verbs in M.M. Prishvin's stories	30
<i>Zinovieva E.I., Cheng Jintao.</i> Synonymic series of adjectives with the general meaning 'possessing knowledge in any field' in the Russian language world image	46

REVIEW

<i>Oparina E.O., Rarenko M.B.</i> Monograph review: Karasik V.I. The language staircase of cognition. – Moscow : State institute of the Russian language named after A.S. Pushkin, 2022. – 462 p.	60
--	----

SCIENTIFIC EVENTS

<i>Shakhnazaryan V.M., Galaktionov S.S.</i> International scientific and practical conference "Main trends and prospects for the development of modern Romance and Germanic philology" (May 18–19, 2023, Moscow) [A report on a scientific event]	76
--	----

IN MEMORIAM

<i>Vasilyeva N.V., Nesterova N.M., Peshkova N.P.</i> Anatoly Ivanovich Novikov and the Novikov School of thought	105
<i>Kazak E.A.</i> Aleksander Davidovich Shveitser (1923–2002)	131

SCIENTIFIC HERITAGE

<i>Novikov A.I.</i> The seven dichotomous attributes	146
--	-----

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

COGNITIVE LINGUISTICS

УДК 81'23

DOI: 10.31249/ling/2023.04.01

Кузнецов В.Г.¹

ЛАКУАРНОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация: В статье разработано понятие словообразовательной лакуны, которое служит основанием для анализа в сопоставительно-типологическом плане пространственной категоризации в русском, французском и английском языках. Рассматривается роль деривационных лакун в формировании языковой картины мира и их дидактическая значимость.

Ключевые слова: словообразовательная лакуна; пространственная категоризация; контейнер; номинация; языковая картина мира; когнитивная лингвистика.

Для цитирования: Кузнецов В.Г. Лакуарность словообразовательной категоризации в когнитивном аспекте (на материале русского, французского и английского языков) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2023. – № 4. – С. 7–17. – DOI: 10.31249/ling/2023.04.01

¹ © Кузнецов В.Г., 2023

Кузнецов Валерий Георгиевич – д-р филол. наук, профессор кафедры лексикологии и стилистики факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета; vkg.avamo@mail.ru

KUZNETSOV V.G.¹

LACUNARITY OF DERIVATIONAL CATEGORIZATION IN COGNITIVE ASPECT
(ON THE MATERIAL OF RUSSIAN, FRENCH AND ENGLISH)

Abstract. In this paper the concept of derivational lacuna is worked out to be used as a basis for the analysis, from comparative-typological point of view, of the spatial categorization in Russian, French and Russian. The paper also examines the role of derivational lacunas in the formation of language world image and their didactic value.

Keywords: derivational lacuna; spatial categorization; container; nomination; language world image; cognitive linguistics.

For citation: Kuznetsov V.G. Lacunarity of derivational categorization in cognitive aspect (on the material of Russian, French and English) // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2023. N 4. P. 7–17. DOI: 10.31249/ling/2023.04.01

Проблематика словообразования занимает важное место в когнитивной лингвистике, о чем свидетельствуют работы основателя этого направления в нашей стране Е.С. Кубряковой. Она подчеркивала, что «номинативная функция словообразования – функция ословливания и означивания мира (Worten der Welt) является собственно когнитивной» [Кубрякова, 2004, с. 407].

Имеются работы по сопоставительно-типологическому словообразованию. В качестве примера можно привести кандидатскую диссертацию Л.Л. Зеленской «Сопоставительно-типологическое исследование словообразовательных систем английского, осетинского и русского языков» [Зеленская, 1984], статью Д.Д. Дмитриевой «Сравнительно-сопоставительный анализ словообразовательных систем французского и английского языков» [Дмитриева, 2017], учебное пособие Д.А. Сусеевой «Сопоставительное словообразование русского и калмыцкого языков» [Сусеева, 1993].

Словообразовательные процессы на материале разных языков исследуются в когнитивном плане (Л.В. Бабина, Л.М. Зайнуллина, Е.М. Позднякова, Н.А. Беседина). Категориальному аспекту

¹ © Kuznetsov V.G., 2023

Kuznetsov Valeriy Georgievich – Doctor of Philology, Professor of Department of French Lexicology and Stylistics of the Faculty of French Language of Moscow State Linguistic University; vgk.avamo@mail.ru

словообразования посвящена монография Л.С. Абросимовой «Словообразование в языковой категоризации мира» [Абросимова, 2015]. В то же время сопоставительно-типологическое словообразование продолжает оставаться недостаточно исследованным с позиции лакунарности.

Термин «лакуна» был введен в научный оборот более 60 лет тому назад франко-канадскими лингвистами Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне [Vinay, Darbelnet, 1958]. Однако до настоящего времени отсутствует общепринятое определение лакунарности, не разработана типология лакун. Попытки определить статус языковой лакуны были предприняты многими лингвистами на материале разных языков. Исследования проводились на материале русского, немецкого, английского и других языков, а также при сопоставлении русского и французского, английского и французского, немецкого и французского и других языков. К определению лакуны в различных ее аспектах обращались на материале русского языка И.Ю. Марковина, И.А. Стернин, И.В. Томашева и др., лакунарность как категорию лексической системологии исследовала Г.В. Быкова. Но все же большее внимание уделялось изучению межъязыковых лакун, то есть сопоставительному изучению двух языков. Так, на материале немецкого и французского языков лакуны изучали Ш. Балли, В. Поллак, А. Мальблан. Значительное внимание анализу лакун на базе английского и русского языков уделяется в работах Л.С. Бархударова, на базе английского и французского Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, на материале русского и французского языков – Ю.С. Степанова, Л.В. Щербы, М.И. Матусевич, В.Л. Муравьева.

Выделяют как внутриязыковые, так и межъязыковые лакуны (А.В. Федоров, В.Л. Муравьев, А.И. Белов, Г.В. Быкова, И.А. Стернин). Исследователи по-разному классифицируют межъязыковые лексические лакуны. Так, Ю.С. Степанов, А.В. Федоров выделяют абсолютные и относительные лакуны. И.А. Стернин подразделяет межъязыковые лакуны на мотивированные и немотивированные. В.Л. Муравьев выделяет этнографические и лингвистические лакуны, которые, в свою очередь, также подразделяются.

Ввиду отсутствия однословного эквивалента в языке, на который переводят, лакунарность занимает немаловажное место в теории и практике перевода. В работах Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне явление лакунарности обозначается термином «белые пятна», а

отечественные ученые используют такие термины, как «скважина» (Н.И. Жинкин), «лакуна», «анти-слова» (Ю.С. Степанов, В.Л. Муравьев, И.Ю. Марковина). Говоря о национально специфических элементах, препятствующих общению представителей разных культур, литературовед и философ Г.Г. Гачев характеризует их как «засенцы», которые «задираются» в процессе межкультурной коммуникации.

Когнитивная лингвистика рассматривает лакуны как несовпадение в формировании языковой картины мира в результате познавательной деятельности различных этносов. Явление лакунарности представляет собой категоризацию фрагмента мира. В.А. Маслова отмечает, что понятие категоризации является одним из ключевых в когнитивной лингвистике. Категоризация представляет собой «когнитивное расчленение реальности, сущность которой заключается в делении всего онтологического пространства на различные категориальные области», которая объединяет сходные явления [Маслова, 2007, с. 31]. На это также указывала Е.С. Кубрякова: «Понятие категоризации человеческого опыта является одним из самых фундаментальных понятий в характеристике когнитивной деятельности» [Кубрякова, 2004, с. 463].

Следует проводить различие между лексическими лакунами и реалиями. Их иногда отождествляют (В.Л. Муравьев, С. Влахов и С. Флорин, И.Ю. Марковина), однако, с точки зрения референции, это разные явления. В случае лексической лакуны у говорящих есть представление о денотате, но в словаре отсутствует узкозначное, однословное обозначение. Что касается реалий (блюда национальной кухни, национальная одежда, образ жизни языкового коллектива, социальные реалии), денотат знаком только тем носителям языка, которые владеют соответствующей этнокультурной информацией. Между лакунами и реалиями существуют различия и в плане использования приемов перевода.

Тем более вызывает возражение широкая трактовка термина «лакуна», когда под лакуной понимаются не просто отдельные слова, а межъязыковые несоответствия на фонологическом, морфологическом, фразеологическом уровнях и даже еще шире – различия понятийных, языковых и эмотивных категорий, и даже текстов двух локальных культур (В.И. Жельвис, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин). Так, О.А. Огурцова понимает под лакуной:

«...слово, словосочетание (как свободное, так и фразеологическое), грамматическую категорию, бытующие в одном из сопоставляемых языков и не встречающиеся в другом сопоставляемом языке» [Огурцова, 1979, с. 77]. А Л.К. Байрамова предлагает распространить понятие лакунарности даже на звуки [Байрамова, 2011]. Под такое определение лакунарности подпадают все случаи межъязыковых несоответствий. Если принять подобную точку зрения, то под понятие лакуны подпадут любые различия языковых и дискурсивных единиц.

Вызывает также возражение употребление термина «межъязыковая лакуна». Дело в том, что лакуны в силу своей природы – принадлежность конкретного языка, носители языка лакуны не осознают, а выявляются они путем межъязыкового сопоставления.

Наличие лексических лакун, «пустых клеток» в словарном составе языка объясняется не характером национального менталитета, а особенностями развития лексико-семантической системы, ее словообразовательными возможностями. Словообразовательные лакуны во французском и английском языках обусловлены их ограниченными деривационными возможностями в силу аналитического строя.

Предметом статьи является исследование словообразовательных лакун в сопоставительно-типологическом плане в когнитивном аспекте на материале трех языков – русского, французского и английского. Под словообразовательной лакуной мы понимаем **пустое место в лексико-семантической системе языка – отсутствие однословной номинации при наличии в концептуальной сфере соответствующего этой номинации понятийного содержания**. Поэтому трудно согласиться с определением лакун как виртуальных, потенциальных единиц. Такой подход искажает явление лакунарности.

Продуктивным для исследования словообразовательных лакун является разработанное в когнитивной лингвистике понятие контейнера, тесно связанного с категорией пространства. «Самой большой по своим масштабам, – пишет Е.С. Кубрякова, – самой важной для восприятия мира и всей жизнедеятельности человека, а поэтому одной из самых существенных по своим последствиям, и выступает для человека, на наш взгляд, такая целостность как пространство – то, что вмещает человека, то, что он осознает вокруг

себя, то, что он видит простирающимся перед ним» [Кубрякова, 2004, с. 465]. Таким образом, понятие пространства является более широким, чем понятие контейнера, и предоставляет большие возможности для исследовательской деятельности. На это обращает внимание Е.С. Кубрякова: «...как понятие пространства, так и понятие предмета или объекта содержит гораздо большее число признаков, чем понятие контейнера, которое “выхватывает” из этих понятий один только существенный признак – способность служить благодаря своим границам для включения в него еще какого-либо предмета / объекта» [Кубрякова, 2004, с. 482]. Введенное Е.С. Кубряковой понятие предмета является продуктивным для целей нашего исследования. Предмет в пространстве может занимать разные позиции, перемещаться вверх / вниз, вправо / влево, в других направлениях, находиться в центре, в определенной точке пространства, обладать в разной степени статикой и динамикой.

Рассмотрим пространственную категоризацию посредством префикса *пере-* и его эквивалентов во французском и английском языках. Этот префикс имеет два пространственных значения: направленность действия, перемещение из одной точки в другую и перемещение через конкретный предмет в пространстве. Примеры реализации первого значения: *передвинуть* на французский язык передается посредством префикса *dé-* *déplacer*, на английский – полнозначным глаголом *move*; *переместить* может передаваться словосочетанием с каузативным глаголом *faire changer de place* (фр.), английским дискретным словосочетанием *move / transfer somewhere else*; *пересечь* – на французский и английский языки пространственное значение префикса русского языка передается лексически *changer de place, take another seat*; *пересадить* – на оба языка передается словосочетанием с каузативным глаголом *faire changer de place / make smb. change his seat*; *перелезть* (переместиться на другое место) передается на оба языка словосочетанием *s'enfuir dans un autre endroit, run to a new place*.

Способы передачи на французский и английский языки второго значения префикса *пере-* характеризуются следующими примерами: *перешагнуть* фр. передается глаголом с префиксом *en-* *enjamber*, англ. – посредством префикса *over-* *overstep*; *перелезть* (через стену) на французский и английский – глаголами с общим значением *escalader (un mur), climb over*; *перепрыгнуть* на фран-

цузский и английский передается глаголом с постпозитивным предлогом *sauter par-dessus / jump over*; *перескочить* фр. *traverser / se déplacer* способ действия не передается, англ. *jump over*; *перелететь* передается на французский – глаголом с общим значением *voler*, на английский – глаголом с послелогом *fly over*; *перепорхнуть* фр. глаголом с общим значением *voltiger*, на английский передается более точно *flutter / flit (somewhere else)*.

Префикс *вы-* означает направленность движения из пространства наружу. На французский язык этот префикс может передаваться глаголом, а способ передвижения – деепричастием: *выбежать* – *sortir en courant*, на английский язык – фразовым глаголом *run out*. Глаголы *вылететь* (о птице), *выползти* передаются на французский язык глагольным эквивалентом с общим, более широким значением *sortir*, на английский – более точно и конкретно благодаря наличию фразовых глаголов *fly out* и *creep / crawl out*. Префикс *вы-* в глаголе *вынырнуть* передается на французский и английский языки лексическим значением (показаться на поверхности воды): *revenir à la surface, revenir sur l'eau / come to the surface*.

Префикс *о-* обозначает направленность действия по окружности, вокруг предмета, распространение действия на все пространство: *обежать* (вокруг) – *faire le tour de qch / run all over*; *огородить* – *enclore / fence in, enclose*; *окопать* – *entourer d'un fossé / dig round*; *оскоблить* – *râcler / scrape off*.

Префикс *в-* означает направленность движения или действия внутрь пространства. На французский язык может передаваться глаголами широкой семантики, либо словосочетаниями с указанием способа действия, в английском направленность движения передается послелогом: *ворваться* (о ветре, свете) – *entre / burst in*; *вползти* – *se glisser, se faufiler / crawl in*; *влететь* – *entrer / fly in*; *вбить* – *enfoncer / drive in*; *вбежать* – *entrer en courant / come running in*; *впорхнуть* – *entrer à tire d'aile / flit in*.

Префикс *до-* означает достижение определенной точки в пространстве, например, *доплыть, долететь, доскакать, доползти*. На французский и английский языки значение этого префикса передается предлогами, соответственно: *nager jusqu'à / swim as far as*, *voler jusqu'à / fly as far as*, *arriver au gallop / hop so far*, *ramper jusqu'à / creep, crawl as far as*.

Префикс *от-* означает удаление, отдаление от какого-либо места в пространстве. На французский язык передается сочетанием глагола общего значения с деепричастием или дополнением, выражающим характер действия, английские эквиваленты более точные – глагол с конкретным значением, а значение удаления передается послелогом: *отбежать* – *s'éloigner en courant* / run off; *отплыть* – *s'éloigner à la nage* / swim off, out; *отгрести* – *s'éloigner en rament* / row off, away; *отползти* – *s'éloigner en rampant* / crawl away, back; *отсидеть* (ученика) – *faire assoir à part* / seat apart.

Значение удаления имеет также префикс *у-*: *убежать* – *s'enfuir* / run away; *ускакать* – *s'éloigner au gallop* / skip away; *улететь* – *s'envoler* / fly away; *утечь* – *s'écouler* / flow away.

Приближение к какому-либо месту в пространстве передается приставкой *под-*. Это значение передается на французский язык глаголами со значением приближения с предлогом или деепричастием, либо глаголами с широким значением, а на английский – фразовыми глаголами: *подплыть* – *nager jusqu'à* / swim up (to); *подползти* – *s'approcher en rampant* / creep up (to); *подлететь* – *voler, s'approcher* / fly up; *подкрасться* – *s'approcher furtivement (à pas de loup)* / steal up, sneak up.

Движение в пространстве до определенной цели передается также префиксом *при-*, который переводится на французский язык глаголами с общим значением, словосочетаниями со значением способа действия, на английский – фразовыми глаголами и так же, как на французский, глагольными словосочетаниями, указывающими на способ действия: *прибежать* – *accourir* / run up; *приплыть* – *approcher à la nage* / swim up; *примчаться* – *accourir en toute hâte* / come tearing along; *прискакать* – *arriver au gallop* / arrive at a gallop; *прилететь* – *arriver* / come flying; *пригнать* (скот) – *ramener* / bring, drive home.

Приставка *под-* имеет и другие пространственные значения. Направленность действия в пространстве, движение снизу вверх: *подбросить*, *подпрыгнуть* передается на французский лексемой, либо никак не передается, на английский – послелогом, соответственно *lancer en l'air* / throw up, *sauter* / jump up. Совершение действия снизу, внизу пространства на французский язык передается предлогом, на английский – послелогом: *подложить* – *mettre sous* / lay (put) under; *подставить* – *mettre, placer sous* / put, place under;

подтечь – *couler sous / flow, run under*. Глагол *подлезать* передается на французский язык глаголом с общим, широким значением, на английский – глаголом с конкретным значением и послелогом: *se glisser (sous la table) / creep under*.

По выражению Е.С. Кубряковой, понятие «контейнер» вызывает представление о вместилище, способном «вмещать нечто, включать это нечто в свой состав, удерживать его в более или менее жестких границах и т.п.» [Кубрякова, 2004, с. 481]. В связи с этим сосуд можно рассматривать как контейнер, а его внутренность как пространство. Жидкость, находящаяся в сосуде, может маркировать границы пространства: глаголы *переливаться* (через край), *убегать* (о молоке) означают выход за пределы пространства. Эти русские глаголы передаются на французский словами с широкой семантикой: *déborder* и *se sauver*. На английский переводятся глаголами с послелогам *run over* и *boil over*.

В целом, в английском языке благодаря наличию фразовых глаголов больше возможностей для передачи префиксов с пространственным значением русского языка.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что словообразовательные средства, являющиеся лакунами, играют существенную роль в структуризации категории действия в пространственном и других планах, и, тем самым, формируют языковую картину мира. «Словообразовательная категоризация – процесс познавательной деятельности человека, позволяющий подвести объект под определенную категорию или рубрику опыта при помощи словообразования» [Абросимова, 2015, с. 6].

Е.С. Кубрякова отмечает, что «с номинативной функцией словообразования связано ... решение многих задач по членению и категоризации мира» [Кубрякова, 2004, с. 409]. Исследование словообразования способствует решению общих проблем когнитивной лингвистики. В словообразовательной системе «как в капле воды, отражаются сущностные характеристики самой системы, в акте номинации, осуществляемом с помощью словообразовательных средств, сказываются все разнообразные связи словообразования с другими сферами языка» [там же, с. 417]. Представляет интерес исследование лакунарности в аспекте языковой картины мира. Материал проведенного исследования свидетельствует о несовпадении способов номинации пространственных значений в

русском, французском и английском языках. В русском языке благодаря наличию префиксов с пространственным значением отношения в пространстве выражаются более имплицитно, однословно, в то время как во французском и английском они выражаются более эксплицитно, дискретно посредством словосочетаний. Проблематика пространственных словообразовательных категорий имеет дидактический аспект. Владение ими позволяет овладеть экономией языковых средств, приблизиться к уровню носителя языка, преодолевать интерференцию в процессе межкультурной коммуникации.

Список литературы

- Абросимова Л.С. Словообразование в языковой категоризации мира. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2015. – 328 с.
- Байрамова Л.К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского ун-та. – 2011. – № 25 (240). – С. 22–27.
- Дмитриева Д.Д. Сравнительно-сопоставительный анализ словообразовательных систем французского и английского языков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 2, ч 2. – С. 272–275.
- Зеленская Л.Л. Сопоставительно-типологическое исследование словообразовательных систем английского, осетинского и русского языков: (на примере словообразования с отрицательным аффиксом) : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1984. – 204 с.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – Москва : Флинта, 2007. – 296 с.
- Сусеева Д.А. Сопоставительное словообразование русского и калмыцкого языков : учеб. пособие. – Элиста : Калмыцкий гос. ун-т, 1993. – 104 с.
- Vinay J., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. – Paris : Didier, 1958. – 331 p.

References

- Abrosimova L.S. *Slovoobrazovanie v yazykovoj kategorizacii mira* [Word-formation in language categorization of the world]. Rostov-on-Don: YuFU, 2015. 328 p. (In Russian)
- Bayramova L.K. Lingvisticheskiye lakunarnye yedinicy i lakuny [Linguistic lacunary units and lacunas]. *Vestnik Cheliabinskogo universiteta*. 2011. N 25(240). P. 22–27. (In Russian)

- Dmitrieva D.D. Sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz slovoobrazovatel'nyh sistem francuzskogo i anglijskogo yazykov [Comparative-contrastive analysis of word-formation systems of French and English]. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamentalnyh issledovanij*. 2017. N 3 (part 2). P. 272–275. (In Russian)
- Zelenskaya L.L. *Sopostavitel'no-tipologicheskoe issledovanie slovoobrazovatel'nyh sistem anglijskogo, osetinskogo i russkogo yazykov: (na primere slovoobrazovanija s otricatel'nyim affiksom: dis. ... kand. nauk)* [Comparative-typological research of word-formation systems of English, Ossetic and Russian: (on the example of word-formation with negative affix: Thesis of Candidate of philology)]. Moscow, 1984. 204 p. (In Russian)
- Kubriakova E.S. *Yazyk i znanie* [Language and knowledge]. Moscow: Yazyki slavianskoj kultury, 2004. 560 p. (In Russian)
- Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Moscow: Flinta, 2007. 296 p. (In Russian)
- Suseeva D.A. *Sopostavitel'noe slovoobrazovanie russkogo i kalmyckogo yazykov: uchebnoe posobie* [Comparative word-formation of Russian and Kalmyk: Textbook]. Elista: Kalmyk State University, 1993. 104 p. (In Russian)
- Vinay J., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. Paris: Didier, 1958. 331 p.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

SOCIOLINGUISTICS

УДК 811.161.1

DOI: 10.31249/ling/2023.04.02

Михеева Н.Ф., Шахназарян В.М.¹

ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА МЕКСИКАНСКОГО ШТАТА КИНТАНА-РОО)

Аннотация. В статье показана динамика изучения такого явления, как «языковой ландшафт». Отмечая, что начало исследований в данном направлении относится к концу XX в., когда зарубежные исследователи обратили внимание на то, что естественный язык фиксируется в письменном виде в общественных местах на вывесках, баннерах, информационных стендах, авторы показывают, что на сегодняшний день это явление, имея место в урбанистическом пространстве, может быть использовано для анализа языковой вариативности. Сделан вывод о том, что вариативное представление языков имеет особое значение, поскольку оно связано с идентичностью и культурной глобализацией, а также с тенденцией возрождения языков национальных меньшинств, что отмечается в последние десятилетия. Помимо этого, в некотором смысле языковой ландшафт можно понимать как маркер прогресса города, также он является инструментом для анализа массовой языковой вариативности в социально-когнитивном взаимодействии.

¹© *Михеева Наталья Федоровна* – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы; mikheeva_rudn@mail.ru

Шахназарян Владимир Михайлович – младший научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; vlad_shakhov@mail.ru

Ключевые слова: лингвистический ландшафт; языковая вариативность; текстовая форма языка; семиотика; мексиканский национальный вариант испанского языка.

Для цитирования: Михеева Н.Ф., Шахназарян В.М. Языковой ландшафт как отражение лингвистической вариативности (на материале испанского языка мексиканского штата Кинтана-Роо) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2023. – № 4. – С. 18–29. – DOI: 10.31249/ling/2023.04.02

MIKHEEVA N.F., SHAKHNAZARYAN V.M.¹

LINGUISTIC LANDSCAPE AS A REFLECTION OF LINGUISTIC VARIABILITY
(ON THE MATERIAL OF THE SPANISH LANGUAGE
OF THE MEXICAN STATE OF QUINTANA ROO)

Abstract. The article shows the dynamics of the study of such a phenomenon as “linguistic landscape”. Noting that the beginning of research in this direction was marked by the end of the twentieth century, when foreign researchers drew attention to the fact that natural language is recorded in writing in public places on signs, banners, information stands, the authors show that today this phenomenon, having place in an urban space can be used to analyze linguistic variability. It is concluded that the variant representation of languages is of particular importance, since it is associated with identity and cultural globalization, as well as with the trend of the revival of national minority languages, which has been noted in recent decades. In addition, in a sense, the linguistic landscape can be understood as a marker of the progress of the city, and it is also a tool for analyzing mass linguistic variability in socio-cognitive interaction.

Keywords: landscape; linguistic variability; textual form of language; semiotics; Mexican version of Spanish.

For citation: Mikheeva N.F., Shakhnazaryan V.M. Linguistic landscape as a reflection of linguistic variability (on the material of the Spanish language of the Mexican state of Quintana Roo) // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2023. N 4. P. 18–29. DOI: 10.31249/ling/2023.04.02

¹ © Mikheeva N.F., 2023

Mikheeva Natalia F. – Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba; mikheeva_rudn@mail.ru

Shakhnazaryan Vladimir M. – Junior Researcher of the Department of Linguistics of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vlad_shakhov@mail.ru

Актуальность. Изучение языковых вариаций в рамках социолингвистики было сосредоточено на описании лингвистических и стилистических паттернов «реального» использования языка «настоящих» носителей в конкретных сообществах, связанных с территориями, к которым они политически принадлежат [Labov, 2001; Tagliamonte, 2012]. Исследователи стали сосредоточивать внимание на идеях относительно сложного взаимодействия между языком, идентичностью и контекстом. Однако в научных кругах мало что обсуждалось в отношении представления вариативности языков в аспекте языкового ландшафта. Думается, что лингвистические вариации внутри современных городских пространств заслуживают особого внимания, поскольку их изучение позволит углубить понимание самого языкового контакта внутри представителей одного лингвокультурного сообщества, уточнить социальные процессы, действующие на этих территориях, и определить роль исследований языкового ландшафта в обеспечении понимания области языковых вариаций и изменений. **Цель** работы – проиллюстрировать возможность изучения лингвистической вариативности на примере языкового ландшафта городского пространства. Настоящее исследование вносит **теоретический вклад** в развитие методологии изучения лингвистической вариативности на примере языкового ландшафта мексиканского штата Кинтана-Роо.

Язык окружает нас повсюду в текстовой форме, поскольку он отображается на витринах, рекламных вывесках, плакатах, официальных объявлениях, дорожных знаках и т.д. В большинстве случаев люди не обращают особого внимания на окружающий их «языковой ландшафт». Однако в последние годы все большее число исследователей стали присматриваться к языковым текстам, присутствующим в публичном пространстве, и изучать их. В частности, языковой ландшафт стал попадать в поле зрения исследователей в связи с активным развитием маркетинговых технологий, что обусловило появление на улицах городов различных плакатов рекламной или информационной направленности. В зависимости от реципиента меняется и языковое оформление отправляемых сообщений. Ввиду того, что это явление стало изучаться относительно недавно, у исследователей нет единого подхода к дефиниции данного понятия.

Согласно словарю, «ландшафт» как существительное имеет два основных значения. С одной стороны, он понимается как буквальное значение части или пространства пейзажа, которое можно увидеть в одно время из одного места. С другой стороны, это картина, представляющая такой вид природного внутреннего пейзажа, в отличие от морской картины или портрета. В исследованиях языкового ландшафта используются оба значения. С одной стороны, буквальное изучение языков в том виде, в каком они используются в знаках, а с другой – вариативное представление языков, что имеет особое значение, поскольку оно связано с идентичностью, культурной глобализацией и тенденцией возрождения языков национальных меньшинств.

Однако понятие языкового ландшафта использовалось по-разному. В литературе это понятие часто использовалось в довольно общем смысле для описания и анализа языковой ситуации в определенной стране или для характеристики присутствия и использования многих языков в более крупной географической области [Tagliamonte, 2012]. Изучение определений терминологического сочетания «языковой ландшафт», которые были предложены в разное время, поможет проследить динамику развития данной научной области.

Впервые термин «языковой ландшафт» (linguistic landscape) был использован в работах Лэндри и Бурхиса [Landry, Bourhis, 1997] и понимался как видимость и заметность языков на общественных и коммерческих знаках на данной территории или в регионе. Таким образом, объектом изучения языковой ландшафта может быть любое видимое отображение письменного языка (знак), а также взаимодействие людей с этими знаками. Кроме того, языковой ландшафт, который относится к языковым объектам, маркирующим общественное пространство включает любой письменный знак, который расположен за пределами частных домов, от дорожных знаков до названий улиц, магазинов и школ.

Активное исследование языковых ландшафтов пришлось на конец XX в. (можно отметить работы Розенбаума [Rosenbaum, 1977], Спольски и Купера [Spolsky, Cooper, 1991]) и продолжилось в XXI в., например, лингвист Бакхаус [Backhaus, 2007] сосредоточивал внимание на изучении языковой вариативности на примере урбанистического пространства Токио. Лэндри и Бурхис опубли-

ковали в 1997 г. статью, содержащую два взаимодополняющих определения языкового ландшафта. Так, по мнению ученых, о языковом ландшафте можно говорить, когда на основе общественных и коммерческих знаков на данной территории или в регионе можно судить о состоянии развития языка [Landry, Bourhis, 1997, p. 3] Исследователи приводят пояснение данной дефиниции – язык дорожных знаков общего пользования, рекламных щитов, названий улиц, топонимов, вывесок коммерческих магазинов и публичных вывесок на правительственных зданиях в совокупности образуют языковой ландшафт данной территории, региона или городской агломерации [Landry, Bourhis, 1997, p. 25]. Это определение примечательно тем, что в нем есть общие элементы, которые можно ассоциировать с текстовыми знаками в публичном пространстве. Можно даже сказать, что лингвисты приводят список из шести различных типов знаков, очевидно, что в этот перечень можно было бы легко добавить и другие типы знаков в общественном пространстве.

В работах некоторых исследователей значение языкового ландшафта расширяется и включает описание истории языков или различных степеней владения ими. Или, более узко, это может относиться к языковым внутренним вариациям в частях только одного языка.

Кроме того, ландшафт или, в более общем смысле, «окружающая среда» представляет собой интересную область человеческой категоризации и «навешивания ярлыков» по ряду причин. Джаворски и Турлов убеждены, что языковой ландшафт – это способ видения [Jaworski, Thurlow, 2010, p. 12]. Это означает, что ландшафт – это пространство или вид, который содержит различные окружающие нас вещи, включая действия людей, такие как беседы, игры, походы по магазинам и так далее.

На сегодняшний день языковой ландшафт понимается как представленность на определенной территории языков, на которых говорят жители. В этом смысле слова «языковой ландшафт» может быть синонимом или, по крайней мере, иметь отношение к таким понятиям, как «языковой рынок», «языковая мозаика», «экология языков», «разнообразие языков» или «языковая ситуация». В этих случаях языковой ландшафт имеет социальный контекст, в котором присутствует более одного языка. Это подразумевает исполь-

зование в устной или письменной речи более чем одного языка и, таким образом, многоязычие или языковую вариативность.

Также в современных исследованиях можно встретить мнение, что изучение языковых ландшафтов похоже на семиотику, но оно связано с языком в его письменной форме, в публичной сфере, т.е. объектом исследования является язык, который обнародован посредством текстов, таких как рекламные щиты и другие общественные знаки [Torkington, 2009].

Согласно Соссюру, языковой знак как часть языковой системы (*langue*) не основан на понятии отнесения к внеязыковой реальности. Языковой знак не репрезентирует реальность. Между тем семиотика – это и наука, и техника изучения всего, что производит знаки [Sebeok, 2001]. Это означает, что семиотика – это анализ кодов и структур, лежащих в основе всех значимых обменов [Lorusso, 2015]. Можно сказать, что семиотика обсуждает исключительно знаки (значки и символы), которые не связаны с общей лингвистической системой [Grote, 2003, p. 26]. В то время как языковой ландшафт – это больше, чем изучение семиотики, потому что он не только объясняет знак, как это делает семиотика, но и ориентирован на обсуждение языка во взаимосвязи с его носителями и обществом [Lu, 2020].

Кроме того, языковой ландшафт также отличается от изучения жестового языка, в котором обсуждается естественный способ самовыражения глухих [Brentari, 2010]. Языковой ландшафт близок к языку и обществу, в котором раскрывается социальный характер развития и функционального использования языков. Он является своего рода перекрестком профессиональных и социальных интересов [Гришаева, 2015].

Следующие исследования, связанные с данной темой, показывают то, как языковой ландшафт влияет на людей, их сознание, а также демонстрируют его влияние на преподавание языка. Впервые, Прзимус и Колер показали в своем исследовании, что «скрытые программы» и «неявные сообщения» обычно используются для описания влияния языкового ландшафта на языковые идеологии и последующие педагогические решения в школьных средах [Przymus, Kohler, 2017]. Если посмотреть на результат данного исследования, он будет похож на критический анализ дискурса, который предпочитает скрывать идеологию за пределами

слова. Точно так же Алсайф и Старкс утверждали, что значение языкового ландшафта вытекает из присутствующих языков, их содержания, того, представлены ли языки в знаках одноязычно или многоязычно (вариативно) [Alsaif, Starks, 2018].

Пакаринен и Бьёрклунд в исследовании «Многоязычные обозначения в языковых ландшафтах и языковых практиках студентов: тематическое исследование в условиях языкового погружения» отметили, что языковой ландшафт на территории Швеции демонстрирует сосуществование финского и шведского языков [Pakarinen, Björklund, 2017]. Два языка появились как по отдельности в одноязычных надписях, так и вместе в двуязычных надписях.

Н. Аристова выявила чередование в использовании русского языка в рамках языкового ландшафта, где английский язык отражает переход от строго двуязычной языковой среды к более глобальной многоязычной [Аристова, 2016].

Канадский исследователь М.Е. Луна Вильялон отмечал: «*Los paisajes lingüísticos son una muestra de una práctica cultural de lectoescritura donde los propietarios de negocios o los representantes de instituciones públicas tienen, hasta cierto punto, agentividad para decir qué mensaje comunicar, cómo comunicarlo y que lengua – o lenguas – usar para hacer llegar su mensaje al consumidor de determinados bienes o servicios*» ‘Языковые ландшафты представляют собой образец культурной практики чтения и письма, в которой владельцы бизнеса или представители общественных учреждений в определенной степени могут выбирать, какое сообщение передавать, как его передавать и какой язык (или языки) использовать «для доведения» до потребителя определенных товаров или услуг’ [Luna Villalón, 2013, p. 10].

Языковой ландшафт штата, города или даже отдельно взятого района, по нашему мнению, является отражением взаимосвязи этнических групп населения с их языковым и социальным окружением.

По нашим наблюдениям, языковая ситуация в регионе, определяемая целым набором экстралингвистических факторов, а также гибкая языковая политика Мексики и штата Кинтана-Роо привели к формированию четырех разных языковых ландшафтов на его территории: языковой ландшафт города Канкун и Ривьеры Майя, языковой ландшафт города Плайя дель Кармен, общемексиканский языковой ландшафт, смешанный языковой ландшафт.

Остановимся подробнее на каждом из них.

Языковой ландшафт города Канкун и Ривьеры Майя определяется в первую очередь доминированием английского языка, так как данные курорты в основном ориентированы на туристов из США и Канады, а обслуживанием всей туристической инфраструктуры занимаются американские компании. Так, среди названий ресторанов и кафе, а также общественных и торговых мест чаще всего встречаются англоязычные: Grill Steak – ‘мясной ресторан’, Capitan’s Cove – ‘ресторан морской кухни’, Sea and Stones – ‘мясной ресторан’, Taboo. Mediterranean Restaurant in Cancun – ‘Табу. Ресторан средиземноморской кухни в Канкуне’, Public Look-out and Beach – ‘общественный пляж Канкуна’, Golf Club – ‘гольф-клуб’, Coco’s Beach Club Cancun – ‘частный клубный пляж Канкуна’, Grand Island Showrooms – ‘Грэнд Айлендс шоурумс – агентство недвижимости’, Go Mart – ‘магазин шаговой доступности’, Cancun Shopping Village – ‘торговый центр Канкуна’.

Несомненно, общий языковой ландшафт в этой зоне формируют и названия отелей. Отметим, что на территории Канкуна и Ривьеры Майя некоторые отели представлены двумя, тремя и даже четырьмя комплексами с разным названием. Среди них: Marriott, Windham, Secrets, Dreams, NYX, Hyatt, The Ritz Carlton, Hard Rock Hotel, The Westin Resorts и др.

Город Плайя дель Кармен обладает совершенно иным языковым ландшафтом, как минимум потому, что на его территории проживает большое количество эмигрантов из Европы, в первую очередь Испании и Италии, которые являются владельцами небольших кафе, ресторанов, магазинов, в том числе и продуктовых, а также гостиниц, ориентированных на туристов из Европы. В связи с этим в «языковом облике» города преобладает кастильский вариант испанского языка. Например, часто можно встретить рестораны со следующими характерными названиями: La plancha – ‘ресторан-гриль’, Paellas de Pepe – ‘паэлья Пепе’, La Marisquería – ‘ресторан морепродуктов’, Cafetería Madres – ‘кафе-терия Мадрес’, La Taberna. Tapas y Pintxos – ‘Таверна. Тапас и пинчос бар’, El Oasis Marisco – ‘Оазис – ресторан морепродуктов’, Chiringuito – ‘пляжное кафе’. Встречаются и рестораны итальянской кухни: Osteria de Roma, Don Mario, Il Baretto.

Примечательным представляется и тот факт, что на прилавках как небольших магазинов, так и сетевых супермаркетов можно встретить названия продуктов, «свойственных» Испании: *pechuga de pavo* (Испания) вместо *pechuga de guajolote* (Мексика) ‘грудка индейки’; *guisante* взамен *chícharos* ‘зеленый горошек’; *albaricoques* вместо *chabacanos* ‘абрикосы’; *nísperos* вместо *tejocote* ‘мушмула’; *sapodilla* взамен *chicozapotle* ‘сапота’; *melocotón* вместо *durazno* ‘персик’ и др.

Городам и районам штата Кинтана-Роо, не занятым туристическим бизнесом, в большинстве присущ общемексиканский языковой ландшафт. Названия кафе и ресторанов, магазинов, общественных мест, названия блюд и продуктов имеют привычные для каждого мексиканца названия: *Taquería Avila* ‘Такерия Авила’, *Taquería México: La Feria de sabor* ‘Такерия Мексика: Ярмарка вкуса’, *Antojitos regionales* ‘Региональные сладости’, *Chicharrones* у *carnitas ISI’S* ‘Чичарон и мясо ИСИС’, *Cafecito de olla* ‘Кофеек из котелка’ и др.

В отличие от туристической зоны Канкуна, Ривьеры Майя и города Плайя дель Кармен, где названиями улиц служат цифры, например, *calle 5* ‘улица 5’, *calle 40* ‘улица 40’, *avenida 10* ‘проспект 10’, кроме центральных магистралей, в таких городах, как Четумаль, Бакалар, Саламанка, Буэна Виста, Чумпон и др., которые относятся к общемексиканскому языковому ландшафту, названия улиц носят имена видных политических деятелей, представителей культуры и искусства, а также знаковых событий: *Avenida Andrés Quintana Roo* ‘Проспект Андреса Кинтана-Роо’, *Avenida insurgentes* ‘Проспект Повстанцев’, *Avenida universidad* ‘Университетский проспект’, *calle San Salvador* ‘улица святого Сальвадора’, *calle Juan José Ciordia* ‘улица Хуана Хосе Сиордии’, *calle Héroes de Chapultepec* ‘улица героев Чапультепека’ и т.д.

Вместе с тем интересным представляется и четвертый тип языкового ландшафта на территории штата Кинтана-Роо. Мы определяем его как смешанный, в котором соединяются две лингвокультуры: мексиканская и майя. В таких городах, как Фелипе Каррильо Пуэрто, Хосе Мария Морелос, Чунууб, которые находятся в центральной части штата, названия общественных мест и продуктов питания представлены двумя языками (испанским и майя): *El Bar* / “*Chaac Mool*” – ‘бар’; *Nieves* / “*El cokero*” – ‘кафе-мороженое’;

Pastelería / NCahum – ‘кондитерская’; Pastelería / Chunhuhub Qroo – ‘кондитерская’; Restaurante / Ko’ox Janal – ‘ресторан морской кухни’; Cervezas / Cuauhtémoc Moctezuma – ‘пивной магазин’; Carnicería / Xo’ol – ‘мясной магазин’.

Таким образом, основываясь на обзоре подходов к изучению языкового ландшафта в аспекте лингвистической вариативности, можно сделать вывод, что он имеет тенденцию проявляться там, где отмечается большое скопление людей, например в мегаполисах, потому что основная сфера проявления языкового ландшафта – это наружные знаки, вывески и прочее, т.е. он ориентирован на реципиента.

Анализ более 1000 названий общественных мест (в том числе названий кафе, ресторанов, магазинов, парков, пляжей) и продуктов питания показывает, что языковой ландшафт штата Кинтана-Роо отражает неоднородность распределения миграционных и туристических потоков на его территории. Вследствие воздействия этой неоднородности на данный момент в штате сформировались четыре зоны: г. Канкун и Ривьера Майя, г. Плайя дель Кармен, общемексиканский языковой ландшафт, смешанный языковой ландшафт. Такое разделение, на наш взгляд, отражает лингвокультурную идентичность жителей (города Четумаль, Бакалар, Плайя дель Кармен, Фелипе Карильо Пуэрто, Хосе Мария Морелос и др.) и языковую политику региона в отношении развития международного туризма (г. Канкун и Ривьера Майя).

Типичный языковой ландшафт можно назвать маркером прогресса региона, достаточно взглянуть на окружающие надписи или рекламные плакаты продукции, некоторые информационные стенды в общественных местах. Полагаем, что языковой ландшафт можно считать полезным инструментом для исследования массового социально-когнитивного взаимодействия с многоязычием.

Список литературы

- Аристова Н.* Английские переводы в урбанистическом языковом ландшафте как маркер зарождающегося глобального города: на примере Казани // Социальные и поведенческие науки. – 2016. – № 231. – С. 216–222.
- Гришаева Э.Б.* Языковой ландшафт города Красноярска // Социальные и поведенческие науки. – 2015. – № 200. – С. 210–214.

- Alsaif R.A.S., Starks D.* Medium and domains in the linguistic landscapes of the Grand Mosque in Mecca // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2018. – P. 1–18.
- Backhaus P.* Linguistic landscapes: a comparative study of urban multilingualism in Tokyo. – Clevedon : Multilingual Matters, 2007. – 168 p.
- Brentari D.* Sign languages. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 691 p.
- Grote K., Linz E.* From sign to signing: iconicity in language and literature 3 / eds. Müller W.G., Fischer O. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2003. – P. 1–23.
- Jaworski A., Thurlow C.* Semiotic landscapes: language, image, space. – London : Continuum, 2010. – 320 p.
- Labov W.* Principles of linguistic change: social factors. – London : Blackwell, 2001. – 419 p.
- Landry R., Bourhis R.* Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study // *Journal of language and social psychology*. – 1997. – N 16(1). – P. 23–49.
- Lorusso A.M.* Cultural semiotics: for a cultural perspective in semiotics: (semiotics and popular culture). – London : Palgrave Macmillan, 2015. – 229 p.
- Lu S., Li G., Xu M.* The linguistic landscape in rural destinations: a case study of Hongcun Village in China // *Tourism Management*. – 2020. – N 77. – P. 1–9.
- Luna Villalón M.E.* El uso del español en el paisaje lingüístico de una pequeña ciudad canadiense // *Estudios de lingüística aplicada*. – 2013. – N 58. – P. 9–27.
- Pakarinen S., Björklund S.* Multiple language signage in linguistic landscapes and students' language practices: A case study from a language immersion setting // *Linguistics and Education*. – 2017. – Vol. 44. – P. 4–14.
- Przymus S.D., Kohler A.T.* SIGNS: Uncovering the mechanisms by which messages in the linguistic landscape influence language / race ideologies and educational opportunities: linguistics and education // *Linguistics and Education*. – 2017. – Vol. 4. – P. 58–68.
- Rosenbaum Y., Nadel E., Cooper R.L., Fishman J.A.* English on Keren Kayemet Street // *The spread of English: the sociology of English as an additional language* / eds. J.A. Fishman, R.L. Cooper and A.W. Conrad. – Rowley (Ma), 1997. – P. 179–196.
- Sebeok T.A.* Signs: an introduction to semiotics // *Journal of Pragmatics*. – 2001. – N 26(2). – P. 567–569.
- Spolsky B., Cooper R.L.* The languages of Jerusalem. – Oxford : Clarendon, 1991. – 180 p.
- Tagliamonte S.* Variationist Sociolinguistics: Change, observation, interpretation. – London : Wiley-Blackwell, 2012. – 432 p.
- Torkington K.* Exploring the linguistic landscape: the case of the 'Golden Triangle' in the Algarve, Portugal // *Papers from the Lancaster University Postgraduate Conference in Linguistics & Language Teaching*. – 2009. – Vol. 3. – P. 122–145.

References

Aristova N. Anglijskie perevody v urbanisticheskomazykovom landshafte kak marker zarozhdayushchegosia global'nogo goroda: na primere Kazani [English translations

- in the urban linguistic landscape as a marker of the emerging global city: a case study of Kazan]. *Social'nye i povedencheskie nauki*. 2016. N 231. S. 216–222. (In Russian)
- Grishaeva E.B. Yazykovoj landschaft goroda Krasnoyarska [The linguistic landscape of the city of Krasnoyarsk]. *Social'nye i povedencheskie nauki*, 2015. N 200. S. 210–214. (In Russian)
- Alsaif R.A.S., Starks D. Medium and domains in the linguistic landscapes of the Grand Mosque in Mecca. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2018. P. 1–18.
- Backhaus P. *Linguistic landscapes: a comparative study of urban multilingualism in Tokyo*. Clevedon: Multilingual Matters, 2007. 168 p.
- Brentari D. *Sign languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 691 p.
- Grote K., Linz E. *From sign to signing: iconicity in language and literature 3* / eds. Müller W.G., Fischer O. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2003. P. 1–23.
- Jaworski A., Thurlow C. *Semiotic Landscapes: Language, Image, Space*. London: Continuum, 2010. 320 p.
- Labov W. *Principles of Linguistic Change: Social Factors*. London: Blackwell, 2001. 419 p.
- Landry R., Bourhis R. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study. *Journal of language and social psychology*. 1997. N 16(1). P. 23–49.
- Lorusso A.M. *Cultural semiotics: For a cultural perspective in semiotics: (Semiotics and Popular Culture)*. London: Palgrave macmillan, 2015. 229 p.
- Lu S., Li G., Xu M. The linguistic landscape in rural destinations: A case study of Hongcun Village in China. *Tourism Management*. 2020. N 77. P. 1–9.
- Luna Villalón M.E. El uso del español en el paisaje lingüístico de una pequeña ciudad canadiense. *Estudios de Lingüística Aplicada*. 2013. N 58. P. 9–27.
- Pakarinen S., Björklund S. Multiple language signage in linguistic landscapes and students' language practices: A case study from a language immersion setting. *Linguistics and Education*. 2017. Vol. 44. P. 4–14.
- Przymus S.D., Kohler A.T. SIGNS: Uncovering the mechanisms by which messages in the linguistic landscape influence language / race ideologies and educational opportunities: Linguistics and education. *Linguistics and Education*. 2017. Vol. 4. P. 58–68.
- Rosenbaum Y., Nadel E., Cooper R.L., Fishman J.A. English on Keren Kayemet Street. In *The Spread of English: The Sociology of English as an Additional Language* / eds. J.A Fishman, R.L. Cooper and A.W. Conrad. Rowley (Ma), 1997. P. 179–196.
- Sebeok T.A. Signs: An introduction to semiotics. *Journal of Pragmatics*. 2001. N 26(2). P. 567–569.
- Spolsky B., Cooper R.L. *The Languages of Jerusalem*. Oxford: Clarendon, 1991. 180 p.
- Tagliamonte S. *Variationist Sociolinguistics: Change, Observation, Interpretation*. London: Wiley-Blackwell, 2012. 432 p.
- Torkington K. Exploring the linguistic landscape: The case of the 'Golden Triangle' in the Algarve, Portugal. In *Papers from the Lancaster University Postgraduate Conference in Linguistics & Language Teaching*. 2009. Vol. 3. P. 122–145.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

LEXICOLOGY

УДК 81'373

DOI: 10.31249/ling/2023.04.03

Федосеева Л.Н., Сергиевская Л.А.¹

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ГЛАГОЛОВ В РАССКАЗАХ М.М. ПРИШВИНА

Аннотация. Глаголы, функционирующие в рассказах М.М. Пришвина, рассматриваются с точки зрения принадлежности к лексико-семантическим группам. Выделяются классы наиболее частотных глаголов, предлагается объяснение их преобладания в текстах писателя. Используется большой объем языкового материала в качестве примеров.

Ключевые слова: М.М. Пришвин; рассказы; глаголы; лексико-семантическая специфика.

Для цитирования: Федосеева Л.Н., Сергиевская Л.А. Лексико-семантическая специфика глаголов в рассказах М.М. Пришвина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 4. – С. 30–45. – DOI: 10.31249/ling/2023.04.03

¹ © Федосеева Л.Н., Сергиевская Л.А., 2023

Федосеева Лариса Николаевна – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Академии ФСИН России; ln-fedoseewa@yandex.ru

Сергиевская Любовь Алексеевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина; l.sergievsckaya@365.rsu.edu.ru

FEDOSEEVA L.N., SERGIEVSKAYA L.A.¹
LEXICO-SEMANTIC SPECIFICITY OF VERBS
IN M.M. PRISHVIN'S STORIES

Abstract. Verbs functioning in M.M. Prishvin's stories are considered from the viewpoint of belonging to lexical and semantic groups. The classes of the most frequent verbs are distinguished, an interpretation of their predominance in the texts of the writer is proposed. A large amount of language material is used as examples.

Keywords: M.M. Prishvin; stories; verbs; lexico-semantic specificity.

For citation: Fedoseeva L.N., Sergievskaya L.A. Lexico-semantic specificity of verbs in M.M. Prishvin's stories. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2023. N 4. Pp. 30–45. DOI: 10.31249/ling/2023.04.03

Литературное наследие М.М. Пришвина огромно и разнопланово, оно давно привлекает внимание лингвистов и довольно хорошо изучено во многих ракурсах [см., например, Алехина, 2020; Ерофеева, 2013; Логачева, 2016; Ольховская, 2016; Полякова, 2019; Плеханова, 2018]. Однако функционирование глаголов в рассказах писателя на предмет лексико-семантической специфики не рассматривалось исследователями, в то время как данная проблематика представляет большой интерес для прикладной науки.

Лексическая семантика глаголов в рассказах М.М. Пришвина имеет широкий диапазон функционирования с различными оттенками значений в зависимости от контекста и характера передаваемых ситуаций. В текстах представлены слова этой части речи, представляющие все основные лексико-семантические группы современного русского языка. Опираясь на классификацию М.В. Всеволодовой [Всеволодова, 2000, с. 55–61] и наше предыдущее ис-

¹ © Fedoseeva L.N., Sergievskaya L.A., 2023

Fedoseeva Larisa Nikolaevna – PhD in philology, Professor of the Department of Foreign Languages of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia; infedoseewa@yandex.ru

Sergievskaya Lyubov' Alekseevna – PhD in philology, Professor of the Department of Russian Language and Methods of its Teaching at Riazan' State University named after S.A. Yesenin; l.sergievskaya@365.rsu.edu.ru

следование [Федосеева, 2013], детально проанализируем функционирование глаголов в рассказах М.М. Пришвина и определим, какие глаголы являются наиболее употребительными и почему.

Глаголы образуют два класса: диктальные (полнознаменательные) и строевые. Начнем их рассмотрение с первых.

Диктальные (полнознаменательные) глаголы подразделяются на группы:

- 1) акциональные;
- 2) экзистенциальные (бытийные);
- 3) статальные;
- 4) реляционные;
- 5) характеристические;
- 6) авторизационные.

Акциональные глаголы (обозначают физические, интеллектуальные или ментальные действия (не состояния) лица, зоонима, управляемых лицом предметов, стихийные силы и процессы) подразделяются на группы:

1) конкретного физического действия: *работать, играть, делать, охотиться* и др. Например: *И теперь можем сказать: не было ни одного дома, где бы жили и **работали** так дружно, как жили наши любимцы* («Кладовая солнца») [Пришвин, 1951–1952]; *Так **поиграл** ветер с липой, подобрался к туче, дунул, и брызнула туча и сразу вся разошлась дождем* («Времена года. Октябрь. Последние грибы») [Пришвин, 1951–1952]; *Мы с ней мало **охотились**, но она прекрасно служила у нас сторожем* («Выскочка») [Пришвин, 1951–1952];

2) движения, перемещения в пространстве, управляющие директивами (старта / финиша, трассы, средства передвижения) и включающие глаголы, называющие перемещение:

а) самого субъекта: *идти (домой), перейти (дорогу), выбежать (из дома), приехать (на машине), приземлился (самолет)*. Например: *Тогда, велел собакам, крадучись, **идти** назад, я стал неслышными шагами **подходить** к гнезду: не удастся ли, думал я, увидеть вплотную интересных птиц* («Болото») [Пришвин, 1951–1952]; *Потом я **перешел** на другую сторону плеса, где опустился второй из выводка, много и тут намесил, но разыскать не мог и второго* («Белая радуга») [Пришвин, 1951–1952]; *Когда стемнело, я зажег лампу, и – здравствуйте! – ежик **выбежал** из-под кровати*

(«Еж») [Пришвин, 1951–1952]; *Наша охотничья собака, лайка, приехала к нам с берегов Би, и в честь этой сибирской реки так и назвали мы ее Бией («Выскочка»)* [Пришвин, 1951–1952];

б) субъектом объекта: *повести, понести, послать* и др. Например: *Я велел собакам встать и повел их на горбинку («Болото»)* [Пришвин, 1951–1952]; *Бабочка с бабочкой встретятся, узнают друг друга и полетят, кружась, одна возле другой над цветами, и выше, и все выше и выше, пока не достигнут простора над лесами и ветер не понесет их вместе неизвестно куда («Времена года. Май. Встреча»)* [Пришвин, 1951–1952].

Глаголы движения представляют особый интерес как выразители локативности: они без участия распространителей передают идею пространства, а именно перемещения в нем, то есть значение директивности. Внутри данного класса выделяются бесприставочные глаголы, обозначающие в одном случае однонаправленное, в другом – разнонаправленное или повторяющееся движение, а также приставочные глаголы.

Глаголы однонаправленного движения (употребляются для обозначения движения, совершающегося в одном направлении: *По улице идет человек*): *идти, ехать, бежать, лететь, брести, ползти, лезть, плыть, нести, вести, везти, тащить, катить, гнать*. Глаголы разнонаправленного или повторяющегося движения употребляются для обозначения 1) движения, совершающегося в различных направлениях: *Над нами летают самолеты; По площадке бегают дети*; 2) регулярного движения: *Каждый день автобус возит рабочих на предприятие*; 3) умения, способности, обычного способа передвижения (например, *моя дочь хорошо плавает*): *ходить, ездить, бегать, летать, бродить, ползать, лазить, плавать, носить, водить, возить, таскать, катать, гонять* и др. Глаголы однонаправленного и разнонаправленного или повторяющегося движения, обладая разными семантическими оттенками, всякий раз в речи выбирают свой контекст, при всей внешней схожести они синонимами не являются. Например: 1) *Идет где-то человек в сапогах, и мерзлая сухая земля бунчит под его сапогами («Времена года. Ноябрь. Замерзает река»)* [Пришвин, 1951–1952]; – *А ну-ка, старик, – приказал я дождю, – будет тебе всех нас томить, ехать, так ехать, начинай!* («Лесной хозяин») [Пришвин, 1951–1952]; *И вот раз будто бы видит в окошко этот*

сторож – **бежит** прямо к избе большой медведь, а за ним **гонит-ся** стая волков («Белый ожерелок») [Пришвин, 1951–1952]; **Листик** за листиком **падают** с липы на крышу, какой листик **летит** парашютиком, какой мотыльком, какой винтиком («Времена года. Октябрь. Утро») [Пришвин, 1951–1952]; **Этих** уже и ветер не снесет, и только весной, когда снег будет с веток **сползать**, он захватит с собой и сосновые вилочки («Времена года. Ноябрь. Лесное зеркало») [Пришвин, 1951–1952]; **Полез** я за крупой в сундук, а там нет ничего («Говорящий грач») [Пришвин, 1951–1952]; **Нет**, ее тянет страстное желание остановить в своем движении все живое, все способное двигаться, бежать, **плыть**, летать («Вася Весёлкин») [Пришвин, 1951–1952]; **Есть** поздняя осень, когда ветер даже с елок **снесет** опавшие на них листья берез и осин («Лесное зеркало») [Пришвин, 1951–1952]; **Маленькая** дикая уточка чирок-свистунок решила наконец-то **перевести** своих утят из лесу, в обход деревни, в озеро на свободу («Ребята и утята») [Пришвин, 1951–1952]; **Бегите** немедленно, поднимайте вон тех людей, велите из школы скамейки **тащить**, подбирать и укладывать раненых («Голубая стрекоза») [Пришвин, 1951–1952]; **Солнце** закатилось («Болото») [Пришвин, 1951–1952]; **Повадился** ко мне на подоконник **летать** желторотый молодой грачонок («Говорящий грач») [Пришвин, 1951–1952]; **Я** и сам совсем забыл об этих гусях и спокойно шел, пуская Жульку свободно **бегать** перед собою справа налево и обратно – слева направо («Вася Весёлкин») [Пришвин, 1951–1952]; **Ну**, вот прямо же над самыми тетеревами **ходит**, а догадаться не может копнуть ногой и схватить («Беляк») [Пришвин, 1951]; 2) **Подрезали** мы этому журавлю крылья, и стал он за женой всюду **ходить** («Журка») [Пришвин, 1951–1952]; 3) **Внизу** в невидимых глазу темных таинственных коридорах кочкарника бекасиха **бегает** свободно, взлетает, когда ей вздумается на нас посмотреть, опять садится близехонько и сигнализирует детям («Белая радуга») [Пришвин, 1951–1952]; **Он**, конечно, подумал на лампу, что это луна взошла в лесу: при луне ежи любят **бегать** по лесным полянкам («Еж») [Пришвин, 1951–1952]; **Я** только собрался было **полазить** в кочках, как вдруг вдали над серединой зеленой долины услышал желанный крик, похожий на равномерное повизгивание ручки ведра, когда с ним идут за водой: «Ка-чу-ка-чу...» – кричал бекас, ви-

лочкой сложив крылья и так спускаясь в долину («Белая радуга») [Пришвин, 1951–1952].

Приставочные глаголы движения образуют большую группу за счет обилия приставок, их обслуживающих, и коррелирующих с ними предлогов: *входить / войти* (с предлогами *в, к, на*), *выходить / выйти* (с предлогами *из, с, от, в, на*) и др. Например: *Я зашел в направлении их глаз и носов и увидел прямо на желтой сухой полоске мха, возле крошечного кустика, без всяких приспособлений и прикрытия лежащие два большие яйца («Болото»)* [Пришвин, 1951–1952]; *Вот тогда как будто над всеми звуками вырвался, вылетел и все покрыл собою торжествующий крик, похожий, как если бы все люди радостно в стройном согласии могли закричать («Кладовая солнца»)* [Пришвин, 1951–1952]; *В одну ночь после сильного, очень теплого дождя воды прибавилось сразу на метр, и отчего-то невидимый ранее город Кострома с белыми зданиями показался так отчетливо, будто раньше он был под водой и только теперь из-под нее вышел на свет («Остров спасения»)* [Пришвин, 1951–1952].

Экзистенциальные (бытийные) глаголы представлены двумя подклассами, представители которых могут выступать контекст-партнерами для локативов:

1) собственно бытийные, называющие наличие, существование предмета, явления. Это полнзначный глагол *быть*, например: *Это у нее означало тревогу и начало бдительности, необходимой для защиты, – известно, что в природе на кости есть много охотников («Выскочка»)* [Пришвин, 1951–1952]; глаголы *бывать, существовать, наличествовать, иметься, присутствовать, отсутствовать, царить*, например: *Я не решился ей сказать, что Лимон **побывал** у меня в шляпе («Лимон»)* [Пришвин, 1951–1952]. Данные глаголы выполняют функции пространственных реляторов, оставаясь в классе диктальных глаголов;

2) фнктивные по отношению к стихиям и натурфактам: *течь, расти, жужжать, зудеть, пахнуть, цвести* и др., например: *С утра ледяные искорки, вспыхивая, складывались в тонкие льдинки, и потекло, как в ледоход, по реке сало («Времена года»)* [Пришвин, 1951–1952]; *Росла она, конечно, в тени, и оттого сучья у нее когда-то были опущены вниз («Лесной хозяйин»)* [Пришвин, 1951–1952]; *Я шел по дороге навстречу войне и поигрывал со*

смертью: то падал снаряд, взрывая глубокую воронку, то пуля пчелкой **жуужжала**, я же все шел, с любопытством разглядывая стайки куропаток, летающих от батареи к батарее («Голубая стрекоза») [Пришвин, 1951–1952]; Возьмешь одну почку, разотрешь между пальцами, и потом долго все **пахнет** тебе ароматной смолой березы, тополя или черемухи («Разговор деревьев»); глаголы типа *белеть*, *зеленеть*, например: *Сегодня вся природа нам ответила «да!»* – и все стало кругом везде **зеленеть** («Времена года. Апрель. Апрельский день») [Пришвин, 1951–1952].

Статальные глаголы принадлежат к определенным подклассам:

1) положения в пространстве: *стоять*, *висеть*, *сидеть*, *лежать* и др., например: *За множество лет культуры это вошло в кровь легавой собаки – **стоять** по найденной дичи, выполнение стойки стало ее свободой, а дело дрессировщика – только умело напомнить о живущем в ней ее назначении* («Белая радуга») [Пришвин, 1951–1952]; *Почки раскрываются, шоколадные, с зелеными хвостиками, и на каждом зеленом клювике **висит** большая прозрачная капля* («Разговор деревьев») [Пришвин, 1951–1952]; *Видим – Журка далеко, на середине нашего болота **сидит*** («Журка») [Пришвин, 1951–1952]; *В полях тает, а в лесу еще снег **лежит** нетронутый плотными подушками на земле и на ветках деревьев, и деревья стоят в снежном плену* («Жаркий час») [Пришвин, 1951–1952];

2) физической функции: *гореть*, *литься* и др., например: *Там не бывает времен года, солнце само по себе **горит** и **горит**, а это земля повертывается, и это движение вокруг себя порождает тени, регулирующие свет, чтобы длилась жизнь на земле* («Времена года. Декабрь. Весна теней») [Пришвин, 1951–1952]; *Когда с крыши перестало **литься** и запели разные птички, это услышали гусята под курицей, и им, молодым, конечно, захотелось на волю* («Курица на столбах») [Пришвин, 1951–1952];

3) физиологического состояния: *болеть*, *гнить*, *выздоровливать*, *воспалиться*, *нарывать*, *сохнуть*, *мокнуть*, *печься*, *жариться*, *вариться*, *разрушаться*, *расти* и др., например: *Трубочка **высохнет**, туго свернется* («Берестяная трубочка») [Пришвин, 1951–1952]; *Все **разрушается**, все падает, но ничто не умирает, и если даже умрет, тут же переходит в другое* («Времена года. Октябрь. Сила жизни») [Пришвин, 1951–1952] (см. также [Золотова,

1982, с. 162; Го Шуфень, 1998]). Эти глаголы можно отнести и к акциональным, так как они обозначают состояние-процесс;

4) эмоционально-психического состояния, чувства и восприятия: *восхищаться, любить, радоваться* и др., например: *Жена директора Елена Васильевна очень **любила** животных* («Лимон») [Пришвин, 1951–1952]; *Они как будто даже и **обрадовались** моему приказанию и побежали с утятами на холм* («Ребята и утята») [Пришвин, 1951–1952] (см. также [Крючкова, 1979; Ван Янчжен, 1991; Лебедева, 1992]);

5) речи, мысли, сообщения: *говорить, думать, понимать, спрашивать, видеть, слышать, наблюдать* и др., например: *Увидев голубую стрекозу, летающую у заводи, он еще раз улыбнулся, еще раз **сказал** спасибо и снова закрыл глаза* («Голубая стрекоза») [Пришвин, 1951–1952]; *Вылезал я из провалища, конечно, уж не без шума и **думал**: «Ястреб это услышал и улетел»* («Птицы под снегом») [Пришвин, 1951–1952]; *Казалось, мы без всяких слов отлично **понимали** друг друга, и для этого не было слов* («Болото») [Пришвин, 1951–1952]; – *Это что за птица?* – ***спросила** Зиночка* («Лисичкин хлеб») [Пришвин, 1951–1952]; *Я взял у него бинокль и тоже **увидел** череп* («Беляк») [Пришвин, 1951–1952]; *Прошло сколько-то времени в молчании, как вдруг губы опять зашевелились, возникла новая борьба, и я **услышал**: – А что, она еще летает?* («Голубая стрекоза») [Пришвин, 1951–1952]; *Однажды мы сидели у берега и **наблюдали**, как из воды выходили землеройки, полевки, водяные крысы, и норки, и зайушки, и горностаюшки, и белки тоже сразу большой массой приплыли и все до одной держали хвостики вверх* («Остров спасения») [Пришвин, 1951–1952].

В группе реляционных глаголов, называющих отношения между участниками ситуации, выделим следующие подклассы:

1) интерперсонального отношения: *дружить, враждовать, сотрудничать, участвовать, помогать, мешать, препятствовать, уступать* и др., например: *Но она, кроме того, повернула ко мне голову и просила глазами: «Дело какое-то очень серьезное, такого еще не бывало, иди **помогать**, только не торопись, не шлепай, я же все равно почему-то дальше не могу тронуться»* («Белая радуга») [Пришвин, 1951–1952];

2) эмоционального отношения-состояния: *увлекаться, гордиться, любоваться, нравиться* и др. (см. также [Крючкова, 1979;

Ван Янчжен, 1991]), например: *Долго я любовался, но вдруг все тетерева бросились вниз и зарылись в снег под березами* («Беляк») [Пришвин, 1951–1952]; *Веселая собачка эта Вьюшка, всем нравится: ушки, как рожки, хвостик колечком, зубки беленькие, как чеснок* («Выскочка») [Пришвин, 1951–1952].

В группе характеристических глаголов, выражающих признаки и свойства предметов, явлений, выделим два подкласса:

1) выражающие визуально воспринимаемые признаки: *вить-ся, блестеть, сверкать* и под., например: *Вот такой огромный блестит в росе, что и не верится* («Белый гриб») [Пришвин, 1951–1952]; *Невидимые звезды снега теперь спустились сверху, возле нас в воздухе блестят спокойным дождем искр, и остаются на сучках деревьев, и от этого дерево сверкает все от верху до низу каждой веточкой, каждой зимней нераскрытой почкой* («Времена года. Февраль. Снег на ветвях») [Пришвин, 1951–1952];

2) выражающие свойства веществ, предметов: *плавиться, испаряться, таять* и др., например: *В полях таит, а в лесу еще снег лежит нетронутый плотными подушками на земле и на ветках деревьев, и деревья стоят в снежном плену* («Жаркий час») [Пришвин, 1951–1952].

Строевые глаголы представлены тремя группами: 1) связочные; 2) модификаторы; 3) реляторы:

1) связочный (полузнаменательный) глагол *быть*, например: *Наступила такая тишина, было такое напряжение в ожидании первых капель, что, казалось, каждый листик, каждая хвоинка силилась быть первой и поймать первую каплю дождя* («Лесной хозяин») [Пришвин, 1951–1952];

2) глаголы-модификаторы, осложняющие глагольные формы во всех их функциях, представлены тремя подгруппами:

• модальные, представленные, в свою очередь, тремя разновидностями:

а) собственно модальные – со значением модальности желания, возможности, долженствования и под., например: *Захотелось мне помочь тетеревам, и стал я подкрадываться к ястребу* («Птицы под снегом») [Пришвин, 1951–1952];

б) модально-темповые (называют темп действия, в котором проявляется модальность желательности / нежелательности действия со стороны субъекта): *медлить, торопиться, спешить, меш-*

кать и др., например: *Я только посмотрел на яйца, и птицы, боясь человеческого глаза, **поспешили** их спрятать подальше* («Болото») [Пришвин, 1951–1952];

в) оценочно-темповые (оценивают действие с точки зрения результативности): *успеть, суметь, смочь* и др., например: *Она схватила кость и даже успела повернуться в другую сторону, **успела** ударить по земле крыльями, поднять пыль из-под травы-муравы* («Высочка») [Пришвин, 1951–1952]; *В то же время старый капитан **сумел** выразить мне и сочувствие, и покровительство* («Голубая стрекоза») [Пришвин, 1951–1952];

• фазисные модификаторы (называют фазы: начало, продолжение, конец предикатного признака): *начать, стать, продолжать, остаться, кончить, перестать, прекратить, появиться, возникнуть, исчезнуть* (перестать существовать) и др., например: *Это угощение решило мою жизнь в хорошую сторону: я **начал** вставать до солнца, чтобы напиться с мамой вкусного чаю* («Моя родина») [Пришвин, 1951–1952]; *Но скоро эта Бья почему-то у нас превратилась в Бьюшку, Бьюшку все **стали** звать Вьюшкой* («Высочка») [Пришвин, 1951–1952]; *В это время, отдохнув на камне и согревшись в лучах солнца, Настя с Митрашей встали, чтобы **продолжать** дальше свой путь* («Кладовая солнца»); *Прошло сколько-то времени в молчании, как вдруг губы опять зашевелились, **возникла** новая борьба...* («Голубая стрекоза») [Пришвин, 1951–1952]; *К рассвету все поле было покрыто, и в белой безмерности **исчезли** и белый заяц и белый череп* («Беляк») [Пришвин, 1951–1952];

• авторизационные модификаторы: *считаться, казаться, оказаться* и др., например: *Я много всего в лесу насмотрелся, мне все это просто, но я все-таки дивлюсь на ястреба: такой умнейший, а на этом месте **оказался** таким дураком* («Птицы под снегом») [Пришвин, 1951–1952];

3) глаголы-реляторы («компликаторы» в терминах Г.А. Золотовой), называющие отношения, устанавливаемые логически, на сигнификативном уровне, в том числе пространственные, слова, конкретного денотата не имеющие (они несут в языке строевую, служебную функцию): *находиться, располагаться, помещаться, размещаться, соседствовать, ютиться, пробывать, населять, водиться* и др. Например: *Трава очень высокая, но там, где спустился*

бекас, все ниже, ниже, и вот, наконец, на топкой, желтоватым мошком покрытой плешине, по-моему, и должен бы **находиться** бекас («Белая радуга») [Пришвин, 1951–1952]. Нередко функции реляторов выполняют и глаголы типа *стоять, лежать, висеть*, собственно реляторами не являющиеся, например: *И вот, оказывается, не во мне именно тут дело, а что на этом чём-то весь мир **стоит** и движется, и весь человек, как единое существо, торжествует, и я могу свидетельствовать об этом, как удивленный и обрадованный участник апрельского дня и невесты его – разубранной цветами в неодоетом лесу ранней ивы* («Времена года. Апрель. Апрельский день») [Пришвин, 1951–1952]; *Но, кроме бондарства, на нем **лежит** и все мужское хозяйство, и общественное дело* («Кладовая солнца») [Пришвин, 1951–1952]. При реляторах *находиться, располагаться, водиться, обитать* и подобных obligateden локативный модуль.

В количественном отношении в рассказах М.М. Пришвина преобладают глаголы движения, речи, мысли, сообщения, чувства и восприятия.

Глаголы движения обеспечивают динамику действий и событий. При этом герои рассказов передвигаются в пространстве таким образом, что для выражения динамики явное предпочтение отдается глаголам с лексемами *идти, бежать* и (реже) *лететь*. Например: *Наш упрямый дед, как только немного поправился, попробовал валенки еще раз заморозить и **походил** даже немного, но вскоре весна **пришла**...* («Дедушкино варенье») [Пришвин, 1951–1952] – глагол *походить* указывает на многократность действия, а *прийти* – на совершение действия с оттенком его внезапного начала. Глагол *прийти* часто употребляется в сочетании с субъектом *пора*: ***Пришла пора** вить гнезда* («Дедушкин валенок») [Пришвин, 1951–1952]; ***Пришла пора** отдохнуть* («Дедушкин валенок») [Пришвин, 1951–1952] – здесь такое сочетание выражает наступление момента для совершения обозначенного действия. *Но тут я **подошел*** («Ребята и утята») [Пришвин, 1951–1952]; *Утята **подошли** к самым моим ногам* («Ребята и утята») [Пришвин, 1951–1952] – глагол *подойти* в данных контекстах имеет оттенок включения в совместное действие. *Трех из них (утят) я взял себе на воспитание, остальные шестнадцать **пошли** себе дальше по коровьей тропе* («Изобретатель») [Пришвин, 1951–1952] – глагол *пошли* имеет от-

тенок отстраненности от действия автора. *Идите и возвратите ей всех утят!* («Изобретатель») [Пришвин, 1951–1952] – глагол *идти* в императивной форме передает решительное побуждение с оттенком приказа.

Глаголы с лексемой *бежать* нередко используются М.М. Пришвиным с приставкой *по-* и выражают интенсивное начало действия, например: *По-своему она им что-то быстро сказала и побежала к овсяному полю* («Изобретатель») [Пришвин, 1951–1952]; *Они как будто даже и обрадовались моему приказанию и побежали с утятами на холм* («Ребята и утята») [Пришвин, 1951–1952]; *За ней побежали утята – пять штук* («Ребята и утята») [Пришвин, 1951–1952]. Глагол *бежать* используется писателем для обозначения интенсивного и (часто) разнонаправленного действия: *Все время, пока они ловили утят, мать бежала за ними с раскрытым клювом...* («Ребята и утята») [Пришвин, 1951–1952]; *На полу вместе с Дусей бежал утенок с перевязанной лапкой* («Ребята и утята») [Пришвин, 1951–1952]. *Тетерев под снегом не бегают* («Птицы под снегом») [Пришвин, 1951–1952] – здесь глагол *бежать* с частицей *не* обозначает отсутствие действия как постоянное свойство субъекта.

Глаголы с лексемой *лететь* имеют различные коннотации, обусловленные контекстом и передаваемой ситуацией, например: *Перебудет куропатка в деревне ночь с мужиками и утром летит кормиться на то же самое место* («Птицы под снегом») [Пришвин, 1951–1952] – обозначается целенаправленное действие (летит – с какой целью? – кормиться); *Серая куропатка у нас не любит зарываться в снег и летает ночевать в деревню на гумна* («Птицы под снегом») [Пришвин, 1951–1952] – передается постоянное действие, свойственное субъекту и имеющее определенную, обозначенную последующим глаголом в форме инфинитива цель (ночевать). Иногда встречаются приставочные глаголы со значением предполагаемого начала действия, например: *Ястреб замечает ее перелеты, и, бывает, она только вылетать собирается, а ястреб уже дожидается ее на дереве* («Птицы под снегом») [Пришвин, 1951–1952].

Глаголы речи, мысли и восприятия служат для речевой характеристики персонажей, а также для создания более полной картины образов со стороны мыслительной деятельности героев и

чувственного отражения действительности в их сознании. Например: *Он, конечно, подумал на лампу, что это луна взошла в лесу* («Еж») [Пришвин, 1951–1952]; *Тут я и понял его* («Еж») [Пришвин, 1951–1952]; *Он не понимал охоты и рад был продать ненужную собаку* («Лада») [Пришвин, 1951–1952]; *Думал я об этом и вот как догадался* («Зверь бурундук») [Пришвин, 1951–1952]; *Потом, как обыкновенно, я серьезно поговорил с ним и простил* («Предательская колбаса») [Пришвин, 1951–1952]. Глаголы речи служат компонентами, вводящими прямую речь. Наиболее употребительными из них являются глаголы *сказать, спросить, ответить*, которые используются в словах автора для оформления диалогических единств при вопросно-ответной форме повествования в качестве художественного приема. Например: – *Некультурен!* – *сказал мне однажды егерь Кирсан.* – *Как же быть с некультурностью?* – *спросил я* («Ежовые рукавицы») [Пришвин, 1951–1951]; *Я спрашиваю:* – *Что же делать-то, Роман Василич?* *Рома ответил по-своему:* – *Разве брехнуть?* – *Вали, – говорю, – лай* («Ужасная встреча») [Пришвин, 1951–1952]; – *Дятел дырки наделал, – ответили ребята* («Лесной доктор») [Пришвин, 1951–1952]; – *А, ты так со мной!* – *сказал я и кончиком сапога спихнул его в ручей* («Еж») [Пришвин, 1951–1952]. Заметим, что для языка М.М. Пришвина характерно построение прямой речи перед словами автора. Это позволяет писателю акцентировать внимание читателя не на источнике высказывания, а на содержании собственно прямой речи. В таких случаях глаголы речи выступают заключающим звеном предложения и не каузируют последующее умозаключение.

Иногда глаголы речи встречаются в повествовании от первого лица, предвеляя дальнейший рассказ о каком-либо событии. При этом используется односоставное определенно-личное предложение с препозицией глагола речи: *Расскажу случай, который был со мной в голодном году* («Говорящий грач») [Пришвин, 1951–1952].

Таким образом, в рассказах М.М. Пришвина особенно активны глаголы движения, речи, мысли и восприятия. Глаголы движения служат для передачи динамики действия, так как писатель описывает стремительные события, быстрые реакции людей и животных на происходящее. Глаголы речи используются, как правило, в постпозиции слов автора по отношению к прямой речи, что

актуализирует не говорящего, а содержание прямой речи. Глаголы мысли и восприятия отражают чувственные и осознанные реакции персонажей на передаваемые события. Все это позволяет читателю воспринимать образы людей и животных со стороны их реального существования, а также проникать в их внутренний мир во всех тонкостях его проявления.

Список литературы

- Алехина А.А.* Образ пространства и способы его выражения в цикле рассказов М.М. Пришвина «Новые места» // Художественная словесность: теория, методология исследования, история : колл. монография, посвященная памяти д-ра филол. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Ю.И. Минералова / под ред И.Г. Минераловой. – Москва, 2020. – С. 165–174.
- Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка : учебник. – Москва : Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.
- Ван Янчжен.* Роль подлежащего в структурно-семантической организации русского предложения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1991. – 21 с.
- Го Шуфень.* Формальная структура, обозначающая состояние субъекта, и ее речевые реализации в современном русском языке (в зеркале китайского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1998. – 20 с.
- Ерофеева Е.А.* Время и пространство в языке миниатюр М.М. Пришвина // Художественный текст: структура, семантика, стилистика : сб. науч. статей к юбилею Е.И. Дибровой. – Москва, 2013. – С. 81–91.
- Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – Москва : Наука, 1982. – 366 с.
- Крючкова М.Л.* Особенности глагольного немотивированного управления в современном русском языке. – Москва : Русский язык, 1979. – 174 с.
- Лебедева Е.К.* Причинно-следственные конструкции со значением эмоционального состояния человека и их речевые реализации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1992. – 18 с.
- Логачева А.А.* Функционирование лексических единиц в творчестве М.М. Пришвина // Современная наука: теоретический и практический взгляд : сб. статей Международной научно-практической конференции : в 4 ч. – Уфа, 2016. – С. 152–154.
- Мэйской Яо.* Функционирование местоимений в рассказах М.М. Пришвина // Наука и мир. – 2018. – № 5–2(57). – С. 71–73.
- Ольховская Ю.И.* Изучение прозы М.М. Пришвина в современном контексте // Педагогическое образование в современных условиях : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Новосибирский государственный педагогический университет, Куйбышевский филиал. – Новосибирск, 2016. – С. 313–319.

- Полякова С.А. Миниатюры М.М. Пришвина: специфика синтаксической организации текстового пространства // 80-летие Елецкой филологии. Материалы Международной научной конференции. – Елец, 2019. – С. 264–268.
- Плеханова Л.П. Глагольная метафора как компонент индивидуально-авторской картины мира в прозе М.М. Пришвина // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Елец, 2018. – С. 205–212.
- Пришвин М.М. Избранные произведения : в 2 т. – Москва : Гослитиздат, 1951–1952.
- Федосеева Л.Н. Категория локативности в современном русском языке. – Рязань : РИО РязГМУ, 2013. – 385 с.

References

- Alekhina A.A. *Obraz prostranstva i sposoby ego vyrazheniya v cikle rasskazov M.M. Prishvina «novye mesta»* [The image of space and the ways of its expression in the cycle of stories “New Places” by M.M. Prishvin]. In *Hudozhestvennaya slovesnost': teoriya, metodologiya issledovaniya, istoriya: kollektivnaya monografiya, posviashchennaya pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatel'ia nauki RF Yu.I. Mineralova*. Moscow, 2020. P. 165–174. (In Russian)
- Vsevolodova M.V. *Teoriya funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa: fragment prikladnoj (pedagogicheskoy) modeli yazyka: uchebnik* [Theory of functional and communicative syntax: a fragment of an applied (pedagogical) language model: textbook]. Moscow: Izd-vo MGU, 2000. 502 p. (In Russian)
- Van Yanchzhen. *Rol' podlezhashchego v strukturno-semanticheskoy organizacii russkogo predlozheniia: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The role of the subject in the structural and semantic organization of Russian sentence: Abstract of the diss. ... candidate of philology]. Moscow, 1991. 21 p. (In Russian)
- Go Shufen'. *Formal'naya struktura, oboznachayushchaya sostoyanie sub'ekta, i eyo rechevye realizacii v sovremennom russkom yazyke: (v zerkale kitajskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The formal structure denoting the state of the subject and its speech implementations in modern Russian (in the mirror of the Chinese language): Autoref. diss. ... candidate of philology]. Moscow, 1998. 20 p. (In Russian)
- Yerofeeva E.A. *Vremya i prostranstvo v yazyke miniatiur M.M. Prishvina*. In *Hudozhestvennyj tekst: struktura, semantika, stilistika: sbornik nauchnyh statej k yubileyu E.I. Dibrovoj* [Time and space in the language of M.M. Prishvin's miniatures]. Moscow, 2013. P. 81–91. (In Russian)
- Zolotova G.A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow: Nauka, 1982. 366 p. (In Russian)
- Kryuchkova M.L. *Osobennosti glagol'nogo nemotivirovannogo upravleniya v sovremennom russkom yazyke* [Features of verbal unmotivated government in modern Russian]. Moscow: Russkij yazyk, 1979. 174 p. (In Russian)

- Lebedeva E.K. *Prichinno-sledstvennye konstrukcii so znacheniem emocional'nogo sostoyaniya cheloveka i ih rechevye realizacii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Causal constructions with the meaning of a person's emotional state and their speech implementations: Autoref. diss. ... candidate of philology]. Moscow, 1992. 18 p. (In Russian)
- Logacheva A.A. *Funkcionirovanie leksicheskikh edinic v tvorchestve M.M. Prishvina* [The functioning of lexical units in M.M. Prishvin's works]. In *Sovremennaya nauka: teoreticheskij i prakticheskij vzglyad: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 4 chastyah*. Ufa, 2016. P. 152–154. (In Russian)
- Mejsiuj Yao. *Funkcionirovanie mestoimenij v rasskazah M.M. Prishvina* [The functioning of pronouns in the stories by M.M. Prishvin]. *Nauka i mir*. 2018. № 5–2(57). P. 71–73. (In Russian)
- Ol'hovskaya Yu.I. *Izuchenie prozy M.M. Prishvina v sovremennom kontekste* [Studying M.M. Prishvin's prose in contemporary context]. In *Pedagogicheskoe obrazovanie v sovremennyh usloviyah: materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Novosibirsk, 2016. P. 313–319. (In Russian)
- Polyakova S.A. *Miniatyury M.M. Prishvina: specifika sintaksicheskoy organizacii tekstovogo prostranstva* [M.M. Prishvin's miniatures: the specifics of the syntactic organization of text space]. In *80-letie eleckoj filologii: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Elec: Eleckij gosudarstvennyj universitet im. I.A. Bunina, 2019. P. 264–268. (In Russian)
- Plehanova L.P. *Glacol'naya metafora kak komponent individual'no-avtorskoj kartiny mira v proze M.M. Prishvina* [Verbal metaphor as a component of an individual author's world image in M.M. Prishvin's prose]. In *Tvorcheskoe nasledie Mihaila Prishvina v sisteme sovremennogo gumanitarnogo znaniya: materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii*. Elec: Eleckij gosudarstvennyj universitet im. I.A. Bunina, 2018. P. 205–212. (In Russian)
- Prishvin M.M. *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected works in two volumes]. Moscow: Goslitizdat, 1951–1952. (In Russian)
- Fedoseeva L.N. *Kategoriya lokativnosti v sovremennom russkom yazyke* [The category of locativity in modern Russian]. Ryazan': RIO RyazGMU, 2013. 385 p. (In Russian)

Зиновьева Е.И., Чэн Цзиньтао¹

**СИНОНИМИЧЕСКИЙ РЯД ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ
'ОБЛАДАЮЩИЙ ЗНАНИЯМИ В КАКОЙ-ЛИБО ОБЛАСТИ'
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Аннотация. В статье анализируются семантика, ситуации и особенности употребления синонимичных прилагательных с общим значением 'обладающий знаниями в какой-либо области' в русской картине мира. Анализ проводится на базе данных словарного, корпусного материала и деловых документов, представленных в интернете.

Ключевые слова: синонимы; синонимический ряд; деловые качества, языковая картина мира; русский язык.

Для цитирования: Зиновьева Е.И., Чэн Цзиньтао. Синонимический ряд прилагательных с общим значением 'обладающий знаниями в какой-либо области' в русской языковой картине мира // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 4. – С. 46–59. – DOI: 10.31249/ling/2023.04.04

¹© Зиновьева Е.И., Чэн Цзиньтао, 2023

Зиновьева Елена Иннокентьевна – д-р филол. наук, профессор, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; e.i.zinovieva@spbu.ru

Чэн Цзиньтао – преподаватель ЧОУ ДПО «Державинский институт», Санкт-Петербург; xiaoshuibao@hotmail.com

ZINOVIEVA E.I., CHENG JINTAO¹

SYNONYMIC SERIES OF ADJECTIVES WITH THE GENERAL MEANING
'POSSESSING KNOWLEDGE IN ANY FIELD'
IN THE RUSSIAN LANGUAGE WORLD IMAGE

Abstract. The article analyzes the semantics, situations and specific features of the use of synonymous adjectives with the general meaning 'possessing knowledge in any field' in the Russian language world image. The analysis is carried out on the basis of dictionaries, corpus materials and business documents presented on the Internet.

Keywords: synonyms; synonymic series; business qualities; language world image; the Russian language.

For citation: Zinovieva E.I., Cheng Jintao. Synonymic series of adjectives with the general meaning 'possessing knowledge in any field' in the Russian language world image. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2023. N 4. Pp. 46–59. DOI: 10.31249/ling/2023.04.04

Согласно мнению ряда ученых, реконструкция языковой картины мира – одно из самых востребованных направлений современной лингвистики. Как справедливо отмечал Л.В. Щерба, «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в разных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры» [Щерба, 1974, с. 57].

На настоящий момент не существует единой дефиниции термина «языковая картина мира». В данной статье мы придерживаемся определения, предложенного Е.С. Яковлевой: «Под языковой картиной мира понимается зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности», т.е. «языковая картина мира – это своего рода мировидение через призму языка» [Яковлева, 1996, с. 39].

¹ © Zinovieva E.I., Cheng Jintao, 2023

Zinovieva Elena Innokentievna – Doctor of Philology, Professor, Professor of St. Petersburg State University; e.i.zinovieva@spbu.ru

Cheng Jintao – Lecturer of Derzhavin Institute, St. Petersburg; xiaoshuibao@hotmail.com

Один из значимых фрагментов русской языковой картины мира составляют прилагательные, обозначающие свойства личности человека. Изучение свойств личности приобрело особую актуальность в связи с развитием антропоцентризма в научной парадигме. Личность – это «человек с точки зрения его характера, поведения, положения и т.п., определяющих его сущность» [БТС, 1998, с. 374].

В настоящее время существуют работы, посвященные анализу русских прилагательных, характеризующих качества человека. Исследование этих единиц ведется с точки зрения соотношения исконных и заимствованных лексем [Храмцова, 2015; Зиновьева, 2022], лингвокультурологического потенциала прилагательных как на материале только русского языка, так и в сопоставительном аспекте [Зиновьева, 2014; Зиновьева, Волода, 2020; Зиновьева, Дракулич-Прийма, 2019], изучаются сходства и различия значения и функционирования синонимов в различных типах дискурса [Вэй И, 2022].

В центре нашего внимания находятся прилагательные, характеризующие деловые качества человека, под которыми мы понимаем такие свойства личности, как: склонность, способность человека к конкретному виду профессиональной деятельности; отношение человека к работе; отношение к другим людям, в том числе коллегам, клиентам, начальству, подчиненным; успешность в карьере; отношение к самому себе (требовательность, самодисциплина, самоконтроль, критичность по отношению к себе). Актуальность исследования обусловлена тем, что выбор нужного прилагательного, наиболее точно выражающего конкретное качество человека в зависимости от интенции субъекта речи, прагматической ситуации, жанра документа, не всегда бывает простым. Прилагательные, обозначающие деловые качества, часто входят в состав многочисленных синонимических рядов, однако не все прилагательные, входящие в эти ряды, могут использоваться в конкретной речевой ситуации.

Объектом исследования в данной статье является синонимический ряд прилагательных с общим значением ‘обладающий знаниями в какой-либо области’. Новизна исследования заключается в интегративном подходе к анализу синонимичных единиц, предполагающем выявление сходств и различий их значения и исполь-

зования в разных типах дискурса, ситуативной обусловленности выбора синонима из ряда, места данного синонимического ряда в интересующем нас фрагменте русской языковой картины мира.

Цель работы – исследование сходств и различий в семантике и употреблении синонимичных прилагательных для выявления мотивированности их функционирования в деловых текстах.

Материалом для исследования служат данные толковых [МАС, 1985; Ефремова, 2000; БТС, 1998; Ожегов, 2015] и синонимических словарей русского языка [Александрова, 2010; НОССРЯ, 2004; Бабенко, 2008; Евгеньева, 2003], контексты «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ), контексты деловых документов (резюме, рекомендации, характеристики, объявления о вакансиях). В работе используются описательный и дистрибутивный методы, а также метод компонентного анализа.

Согласно данным словарей синонимов русского языка [Александрова, 2010, с. 409; НОССРЯ, 2004, с. 419; Бабенко, 2008, с. 247; Евгеньева, 2003, с. 372], синонимический ряд прилагательных с общим значением 'обладающий знаниями в какой-либо области' включает лексические единицы: *грамотный, знающий, компетентный, осведомленный, сведущий*.

Доминанта данного синонимического ряда неодинаково выделяется в проанализированных словарях синонимов русского языка. Например, в словаре синонимов А.П. Евгеньевой доминантой данного ряда является прилагательное *знающий*, в НОССРЯ – прилагательное *сведущий*, а в словарях Л.Г. Бабенко и З.Е. Александровой – прилагательное *осведомленный*. В данной работе мы придерживаемся точки зрения А.Е. Евгеньевой и считаем доминантой анализируемого ряда прилагательное *знающий*, поскольку по сравнению с другими синонимами данного ряда оно имеет наиболее широкую семантику.

На базе данных нескольких толковых словарей современного русского языка было сформулировано сводное определение семантики прилагательного *знающий*: 'обладающий достаточными или большими знаниями; имеющий познания, опыт в какой-либо области'. Как показали материалы НКРЯ, лексема *знающий* характеризует человека, который много знает, обладает знаниями в разных областях.

Прилагательное *знающий* часто характеризует теоретические знания субъекта, например: «*В первую очередь просто нужно понимать ценность этих предметов, понимать, что человек, **знающий** основные произведения литературы и владеющий русским литературным языком, – это тот, кто обладает чем-то очень существенным, помогающим ему стать в полном смысле этого слова человеком*» (А. Данилова. Будешь по-настоящему уметь читать – без работы не останешься (04.2016) // 2016) [НКРЯ]. Также оно может применяться и для указания на большой жизненный опыт субъекта, например, «*От государя храбрецу вышла “Анна”, от Константина Петровича – похвала, которой **знающие** люди придавали побольше веса, чем царскому ордену*» (Б. Акунин. Пелагия и белый бульдог, 2001) [НКРЯ].

По данным НКРЯ, прилагательное *знающий* (813 вхождений) употребляется преимущественно в контекстах публицистического стиля наряду с наименованиями других качеств, чаще положительно оцениваемых: *великолепный, скромный, доброжелательный, толковый, интеллигентный, образованный, серьезный, умный* и др., например, «*Должен ли дипломат быть не только **знающим, умным** человеком, но и физически сильным и выносливым? Если это так, то как вы этого достигаете?»* (Кто сказал, что в сауне сухо?! // Аргументы и факты, 2002. 11) [НКРЯ]. Прилагательное также нередко сочетается с такими наречиями меры и степени, как *очень, хорошо, превосходно, твердо, нетвердо, много, немного*. Например, «*Разные люди бывали у него в квартире на площади Восстания, и каждый раз он рассказывал, как перед войной был в кабинете у Сталина, и как тот задавал такие специфические вопросы, какие под силу только **очень знающему** авиационному специалисту*» (Феликс Чуев. Ильюшин, 1998) [НКРЯ].

В русской лингвокультуре *знающий человек* в большей степени оценивается положительно, но намеренное акцентирование своих знаний вызывает негативную оценку, например, «*Она всегда при этом выделяет себя, что она **знающий** специалист. О других может говорить всякие гадости*» (В.И. Максимов. Дневник научного сотрудника, 2002) [НКРЯ].

Знающий характеризует лиц любого пола и рода занятий, например, *знающий человек, знающий специалист, знающий преподаватель, знающая учительница, знающий врач, знающий ин-*

женер, знающий руководитель и т.п. Однако стоит отметить, что, по данным НКРЯ, прилагательное *знающий* не употребляется применительно к ребенку в отличие от прилагательного *незнающий*: «*Вот когда-то ребенок он – незнающий, детски, ангельски – чистый; вот юноша, вот мечтатель, бросивший казенный, не удовлетворявший его университет*» (И.А. Новиков. Золотые кресты, 1907) [НКРЯ].

Анализ текстов деловых документов показал, что прилагательное *знающий* часто употребляется в рекомендациях как положительная оценка способностей, компетенций сотрудников с точки зрения работодателя, например, «*За все время работы Нина Васильевна проявила себя как знающий специалист, быстро выполняющий свои должностные обязанности, и способный в короткие сроки справиться с большим объемом работы*» [<https://s70perm.ru/trudoustrojstvo-drugoe/harakteristika-na-rabotnika.html>]. Стоит отметить, что при составлении резюме соискатель часто указывает в разделе «личные качества», что он является «*знающим свое дело*» [<https://t.hk.uy/bjkF>]. Ср. употребление однокоренного антонима прилагательного в этом же устойчивом сочетании в НКРЯ: «*И он натолкнулся на такой полный беспорядок, что, недалекий и незнающий дела, совершенно растерялся и не знал, что делать*» (Г.А. Соломон (Исецкий). Среди красных вождей, 1930) [НКРЯ].

Перейдём к следующему члену анализируемого синонимического ряда – прилагательному *компетентный*, которое определяется в рассмотренных нами толковых словарях, как 'обладающий основательными знаниями в какой-либо сфере; знающий, осведомленный, авторитетный в какой-либо области'.

Прилагательное *компетентный* (738 вхождений в НКРЯ) указывает на то, что субъект знает все то, что необходимо для квалифицированного принятия решений, успешных действий в конкретной сфере деятельности, часто – для руководства другими людьми, таким образом, человек умеет применять свои теоретические знания на практике, например, «*В российской действительности нетрудно найти хороший стартап, а вот качественных компетентных руководителей недостает*» (Евгения Обухова, Евгений Огородников. Пермский артефакт // «Эксперт», 2013) [НКРЯ]. Вывод о семантике прилагательного подтверждает обращение к употреблению его антонима: «*А не согласился бы я только*

на ту должность, на которой я со своим образованием и знаниями был бы **некомпетентен**» (Эльвира Савкина. «Если нужно, могу выпустить когти», 2002 // «Дело» (Самара), 26.05.2002) [НКРЯ].

Как и прилагательное *знающий*, *компетентный* сочетается с обозначением лиц по роду их профессиональной деятельности, например, *работник, специалист, юрист, адвокат, историк, ученый, педагог, эксперт, финансист, управленец, руководитель* и др. Употреблений применительно к детям нам не встретилось.

На базе данных корпусного материала можно отметить сочетаемость прилагательного *компетентный*, использованного применительно к человеку, с такими прилагательными, как *честный, профессиональный, активный, зрелый, эффективный, доброжелательный, ответственный, опытный* и т.п., а также с наречиями меры и степени, например, *достаточно, более, по-настоящему, крайне, очень, вполне, наиболее, действительно* и др. См.: «*И, действительно, она проявила себя достаточно компетентным специалистом – почти безошибочно определяла рыночную стоимость произведений искусства и в рублях, и в долларах*» (В. Пронин. Давайте разберемся... // «Человек и закон», 1978) [НКРЯ].

По сравнению с прилагательным *знающий* прилагательное *компетентный* имеет более широкое употребление в различных деловых документах, например, в объявлениях о вакансии: «*Опыт работы от 2х лет. Мы ищем опытного и компетентного профессионала с реальными достижениями за спиной*» [<https://hh.ru/vacancy/75955516>]. При составлении резюме в разделе «личные качества» вместо прилагательного часто используется однокоренное существительное – *компетентность*. Прилагательное встречается в рекомендательных письмах: «*Сотрудники ООО “Статус” компетентные и грамотные специалисты в области дизайна, с большим количеством идей, способные найти пути их воплощения*» [<https://clubtk.ru/fls/98896/obrazets-rekomendatelnogo-pisma-organizatsii-na-organizatsiyu.docx>].

Рассмотрим далее прилагательное *сведущий*, сводное определение которого на основе материалов толковых словарей звучит следующим образом: «имеющий большие познания, сведения в чем-либо, хорошо осведомленный в какой-либо области».

Если прилагательное *компетентный* указывает на одновременное владение некоторыми специальными теоретическими зна-

ниями и суммой практических навыков, практическим опытом деятельности в определенной области, то прилагательное *сведущий* (717 вхождений в НКРЯ) часто характеризует знания субъекта в более узких профессиональных или жизненных сферах, например: «*Причем образец разрабатывал явно не дилетант, а человек опытный и сведущий в криминалистике. Он ведь даже позаботился о том, чтобы по следам на шее трупа можно было сделать вывод о высоком росте нападавшего*» (Александра Маринина. Мужские игры (1997) [НКРЯ]. Ср. также *несведущий*: «*Будем откровенны: даже совершенно несведущий в автомобилях человек вряд ли перепутает "Калину" с иномаркой, особенно если дать ему вдоволь покрутить баранку и пощелкать кнопками*» (Анатолий Фомин, Владимир Крючков. *Одного поля ягоды? 2004*) // «За рулем», 15.04.2004) [НКРЯ].

Прилагательное *сведущий* употребляется в контекстах наряду с номинациями других качеств, чаще положительно оцениваемых: *способный, вдумчивый, благочестивый, образованный, настойчивый, умный* и т.п., а также с наречиями меры и степени: *более, очень, довольно, хорошо, слишком, крайне, весьма, наиболее* и др.: «*Бурлюк – сведущий, образованный человек. Он был знаком с современным западным искусством и познакомил с ним Маяковского*» (Зоя Масленикова. *Разговоры с Пастернаком, 2001*) [НКРЯ].

Выделяется контекст, в котором отмечается поведение сведущего человека: «*Но добросовестный и сведущий врач пропишет каждому пациенту дозу лекарства, соответствующую именно его болезни и организму...*» (Е.И. Рерих. *Письма в Европу, 1931–1935*) [НКРЯ]. Прилагательное используется как характеристика взрослых лиц.

Анализ материалов интернет-источников показывает, что прилагательное *сведущий* употребляется главным образом в резюме, например: «*Как визажист, вижу разные образы одного человека, хорошо сведуща в колористике...*», «*Я креативный и трудолюбивый человек, сведущий в своем деле. Люблю пробовать все новое и всегда ищу новые возможности и подходы*» [<https://t.hk.uu/bjkJ>].

Перейдем к анализу прилагательного *осведомленный*, которое определяется в рассмотренных нами толковых словарях как 'обладающий обширными сведениями о ком-, чем-либо'.

Когда речь идет о знаниях в какой-либо определенной области, часто употребляют прилагательное *сведущий* с указанием на эту область, а прилагательное *осведомленный* (719 вхождений в НКРЯ) указывает на наличие у кого-либо некоторых отдельных конкретных знаний, информации в какой-либо области, например: «*Кузнец не стеснялся показывать, что **осведомлен** о жизни в поселке и его коменданте много больше того, чем докладывал сам Игнатов*» (Гузель Яхина. Зулейха открывает глаза, 2015) [НКРЯ]. Можно сказать, что прилагательное *сведущий* характеризует человека, который хорошо разбирается в сути какого-либо вопроса, а прилагательное *осведомленный* часто характеризует человека, который владеет информацией по отдельному вопросу. Ср. *неосведомленный*: «*Будучи знаком с Умовым-лектором, педагогом и автором блестящих статей, я, увы, был **неосведомлен** о значении его чисто научных работ*» (Андрей Белый. На рубеже двух столетий, 1929) [НКРЯ].

Прилагательное *осведомленный* употребляется в контекстах наряду с номинациями других качеств, чаще положительно оцениваемых: *смелый, сильный, ловкий, умный, веселый, рассудительный, благородный* и т.п., например: «*Смелый, сильный, ловкий, умный, веселый, рассудительный, благородный, **осведомленный**; и даже наглый он в каком-то хорошем смысле*» (Л.А. Данилкин. Юрий Гагарин, 2011) [НКРЯ]. Как и рассмотренные выше синонимы, прилагательное *осведомленный* не используется применительно к детям.

Прилагательное *осведомленный* не употребляется в деловых документах, это связано с тем, что оно имеет узкую семантику, используется ситуативно.

В данной статье мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении прилагательного *грамотный*, детальное исследование данной лексемы см. в [Чэн Цзиньтао, 2022]. Кратко отметим лишь, что на базе данных толковых словарей современного русского языка сводное определение значения прилагательного *грамотный* выглядит так: «обладающий необходимыми сведениями, знаниями в какой-либо области; сделанный, выполненный и т.п. со знанием дела, в соответствии с основными требованиями данной области знаний». Анализ контекстов употребления данного прилагательного в НКРЯ показал, что грамотным можно называть чело-

века с образованием и без такового. По данным НКРЯ, прилагательное *грамотный* часто употребляется в контекстах вместе с такими наречиями меры и степени, как *очень, вполне, достаточно*. Оценка грамотного человека амбивалентна. В русском языковом сознании *грамотный человек* в большей степени оценивается положительно, однако если это качество, по мнению говорящего, нарочито выставляется напоказ, то это воспринимается как нечто чрезмерное, избыточное, раздражает. Прилагательное *грамотный* чаще характеризует мужчину, если речь идет о грамотной женщине, то оно чаще употребляется без акцентирования гендерной принадлежности – в сочетании с существительными *человек, специалист, работник*. Применительно к детям данное прилагательное не используется. Прилагательное используется в резюме и рекомендациях.

Анализируемые синонимы часто встречаются в одном контексте, дополняя и уточняя даваемые человеку характеристики, например, «*С первых дней на войне проявил себя не только грамотным, знающим военное дело, но и храбрым командиром*» (Геннадий Трошев. *Моя война, 2000–2001*) [НКРЯ]; «*Это компетентные, знающие, свободно владеющие темой советские менеджеры, явно не глупые и с характером*» (А.С. Черняев. *Дневник, 1979*) [НКРЯ].

Таким образом, проведенный функционально-семантический анализ позволяет сделать следующие выводы: члены синонимического ряда прилагательных с общим значением 'обладающий знаниями в какой-либо области' различаются по дифференциальным семантическим признакам: *знающий* обладает большим объемом знаний в разных областях, *грамотный* хорошо знает теоретические и практические основы некоторой специальной области знаний, *компетентный* глубоко и профессионально владеет знаниями в своей рабочей области, а также в бытовых жизненных сферах. *Осведомленный* владеет информацией по конкретному вопросу. *Сведущий* владеет информацией в какой-либо целостной области. *Знающий, компетентный, сведущий, осведомленный* характеризуют теоретические знания, сведения, а прилагательное *грамотный* и теоретические знания, и практические навыки. В деловых документах употребляются все синонимы, кроме прилагательного *осведомленный*. Рассмотренные синонимы используются применительно к взрослым лицам.

Все синонимы ряда имеют сравнительную форму и употребляются как атрибутивно, так и предикативно. *Сведущий, компетентный* и *осведомленный* используются как в полной, так и в краткой форме, а *знающий* и *грамотный* встречаются преимущественно в полной форме. Все синонимы сочетаются с наречиями, обозначающими степень признака, а также с номинациями других качеств, чаще оцениваемых положительно. Кроме того, все прилагательные ряда сочетаются с названиями людей по их статусу и роду деятельности.

Выявленные параметры характеристики синонимов позволяют моделировать стереотипное дифференцированное представление носителей языка о человеке, обладающем знаниями, в русской языковой картине мира.

Список литературы

- Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка : практический справочник : около 11 000 синонимических рядов. – 17-е изд., стер. – Москва : Дрофа : Рус. яз., 2010. – 564 с.
- Бабенко Л.Г.* Словарь-тезаурус синонимов русской речи: 600 ключевых понятий, 8000 синонимических рядов, 47 000 слов-синонимов. – Москва : АСТ-Пресс, 2008. – 508 с.
- БТС – *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 с.
- Вэй И.* Синонимический ряд прилагательных с общим значением ‘стремящийся к получению новых знаний’ в русской языковой картине мира // Вестник Чувашского государственного педагогического ун-та им. И.Я. Яковлева. – 2022. – №2. – С. 17–24.
- Евгеньева А.П.* Словарь синонимов русского языка : в 2 т. – Москва : Астрель : АСТ, 2003. – 1385 с.
- Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный : в 2 т. – Москва : Русский язык, 2000. – 1084 с.
- Зиновьева Е.И.* Прилагательное «адекватный» в русской лингвокультуре: когнитивно-дискурсивный аспект // Проблемы преподавания филологических дисциплин в высшей школе : материалы докладов и сообщений XXVII международной научно-методической конференции. – Санкт-Петербург : СПбГУТД, 2022. – С. 109–114.
- Зиновьева Е.И.* Стереотипное представление о порядочном человеке в русском языковом сознании // Вестник Челябинского государственного педагогического ун-та. – 2014. – № 7. – С. 290–302.

- Зиновьева Е.И., Волода Ю.В. Синонимический ряд русских прилагательных с доминантой «вежливый»: функциональный когнитивно-дискурсивный подход // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 3(42). – С. 620–624.
- Зиновьева Е.И., Дракулнич-Прийма Д. Лукавый и лукав в русской и сербской языковых картинах мира // Вестник Томского государственного ун-та. – 2019. – № 438. – С. 30–39.
- МАС – *Евгеньева А.П.* Словарь русского языка : в 4 т. – Изд. 3-е, стер. – Москва : Русский язык, 1985–1988.
- Менеджер по маркетингу. – URL: <https://hh.ru/vacancy/75955516> (дата обращения: 01.08.2022).
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>
- НООСРЯ – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. – Москва ; Вена : Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.
- Образец характеристики на работника с места работы: зачем нужна и как правильно составить // Пенсионный ликбез: [сайт]. – URL: <https://s70perm.ru/trudoustrojstvo-dругое/harakteristika-na-rabotnika.html> (дата обращения: 01.08.2022).
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 100 000 слов, терминов и выражений. – 28-е изд., перераб. – Москва : Мир и образование, 2015. – 1375 с.
- Рекомендательное письмо // Club ТК. – URL: <https://clubtk.ru/fls/98896/obrazets-rekomendatelnogo-pisma-organizatsii-na-organizatsiyu.docx> (дата обращения: 01.08.2022).
- Храмцова Л.Н. Семантико-прагматический потенциал лексемы позитивный в современном русском языке // Вестник Новосибирского государственного педагогического ун-та. – 2015. – Т. 5, № 2. – С. 103–116.
- Чэн Цзиньтао. Прилагательное «грамотный» в русской языковой картине мира: когнитивно-дискурсивный подход // Ученые записки Новгородского государственного ун-та. – 2022. – № 5(44). – С. 584–588.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград : Наука. Ленинградское отд-ние, 1974. – 428 с.
- Яковлева Е.С. Кописанию языковой картины мира // Русский язык за рубежом. – 1996. – № 1–3. – С. 38–49.
- Head Hunter : [сайт]. – URL: <https://t.hk.uv/bjkJ> (дата обращения: 01.08.2022).

References

- Aleksandrova Z.E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: prakticheskij spravochnik: okolo 11 000 sinonimicheskikh ryadov* [Dictionary of synonyms of the Russian language: a practical guide: about 11 000 synonymic series]. Moscow: Media, 2010. 564 p. (In Russian)
- Babenko L.G. *Slovar'-tezaurus sinonimov russkoj rechi: 600 klyuchevy'h ponyatij, 8000 sinonimicheskikh ryadov, 47 000 slov-sinonimov* [Dictionary-thesaurus of syno-

- nyms of Russian speech: 600 key concepts, 8000 synonymic series, 47 000 synonymous words]. Moscow: AST-Press, 2008. 508 p. (In Russian)
- BTS – Kuznecov S.A. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint, 1998. 1534 p. (In Russian)
- Wei I. Sinonimicheskij ryad prilagatel'nyh s obshhim znacheniem 'stremyashhij'sya k polucheniju novyh znaniy' v russkoj yazykovoj kartine mira [A synonymous series of adjectives with the general meaning of 'aspiring to gain new knowledge' in the Russian language worldview]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*. [Bulletin of Chuvash State Pedagogical University]. 2022. N 2. P. 17–24. (In Russian)
- Yevgenieva A.P. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: v 2 t.* [Russian Synonym Dictionary: in two volumes]. Moscow: AST. 2003. 1385 p. (In Russian)
- Yefremova T.F. *Novyj slovar' russkogo yazyka: tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* [New Dictionary of the Russian language: Explanatory-derivative]. Moscow: Russkij yazyk. 2000. 1084 p. (In Russian)
- Zinovieva E.I. Prilagatel'noe "adekvatnyj" v russkoj lingvokul'ture: kognitivno-diskursivnyj aspekt [The adjective "adequate" in the Russian linguoculture: cognitive-discursive aspect]. In *Problemy prepodavaniya filologicheskikh discipline v vysshej shkole: materialy dokladov i soobshchenij XVII mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii* [Aspects of teaching philological disciplines in higher school: report materials of the XXIIth International scientific-methodological conference]. St. Petersburg, 2022. P. 109–114. (In Russian)
- Zinovieva E.I. Stereotipnoe predstavlenie o poryadochnom cheloveke v russkom yazykovom soznanii [The stereotypical idea of a decent person in the Russian linguistic consciousness]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Cheliabinsk State Pedagogical University]. 2014 N 7. P. 290–302. (In Russian)
- Zinovieva E.I., Voloda YU.V. Sinonimicheskij riad russkih prilagatel'nyh s dominantoj "vezhlivyj": funkcional'nyj kognitivno-diskursivnyj podhod [Synonymic series of Russian adjectives with the dominant "polite": functional cognitive-discursive approach]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language]. 2020. N 3(42). P. 620–624. (In Russian)
- Zinovieva E.I., Drakulich-Prijma D. Lukavyj i lukav v russkoj i serbskoj yazykovyh kartinah mira [Crafty and Crafty in the Russian and Serbian Language Worldviews]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2019. N 438. P. 30–39. (In Russian)
- MAS – Evgenjeva A.P. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. The 3rd ed., ster.]. Moscow: Russkij yazyk, 1985–1988. (In Russian)
- Marketing Manager. – URL: <https://hh.ru/vacancy/75955516> (accessed: 01.08.2022).
- NKRIA – National Corpus of the Russian Language. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>

- Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of the Russian Language Synonyms, gen. ed. of acad. Yu.D. Apresian]. Moscow; Vienna: Yazyki Russkoj kul'tury: Venskij slavisticheskij al'manah. 2004. 1488 p. (In Russian)
- Obrazets charakteristiki na rabotnika s mesta raboty: zachem nuzhna i kak ravil'no sostavit'* [Sample characteristics for an employee from the place of work: why you need it and how to draw it up correctly]. URL: <https://s70perm.ru/trudoustrojstvo-drugoe/harakteristika-na-rabotnika.html> (accessed: 01.08.2022).
- Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 100000 slov, terminov i vyrazhenij* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 100000 words, terms and expressions. 28th ed., rev.]. Moscow. 2015. 1375 p. (In Russian)
- Rekomendatel'noje pis'mo* [Recommendation letter]. Club TK. URL: <https://clubtk.ru/fls/98896/obrazets-rekomendatel'nogo-pisma-organizatsii-na-organizatsiyu.docx> (accessed: 01.08.2022). (In Russian)
- Xramczova L.N. Semantiko-pragmaticheskij potencial leksemy “pozitivnyj” v sovremennom russkom yazyke [Semantic and Pragmatic Potential of the Lexeme “positive” in Modern Russian]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University]. 2015. N 2. P. 103–116. (In Russian)
- Cheng Jintao. Prilagatel'noje “gramotnyj” v Russkoj yazykovoj kartine mira: kognitivno-diskursivnyj podhod [The adjective “literate” in the Russian language world image: a cognitive-discursive approach]. *Uchenyje zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Memoirs of Novgorod State University]. 2022. N 5(44). P. 584–588. (In Russian)
- Shcherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [The Language System and Speech Activity]. St. Petersburg: Nauka. Leningradskoje otdelenije, 1974. 427 p. (In Russian)
- Yakovleva E.S. K opisaniju yazykovoj kartiny mira [Describing the Language Image of the World]. *Russkij yazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. 1996. N 1–3. P. 38–49. (In Russian)
- Head Hunter. URL: <https://t.hk.uy/bjkJ> (accessed: 01.08.2022).

РЕЦЕНЗИИ

REVIEW

УДК 811.161.1

DOI: 10.31249/ling/2023.04.05

Опарина Е.О., Раренко М.Б.¹

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
КАРАСИК В.И. ЯЗЫКОВАЯ ЛЕСТНИЦА ПОЗНАНИЯ. –
МОСКВА : ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А.С. ПУШКИНА, 2022. – 462 с.**

Аннотация. В монографии В.И. Карасика объектом исследования выступают различные типы текстов, осмысляющиеся в концептуальном, сюжетном (интерпретационном) и дискурсивном измерениях. Рассматриваются лингвокультурные концепты, анализируются сюжеты драматургии на материале русского и английского языков. Особое внимание уделяется вопросу речевого поведения билингвов. Отмечается, что игровой билингвизм часто используется как прием для создания комического эффекта в разных типах текста. Подчеркивается необходимость системного исследования сетевого дискурса, поскольку его развитие и влияние на сознание и личностные характеристики во многом определяют языковую и речевую деятельность в современном мире, трансформируют картины мира, присущие языкам. В.И. Карасик намечает направления дальнейшего исследования в избранной парадигме: развитие лингвистической семиотики; создание новых моделей лингвокультурного изучения языка; выявление и анализ новых форматов дискурса и их влияния на языковые личности.

¹*Опарина Елена Олеговна* – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; ellenoparina@gmail.com

Раренко Мария Борисовна – канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; rarenco@rambler.ru

Ключевые слова: лингвокультурология; (лингво)культурные концепты; дискурсы (институциональные, приватный, сетевой, медийный); сетевая языковая личность; литературные сюжеты; прагматика коммуникативных действий; билингвизм.

Для цитирования: Опарина Е.О., Раренко М.Б. Рецензия на монографию: Карасик В.И. Языковая лестница познания. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. – 462 с. // Социальные и гуманитарные науки. Серия 6. Языкознание. – 2023. – № 4. – С. 60–75. – DOI: 10.31249/ling/2023.04.05

OPARINA E.O., RARENKO M.B.¹

MONOGRAPH REVIEW:

KARASIK V.I. THE LANGUAGE STAIRCASE OF COGNITION. –
Moscow: State institute of the Russian language
named after A.S. Pushkin, 2022. – 462 p.

Abstract. In the book by V.I. Karasik the object of research is various types of texts that are comprehended in the conceptual, plot (interpretative) and discursive dimensions. Linguistic and cultural concepts are studied, dramatic plots based on the material of the Russian and English languages are considered. Particular attention is paid to the issue of speech behavior of bilinguals. It is noted that playful bilingualism is often used as a technique to create a comic effect in different types of texts. The need for a systematic study of network discourse is emphasized, since its development and influence on consciousness and personal characteristics largely determine the language and speech activity in the modern world, transform the worldviews inherent in languages. V.I. Karasik outlines directions for further research in the chosen paradigm: the development of linguistic semiotics; creation of new models of linguocultural language learning; identification and analysis of new discourse formats and their impact on linguistic personalities.

Keywords: linguoculturology; (linguo)cultural concepts; discourses (institutional, private, internet, media); network language personality; literary plots; pragmatics of communicative actions; bilingualism.

For citation: Oparina E.O., Rarenko M.B. Monograph review: Karasik V.I. The language staircase of cognition. – Moscow: State institute of the Russian language

¹*Oparina Elena Olegovna* – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; ellenoparina@gmail.com

Rarenko Maria Borisovna – Candidate of Philology, Leading Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; rarenc@rambler.ru

named after A.S. Pushkin, 2022. – 462 p. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2023. N 4. Pp. 60–75. DOI: 10.31249/ling/2023.04.05

Тексту исследования, содержащегося в данной монографии, предпослан эпиграф: «Человеческая способность к пониманию так же безгранична, как безгранична та действительность, которая отражается в тексте и становится объектом освоения» (*Г.И. Богин*). Во введении к работе автор упоминает также стих из Экклесиаста о неизбежной связи между мудростью, знанием и печалью [Карасик, 2022, с. 5]. Однако, соглашаясь с библейским высказыванием как с аргументом в разговоре о пределе человеческих возможностей и как с предостережением тем, кто эти границы игнорирует, В.И. Карасик пишет: «Вместе с тем известно, что познавательная деятельность не только необходима для жизни, но и дает нам смысл и радость, ощущение полноты бытия и расширяет наш горизонт» [Карасик, 2022, с. 5]. Огромное значение в процессе познания играет язык. В современных антропологически ориентированных гуманитарных исследованиях язык рассматривается не только как хранилище человеческих знаний, но и как важнейший инструмент познавательной деятельности. Это особенно заметно в наши дни в связи с развитием электронных средств информации, которые стали естественным продолжением человеческой памяти [Карасик, 2022, с. 5]. Автор подчеркивает, что радикальные изменения способов получения, хранения и передачи информации требуют междисциплинарного подхода со стороны представителей гуманитарных наук.

Рецензируемую монографию В.И. Карасик характеризует как «изложение наблюдений и размышлений о языке как инструменте познавательной деятельности» [Карасик, 2022, с. 5]. В качестве модели принята схема «личность – концепты – дискурс», которая разработана в предшествующих книгах автора [Карасик, 2004; Карасик, Ярмахова, 2006; Карасик, 2010; Карасик, 2019].

Монография состоит из трех глав: «Концептуальное измерение», «Сюжетное измерение» и «Дискурсивное измерение».

В первой главе В.И. Карасик оценивает лингвокультурологический подход к исследованию языка как продуктивное направление антропологической лингвистики. Продуктивность обусловлена рядом факторов, присущих лингвокультурологическому подходу: признанием креативного отображения мира в содержании языковых единиц; признанием роли деятельностного и диалогического начал в общении; пониманием роли универсальных и специфических этнонациональных и социокультурных характеристик языковых единиц и диалектической взаимосвязи таких характеристик.

В лингвокультурологии как одном из направлений антропологической парадигмы разработана теория лингвокультурных концептов. Суть этой теории В.И. Карасик формулирует как обоснование «лингвистически релевантных квантов переживаемого знания, имеющих понятийное, образное, ценностное, значимое и символическое измерения» [Карасик, 2022, с. 7]. Изучение лингвокультурных концептов, по мнению В.И. Карасика, является продолжением семантических исследований единиц языка. Однако принципиально новым стало расширение объекта познания. Лингвистов в изучении концептов интересуют прежде всего факты сознания и культуры, нашедшие воплощение в единицах языка и речи, однако концепты не ограничиваются однословным выражением. Важные для языкового сознания культурные концепты воплощаются в ряде слов и словосочетаний, во взаимосвязи с единицами невербальных кодовых систем, в поведенческих актах и речеповеденческих тактиках. Концепты, понимаемые подобным образом, исследованы в работах ведущих отечественных и зарубежных ученых современности [Вежбицкая, 2001; Верещагин, Костомаров, 1999; Демьянков, 2005; Степанов, 1997; Телия, 1996] и других лингвистов. Концепты – кванты переживаемого знания – признаются в лингвокультурологии «основной единицей описания языкового сознания и коммуникативного поведения» [Карасик, 2022, с. 9].

В рецензируемой работе в основу метода исследования лингвокультурных концептов положена модель, ранее представленная автором [Карасик, 2020]. Модель состоит из трех «концентров»: 1) содержательный минимум; 2) его дискурсивное расширение и уточнение; 3) персонологическая специализация. Данные направления анализа концептов структурируют процесс их исследования по следующей схеме: 1) изучение содержательного минимума

лингвокультурного концепта предполагает установление его понятийных характеристик по данным словарных дефиниций. Этот исследовательский этап также включает в себя анализ этимологических признаков, положенных в основу номинации, так как выбор мотивирующей основы является как бы «краеугольным камнем» семантики. Этимологическая основа не только свидетельствует о первоначальной интенции отразить в языковой форме определенное содержание, но часто определяет его последующее развитие. Устанавливается также содержание семантически близких единиц; 2) следующий аспект исследования состоит в изучении лексических единиц – номинантов концептов в составе высказываний (на материале Национального корпуса русского языка). Проводится также опрос информантов с целью определения особенностей перцепции выражения концепта в тех или иных ситуациях; 3) далее анализируются (на материале пословиц, афоризмов, ценностно маркированных текстов) оценочно-маркированные высказывания, выражающие правила и рекомендации поведения, связанные с данным лингвокультурным концептом.

Заметно, что в представленной модели акцентирован дискурсивный вектор исследования лингвокультурных концептов, который актуализируется в основных направлениях: обиходном, институциональном, художественном. Мы бы выделили также как отдельное оценочно-регулятивное направление, представленное паремиологией, афоризмами и религиозным дискурсом. Анализ художественного дискурса, представляющего креативное авторское отображение мира, позволяет выявить в ментальных единицах значимые личностные смыслы. Этим художественный дискурс отличается от обиходного, репрезентирующего коллективную – национально-культурную или же тяготеющую к универсальности – специфику концепта, а также от институциональных дискурсов, в которых проявляются те качества концепта, которые важны для тех или иных социальных групп.

Анализ художественного дискурса логично дополняется в работе исследованием сюжетов как репрезентантов мотиваций поступков персонажей. В.И. Карасик называет такой ракурс исследования персонологическим и формулирует его связь с лингвокультурологическим следующим образом: «Персонологическое описание языка может быть представлено как выделение этнокультурных и

социокультурных типажей – обобщенных узнаваемых личностей, картины мира которых специфически уточняют коллективное мировосприятие, закрепленное в семантике языковых единиц и формульных моделей поведения. Вместе с тем такой подход к языку позволяет установить и охарактеризовать существенные для лингвокультуры социальные группы с присущими им доминантами оценочного позиционирования по отношению к различным типам людей, явлений и событий» [Карасик, 2022, с. 10]. Таким образом, в монографии в центре внимания находится поле современных дискуссий, что позволяет проследить закономерности формирования и функционирования лингвокультурных концептов в значительной части русского языка в его функционировании.

Разработанная методология реализована в исследовании следующих ментальных единиц русского языка: концептов личных качеств; концептов, именующих явления «внутреннего мира»; символизации явлений природы и артефактов.

Результаты сопоставительного изучения русского и английского материала доказывают, что лингвокультурные концепты не являются ограниченными этническими или национальными рамками – многие конститутивные признаки концептов имеют параллели в сходных концептах другого языка. Часто разница состоит в том, что эти признаки занимают различное положение в смысловой и оценочной иерархии внутри концепта. Например, вывод автора относительно концепта «мудрость» / *wisdom* состоит в том, что для русского языкового сознания первостепенными оказываются такие конститутивные признаки, как глубокое понимание жизни (что связывает мудрость с возрастом), связь добра и истины, умение понимать ситуацию и делать выводы, оптимизм – то есть подчеркивается этический аспект поведения. В англоязычном концепте этический аспект также присутствует, он понимается как ответственность за действия. Однако все же акцентируются практические компоненты – целесообразность и продуманность действия, ответственность личности, позитивный результат. Вместе с тем в современной русскоязычной публицистике и в политическом дискурсе практические признаки рациональности и эффективности действия также становятся первостепенными.

Исследование концептов щедрости, мудрости, самооценки свидетельствует о том, что все данные концепты являются поли-

дискурсивными, при этом в разных дискурсах по-разному актуализируются их признаки.

В русском и английском языках лексемы, представляющие собой вербальные основы исследуемых концептов, обладают богатой синонимикой. Например, концепт «мудрость» имеет парадигматический контекст, включающий синонимы базового слова и однокоренные прилагательные: *ум, разум, рассудок, интеллект, сознание*; учитываются также единицы: *умный, смысленный, проныцательный, прозорливый*. В английском языке в парадигматический контекст базового слова *wisdom* также входит множество прилагательных, характеризующих свойство ума и сознания человека с разных сторон: *wise, sage, sapient, sensible, prudent, judicious, clever*. Богатая синонимика двух языков дает больше возможностей выявить концептуальные различия.

Во второй главе «Сюжетное измерение» в фокусе внимания В.И. Карасика интерпретация, понимаемая как «ситуативно-личностное осмысление полученной информации» [Карасик, 2022, с. 166]. Представляя собой важнейшую категорию филологической герменевтики, стилистики, психолингвистики, интерпретация текста может рассматриваться в семиотическом, идеологическом и стилистическом измерениях. Семиотическое толкование текста предполагает три ступени в освоении информации – узнавание, постижение и применение полученного знания [Богин, 1986]. В семиотическом плане противопоставленными оказываются семантический и прагматический типы осмысления текста. В первом случае устанавливается система значений, участвующих в организации содержания текста, определяется его тематика, раскрывается связь между его основными концептами. Во втором случае выявляется соотношение между «выраженной и выводимой информацией» [Карасик, 2022, с. 167], особое внимание при этом уделяется контексту и культурно-ситуативной составляющей текста.

В идеологическом плане интерпретация текста представляет собой выявление доминантных идей, представлений, установок и во многом обусловлена типом дискурса, к которому относится текст. Так, В.И. Карасик выделяет повседневно-обиходное, политическое, религиозное, педагогическое, рекламное, научное, художественное толкование содержания текстов.

В стилистическом отношении выделяются «внешнее (культурно-обусловленное, экзегетическое) и внутреннее (структурно-обусловленное, инструментальное) направления толкования текста» [Карасик, 2022, с. 167]. Если текст трактуется «внешне», то привлекаются сведения об авторе текста, эпохе, когда он был создан, жанровых канонах, существовавших в то время, и пр. Обращаясь к «внутреннему» толкованию текста, исследователь фокусирует внимание на установлении функций и средств, которые были использованы в тексте, т.е. декодирует информацию, непосредственно находящуюся в анализируемом тексте (более подробно о декодировании см.: [Арнольд, 2018]).

Перечисленные векторы интерпретации текста дополняют друг друга и соотносятся с тремя сторонами знака – семантикой, прагматикой и синтактикой. В.И. Карасик подчеркивает, что разные тексты нуждаются в разном объяснении. Так, «обиходные тексты требуют прежде всего семиотического объяснения, тексты, реализующие осуществление профессиональной деятельности, пронизаны идеологическими установкам, тексты, относящиеся к сфере художественного творчества, в наиболее полной мере раскрываются при их стилистическом анализе» [Карасик, 2022, с. 168].

На примере художественных произведений, созданных в разные исторические периоды и относящихся к разным литературным направлениям, показан алгоритм авторской интерпретации текста. Подробному анализу подвергаются «Трагедия о Кориолане» У. Шекспира, «Римская комедия» Л. Зорина, «Дракон» Е. Шварца, «Теперь пусть уходит» Дж. Б. Пристли, «Забыть Герострата» Г. Горина. В.И. Карасик выявляет основные «сюжетные идеи» каждого из перечисленных произведений. Так, «Трагедия о Кориолане» – это история уязвленной гордости, «Римская комедия» – пьеса о сохранении достоинства, в «Драконе» главный герой подвергается испытанию свободой, в «Забыть Герострата» – искушению тщеславием, а в «Теперь пусть уходит» рассказывается история возвышения наградой.

Благодаря разработанному В.И. Карасиком алгоритму анализа художественных произведений, названного им «сюжетное измерение содержания текста», устанавливаются тема произведения и его жанровая специфика, определяются характеристики основных героев, выявляются основные оценочные позиции,

художественно выраженные в репликах героев и логике развития сюжета, раскрываются мотивы поведения героев, логика их поступков, закономерности развития их судеб.

В третьей главе – «Дискурсивное измерение» – анализируются особенности современного сетевого дискурса и прагматические аспекты имитационных коммуникативных действий. Обе темы направлены на исследование актуальных тенденций современного коммуникативного поля.

В начале главы В.И. Карасик выделяет следующие тенденции развития современного дискурса, проявляющиеся в разных его видах и являющиеся результатом состояния общества в конце XX – начале XXI в.: экспансия демонстративности; ювенилизация общения; падение общей грамотности и вульгаризация речи; доминирование визуальной информации, нивелировка различий устной и письменной речи; размывание институциональности; размывание границ приватности и публичности; возникновение медийных ритуалов; фикционализация информации [Карасик, 2022, с. 245]. Демонстративность – подчеркнутое продвижение себя. Эта черта, активно внедряемая в институциональные разновидности дискурса (рекламный, деловой, образовательный), ярко характеризует современное общество, доминантной установкой которого является успех.

Перечисленные особенности, приведшие к распространению гибридных интердискурсивных образований, присущи медийной и сетевой коммуникации и определяют поведение коммуниканта, которого исследователи называют «сетевой языковой личностью» [Карасик, 2022, с. 282]. В последние десятилетия особенности сетевого общения исследуются лингвистами и психологами (обзор работ представлен в параграфах 3.2.1. и 3.2.2.). В.И. Карасик на основе собранного им языкового материала уточняет и расширяет перечень выделенных характеристик языковой личности как представителя определенного социокультурного и лингвокультурного сообщества. «Этот тип отношений [участие в сетевом дискурсе] заслуживает внимания как индикатор нового социального статуса человека. Сетевая языковая личность сознательно конструирует свой имидж как предельно искреннего, открытого, доброжелательного, душевно богатого человека» [Карасик, 2022, с. 283]. Такая установка непосредственно связана с демонстративной тен-

денцией современной коммуникации. Особенности интернет-общения предполагают отказ от приватности, так как любой акт сетевой коммуникации становится достоянием сообщества и может быть зафиксирован. Реакции на такую ситуацию – повышенная клишированность коммуникации и протесты против давления сетевого сообщества, которые часто принимают игровой, маскарадный характер. Сетевое общение значительно содействует клиповому характеру современной коммуникации. Результатом стали мемы, которые являются быстро сменяемыми, однако культурно значимыми квантами коммуникации. Приметами сетевого общения стали также акцентированная эмоциональность коммуникантов и важность иконических знаков. Повышенная разговорность, снижение стилистики, стремление сократить дистанцию между коммуникантами характеризуют все жанры сетевого дискурса и большинство его участников. Например, эти дискурсивные признаки проявляются в сетевых сообщениях о научных событиях (см. пример: [Карасик, 2022, с. 288]).

Русскоязычное сетевое общение имеет немало общих черт с молодежным жаргоном: оба речевых пласта характеризуются распространением англоязычных слов, обозначающих реалии интернет-коммуникации: *банить* – «блокировать», *паблик* – «публичная страница в сети», *хейтспич* – «язык вражды». Активно используются сниженные лексика и фразеологические обороты: *облажаться*, *улететь в бан*. Эти особенности, как и повышенная эмоциональность общения, особенно характерны для сетевого общения подростков. Автор делает вывод, что интернет-коммуникация не только перенимает признаки разговорного коммуникативного стиля в обиходном общении, но сама становится генератором этого стиля.

Отдельный раздел посвящен теме презентации информации в медийном дискурсе. Единицей медийного дискурса В.И. Карасик признает медийный факт. Определения факта и трактовка его ключевых признаков в гуманитарных науках различны (Н.Д. Арутюнова, С.Х. Ляпин, Н.А. Пром и др.), но общим является понимание факта как отраженного в сознании кванта объективной реальности. Таким образом, в базовой дефиниции предполагается связь факта с категорией истинности и ценностной картиной мира социума.

Лингвокультурологический вектор рецензируемой монографии обуславливает акцентирование темы ценностей в сфере медийной коммуникации. Исходный тезис автор формулирует следующим образом: «Медийный дискурс функционально ориентирован на освещение актуальных для аудитории событий и поэтому содержит скрытую или выводимую оценочную квалификацию» [Карасик, 2022, с. 315]. Оценочный характер имеет также реакция реципиентов информации на представленные факты и на их интерпретацию в медийном дискурсе. Ключевой является этическая оценка, которая в первую очередь зависит от соотношения новой информации с коллективной ценностной картиной мира аудитории. Актуальной стороной темы В.И. Карасик считает связь этической оценки с игровым компонентом, широко распространенным в современном медийном дискурсе. Игровой компонент размывает этические границы, в результате чего подача фактов и трактовка их причинно-следственных характеристик в медийном дискурсе нередко становятся агрессивными. Это, по мнению автора, негативно влияет на морально-этическую ситуацию в социуме.

Основываясь на теории речевых актов как одном из наиболее разработанных направлений прагмалингвистики (более подробно см.: [Остин, 1986; Сёрль, 1986; Грайс, 1985; Арутюнова, Падучева, 1985; Ратмайр, 2003 и др.]), В.И. Карасик обращается к прагматике коммуникативных действий, рассматривая, в частности, прагматику имитационных коммуникативных действий, прагматику иронических поучений, прагматику афористических суждений Ф. де Ларошфуко, прагматику характеристики и резюме.

Анализируя конституционные признаки имитационного коммуникативного действия, автор монографии отмечает, что таковым является «его сходство с неким образцом только по форме, в то время как содержательно в его основе лежат иные мотивы и цели» [Карасик, 2022, с. 316]. Примером может служить формальная поддержка реплики (т.е. реплика начинается словами «Полностью согласен с вами», а далее следует уточняющая фраза, сводящее на нет то, что было сказано ранее).

По В.И. Карасику, есть несколько типов имитации коммуникативного действия, которые полностью или частично противоречат по своему содержанию имитируемому образцу: формальный (поздравление или приветствие с явно выраженной неприязнью к

партнеру по общению), игровой (от детской игры ребенка до сценического перевоплощения), юмористический (часто разные варианты комической имитации речевых действий становятся объектом шутки и / или анекдота), сатирический (отличается от игрового и юмористического четко выраженной интенцией унижить и высмеять адресата или третье лицо), учебное уподобление (т.е. учебная имитация речи, стадия освоения иностранного языка).

Иронические нравоучения, в свою очередь, представляют собой «критику человеческих недостатков в виде насмешливой констатации нелепого, претенциозного и злонамеренного поведения, ...выраженную в виде особого класса пословиц, афоризмов и миниатюр современного сетевого фольклора» [Карасик, 2022, с. 332]. При всем различии «их интегративный семантический признак состоит в уступительном сопоставлении ценностей, их прагматический признак заключается в продвижении актуальных установок для трезвой оценки человеческой природы, их синтаксический признак проявляется как игровая аллюзивность» [там же].

Описывая текст производственной характеристики как письменное перформативное действие, В.И. Карасик отмечает, что семантика подобных текстов сводится к обобщению фактов, характеризующих человека, прагматика – к прямому вербальному выражению аргументированного мнения (положительного или отрицательного) о нем, синтактика – к интертекстуальным связям производственной характеристики с аналогичными текстами.

Любопытным представляется параграф 3.4. монографии, в котором описываются особенности коммуникативного поведения билингвов. Рассматривая билингвизм как градуальное явление (т.е. билингвом В.И. Карасик признает индивида, владеющего в разной степени – ограниченное, стандартное и полное владение – несколькими коммуникативными кодами, переключение которых обусловлено требованиями культуры и/или ситуативными обстоятельствами), автор монографии отмечает его все большее распространение. В качестве причин увеличения количества билингвов упоминается повышение мобильности населения по всему миру. Однако наряду с так называемым «естественным билингвизмом», т.е. учебным, рабочим и художественным, особый интерес, на наш взгляд, вызывает игровое двуязычие, проявляющееся в «использовании межъязыковой омонимии, иноязычного произношения либо

написания, буквального перевода иноязычных устойчивых выражений и пародирования макаронического смешения языков» [Карасик, 2022, с. 376]. Так, иноязычный акцент часто становится приемом для создания комического эффекта, аналогично буквальному переводу иностранных фразеологизмов.

Таким образом, в рецензируемой монографии представлено комплексное исследование языка как инструмента познания и вербальных концептов как ключевого средства обретения и хранения знаний и опыта. Значение вербальных концептов в обществе обусловлено тем, что, в отличие от других семиотических систем, естественным языком как средством коммуникации пользуются все и постоянно. В монографии В.И. Карасика анализ концептов проведен на обширном языковом материале с учетом обиходно-бытовой, медийной и художественной дискурсивных сфер. Дискурсивный ракурс исследования позволяет выявить богатое смысловое содержание и вариативность концептов. Сопоставление концептов русского и английского языков демонстрирует, с одной стороны, специфику языковых картин мира и их ценностного содержания, с другой – делает заметными те лингвокультурные характеристики, которые являются для двух языков общими и, возможно, стремятся к универсальности.

Актуальным для современных гуманитарных наук, не только для лингвистики, но также для психологии, культурологии и социологии, является системное исследование сетевого дискурса. Его развитие и влияние на сознание и личностные характеристики во многом определяют языковую и речевую деятельность в современном мире, трансформируют картины мира, присущие языкам.

В.И. Карасик намечает направления дальнейшего исследования в избранной парадигме: развитие лингвистической семиотики; создание новых моделей лингвокультурного изучения языка; выявление и анализ новых форматов дискурса и их влияния на языковые личности [Карасик, 2022, с. 383].

Монография В.И. Карасика представляет интерес не только для специалистов в области языка, культуры, (межкультурной) коммуникации, но и для всех интересующихся этими темами. Несомненным достоинством работы является большое количество иллюстративного материала и детально разобранные примеры работы с текстами.

Список литературы

- Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка: стилистика декодирования. – Москва : Альянс, 2018. – 300 с.
- Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 3–42.
- Богин Г.И.* Типология понимания текста. – Калинин : Издательство Калинин. унта, 1986. – 88 с.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповедческих тактик. – Москва : Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1999. – 84 с.
- Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.
- Демьянков В.З.* Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст : сборник к 70-летию Т.М. Николаевой. – Москва : Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55.
- Карасик В.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2004. – 477 с.
- Карасик В.И.* Языковая кристаллизация смысла. – Москва : Гнозис, 2010. – 351 с.
- Карасик В.И.* Языковая лестница познания. – Москва : Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. – 462 с.
- Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. – Москва : Гнозис, 2019. – 424 с.
- Карасик В.И.* Языковые картины бытия. – Москва : Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. – 468 с.
- Карасик В.И., Ярмахова Е.А.* Лингвокультурный типаж «английский чудак». – Москва : Гнозис, 2006. – 240 с.
- Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 22–129.
- Ратмайр Р.* Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 272 с.
- Сёрль Дж. Р.* Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – С. 151–169.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
- Телия В.Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

References

- Arnol'd I.V. *Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka: Stilistika dekodirovanija* [Stylistics of modern English: Decoding style]. Moscow: Al'janS, 2018. 300 p. (In Russian)
- Arutiunova N.D., Paducheva E.V. Istoki, problemy i kategorii pragmatiki [Origins, problems and categories of pragmatics]. In *Novoje v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 16: Lingvisticheskaja pragmatika* [Novoe v zarubezhnoj lingvistike]. Moscow: Progress, 1985. Vyp. 16: Lingvisticheskaja pragmatika. P. 3–42. (In Russian)
- Bogin G.I. *Tipologija ponimaniya teksta* [Typology of text understanding]. Kalinin: Izdatel'stvo Kalinin. un-ta, 1986. 88 p. (In Russian)
- Vezhbickaja A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kliuchevykh slov* [Understanding cultures through keywords]. Moscow: Jazyki slavianskoj kul'tury, 2001. 288 p. (In Russian)
- Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. *V poiskah novykh putej razvitiya lingvostranovedenija: koncepcija rechevedencheskih taktik* [In search of new ways of development of linguistic and regional studies: the concept of speech-behavioral tactics]. Moscow: Institut russkogo jazyka im. A.S. Pushkina. 1999. – 84 p. (In Russian)
- Grajs G.P. Logika i rechevoe obshhenie [Logic and speech communication]. In *Novoje v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 16: Lingvisticheskaja pragmatika* [Novoe v zarubezhnoj lingvistike]. Moscow: Progress, 1985. Vyp. 16: Lingvisticheskaja pragmatika. P. 217–237. (In Russian)
- Dem'jankov V.Z. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydenного jazyka [Text and discourse as terms and as words of ordinary language]. In *Jazyk. Lichnost'. Tekst: sbornik k 70-letiju T.M. Nikolaevoj* [Language. Personality. Text: collected works dedicated to the 70-th anniversary of T.M. Nikolaeva]. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur. 2005. P. 34–55. (In Russian)
- Karasik V. *Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2004. 477 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovaja kristallizacija smysla* [Language crystallization of meaning]. Moscow: Gnozis, 2010. 351 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovaja lestnica poznaniya* [The language staircase of cognition]. Moscow: Institut russkogo jazyka im. A.S. Pushkina, 2022. 462 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovaja spiral': cennosti, znaki, motivy* [Language spiral: values, signs, motives]. Moscow: Gnozis, 2019. 424 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovye kartiny bytija* [Language pictures of existence]. Moscow: Institut russkogo jazyka im. A.S. Pushkina, 2020. 468 p. (In Russian)
- Karasik V.I., Jarmahova E.A. *Lingvokul'turnyj tipazh "anglijskij chudak"* [Linguocultural type "English eccentric"]. Moscow: Gnozis, 2006. 240 p. (In Russian)
- Ostin Dzh. Slovo kak dejstvie [Word as action]. *Novoje v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17: The theory of speech acts* [Novoe v zarubezhnoj lingvistike]. Moscow: Progress, 1986. Vyp. 17: Teorija rechevykh aktov. P. 22–129. (In Russian)
- Ratmajr R. *Pragmatika izvinenija: sravnitel'noe issledovanie na materiale russkogo jazyka i russkoj kul'tury* [Pragmatics of an apology: A comparative study on the ma-

- terial of the Russian language and Russian culture]. Moscow: Jazyki slavianskoj kul'tury, 2003. 272 p. (In Russian)
- Serl' Dzh.R. Chto takoe rechevoj akt [What is a speech act]. *Novoje v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17: The theory of speech acts* [Novoe v zarubezhnoj lingvistike]. Moscow: Progress, 1986. Vyp. 17: Teorija rechevyh aktov. P. 151–169. (In Russian)
- Stepanov Ju.S. *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury: opyt issledovanija* [Constants: dictionary of Russian culture: research experience]. Moscow: Shkola "Jazyki russkoj kul'tury", 1997. 824 p. (In Russian)
- Telija V.N. *Russkaja frazeologija: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvo-kul'turologičeskij aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola "Jazyki russkoj kul'tury", 1996. 288 p. (In Russian)

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

SCIENTIFIC EVENTS

УДК 811:11+811:13

DOI: 10.31249/ling/2023.04.06

Шахназарян В.М., Галактионов С.С.¹

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ РОМАНСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ»
(18–19 мая 2023 г., Москва) [сообщение о научном событии]**

Аннотация. 18–19 мая 2023 г. в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН состоялась международная научно-практическая конференция «Основные тенденции и перспективы развития современной романской и германской филологии». Организаторами выступили отдел языкознания ИНИОН РАН, Институт иностранных языков Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Национальный автономный университет Мексики и Центр современных научных исследований и образовательных технологий (Москва). В конференции приняли участие как отечественные исследователи, так и зарубежные. В фокусе внимания участников были вопросы лингвистики и филологии в аспекте быстро меняющихся реалий современности. Ряд докладов были посвящены методике преподавания языков, вопросам перевода и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: романские языки; германские языки; романская и германская филология; языковые контакты; перевод; межкультурная коммуникация; преподавание; дистанционное образование; российские и зарубежные вузы.

¹*Шахназарян Владимир Михайлович* – младший научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН; vlad_shakhov@mail.ru

Галактионов Семён Сергеевич – младший научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН; semenga198@mail.ru

Для цитирования: Шахназарян В.М., Галактионов С.С. Международная научно-практическая конференция «Основные тенденции и перспективы развития современной романской и германской филологии» (18–19 мая 2023 г., Москва) [сообщение о научном событии] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 4. – С. 76–104. – DOI: 10.31249/ling/2023.04.06

SHAKHNAZARYAN V.M., GALAKTIONOV S.S.¹

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
“MAIN TRENDS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF
MODERN ROMANCE AND GERMANIC PHILOLOGY”
(May 18–19, 2023, Moscow) [A report on a scientific event]

Abstract. On May 18–19, 2023, the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences hosted the International Scientific and Practical Conference “Main Trends and Prospects for the Development of Modern Romance and Germanic Philology”. The conference was organized by the Department of Linguistics of INION RAN, Institute of Foreign Languages of the Peoples’ Friendship University of Russia, National Autonomous University of Mexico and the Center for Modern Scientific Research and Educational Technologies (Moscow). The conference was attended by both Russian and foreign researchers. The participants mainly focused on the issues of linguistics and philology in the rapidly changing realities of our time. A number of reports were devoted to language teaching methodology, translation and aspects of intercultural communication.

Keywords: Romance languages; Germanic languages; Romance and Germanic philology; language contacts; translation; intercultural communication; teaching; online education; Russian and foreign educational facilities.

For citation: Shakhnazaryan V.M., Galaktionov S.S. International Scientific and Practical Conference “Main trends and prospects for the development of modern Romance and Germanic philology” (May 18–19, 2023, Moscow) [A report on a scientific event]. *Social’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2023. N 4. Pp. 76–104. DOI: 10.31249/ling/2023.04.06

¹*Shakhnazaryan Vladimir Mikhajlovich* – Junior Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vlad_shakhov@mail.ru

Galaktionov Semion Sergeevich – Junior Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; semengal98@mail.ru

18–19 мая 2023 г. в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) состоялась международная научно-практическая конференция «Основные тенденции и перспективы развития современной романской и германской филологии», организаторами которой выступили отдел языкознания ИНИОН РАН, Институт иностранных языков Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Национальный автономный университет Мексики и Центр современных научных исследований и образовательных технологий (Москва).

Пленарное заседание открылось приветственным словом члена-корреспондента РАН, доктора экономических наук, главного научного сотрудника, директора ИНИОН РАН Алексея Владимировича Кузнецова, затем выступили отечественные ученые в области романской и германской филологии из ведущих научных и научно-образовательных организаций страны – МГУ им. М.В. Ломоносова, РУДН им. Патриса Лумумбы, МГЛУ, ВГУ, ИНИОН РАН, ИЛА РАН.

В докладе доктора филологических наук, профессора Н.Ф. Михеевой (РУДН, Москва) «Контакты языков и языковое планирование» было отмечено, что контакты диалектов – это одна из самых важных мотиваций в развитии лингвистических изменений. Идея о том, что контакты играют важную роль в истории и диалектологии испанского языка, является центральной в работе Р. Пенни «Вариации и изменения в испанском языке». Докладчик также отметил, что эта идея частично основана на трудах Дж. и Л. Мильроя о роли социальных корней в инновациях и распространении лингвистических явлений. В связи с этим интересна мысль В. Лабова о том, что «сельские» или региональные диалекты трансформируются в городские благодаря контактам диалектов в результате миграции. Ле Паж проанализировала пути развития различных диалектов в результате их контактов – от «сращивания» до «размывания». «Сращивание» – это слияние диалектов на основе сохранения нормы. «Размывание» означает потерю нормы в результате «смешения» разнообразных диалектов. Согласно точке зрения ученого, в случае городской миграции коммуниканты, как правило, владеют нормами разговорной речи. Однако в процессе демократизации языка указанные нормы «размываются».

Доктор филологических наук, профессор, заведующая отделом языкознания ИНИОН РАН Э.Б. Яковлева в докладе «Спонтанные дискурсивные практики: специфика сегментации речи (на материале синергических видов немецкого звучащего спонтанного дискурса)» отметила, что в свете современных когнитивных исследований речевая деятельность с элементами синергизма (спонтанная диалогическая и полилогическая коммуникация) привлекает особое внимание лингвистов. Спонтанная устная речь обладает специфическими фонетическими, лексическими и синтаксическими особенностями. Что касается исследования лексико-семантической и синтаксической организации синергических видов спонтанной речи (звучащего диалога, полилога), то здесь накоплено уже немало сведений о парадигматических, структурных, семантических, функциональных и прагматических свойствах этих видов спонтанной речи (особенно диалога, в меньшей степени полилога). Изучение же их фонетического оформления представляет пока ситуацию неиспользованных возможностей.

До недавнего времени при описании спонтанной речи лингвисты пользовались критериями кодифицированной письменной речи, что создавало заведомо ложные предпосылки для определения единиц спонтанной речи и имело следствием получение искаженных характеристик и выводов. Происходило это в силу непонимания психологических механизмов спонтанного речепорождения.

Важнейшую роль в реализации коммуникативной стратегии участников синергических видов общения играют суперсегментные средства, основные инструменты сегментации речевого континуума на смысловые единицы. Основным средством сегментации звучащей речи является пауза – воспринимаемый феномен, который достигается разными способами.

Доклад доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Ю.Л. Оболенской «Языковая политика в Испании vs региональная политическая лингвистика» был посвящен анализу чрезвычайно сложной языковой ситуации, сложившейся в современной Испании. Выявляются исторические, социокультурные и идейно-политические причины, которые привели к диглоссии и сужению сферы использования кастильского (испанского) языка в ряде автономных сообществ,

а затем к дроблению диалектов кастильского и каталанского языков и своего рода языковому сепаратизму регионов. Прослеживается история вопроса, уделяется внимание социолингвистическим и эпидиалектологическим аспектам актуальной ситуации. Анализируются результаты деятельности академий языка пяти признанных на территории Испании (помимо кастильского / испанского языка) официальных языков: каталанского, баскского, галисийского, астурийского и аранского, а также диалектов кастильского и каталанского, претендующих на статус национального языка: валенсийского, леоно-астурийского, эстремадурского и др. Рассматривается роль культурных институтов, университетов, общественных движений и властных структур автономий, а также важная роль политики лингвистического планирования и проектов по защите миноритарных языков, осуществляемых с 90-х годов XX в. Евросоюзом.

З.В. Ивановский – доктор политических наук, главный научный сотрудник ИЛА РАН – в докладе «Социально-политический контекст и особенности лексического состава национальных вариантов испанского языка» рассмотрел проблему национальных вариантов испанского языка и особенностей его словарного состава в некоторых странах Латинской Америки. Огромное влияние на эти варианты оказывают экстралингвистические факторы, относящиеся к социальной, культурной, религиозной и политической истории народов. По мнению докладчика, наряду с социолингвистикой, изучающей комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и его ролью в жизни общества, необходимо говорить о и политической лингвистике, которая помогает более точно определить политические взгляды и программные установки в сфере внутренней и внешней политики. В докладе анализируется отражение влияния социально-политической ситуации на формирование лексического состава различных национальных вариантов испанского языка. Источниками послужили произведения современных писателей, монографии и научные статьи, электронные и печатные издания, а также личные наблюдения автора. Знание реалий имеет крайне важное практическое значение, поскольку даже при совершенном владении классическим вариантом испанского языка без учета экстралингвистических факторов невозможно адекватно понимать устную и

письменную речь и сохранять необходимую стилистику во время перевода.

Профессор кафедры французской филологии Воронежского государственного университета, доктор филологических наук Н.А. Фененко в докладе «Семантическая синестезия в зеркале художественного перевода» проанализировала проблему семантической синестезии как особой формы проявления функционально-семантического синкретизма, связанного с совмещением наименований различных чувственных представлений (осязательно-зрительных, зрительно-слуховых, зрительно-обонятельных, вкусо-осязательных и др.). Цель исследования – выделить стратегии перевода синестетических сочетаний, которые носят поликодовый характер и являются важной составляющей авторской эстетики художественного текста. Исследование проводится на материале переводов на французский язык романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» с использованием методики сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода. В результате анализа выделяются три стратегии (полного сохранения, частичного сохранения и полного разрушения синестетического образа), а также определяются типы синестетических сочетаний, по отношению к которым применяется та или иная стратегия перевода. Делается вывод о смене в процессе перевода на французский язык синестетической доминанты, что свидетельствует о национально-специфическом характере семантической синестезии как средства художественной образности.

В докладе «Португальская неология: актуальные модели и активные процессы» доктора филологических наук, профессора О.А. Сапрыкиной (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) неология рассматривается как эвристическая деятельность, которая осуществляется с помощью языка. Материалом для исследования послужили факты современного португалоязычного медийного дискурса. Сочетание структурного, функционально-стилистического, психолингвистического, когнитивно-дискурсивного, денотативного и лексикографического подходов дает возможность выявить основные активные процессы, происходящие в сфере португальской неологии. В новейший период в португальской неологии идут как классические процессы, ведущие к созданию новообразований, так и возникают относительно новые явления. К традиционно протекающим процессам относятся словообразование (аффиксация,

аббревиация и словосложение), семантические переосмысления лексических единиц, заимствования. В словообразовании велика доля инициальных аббревиатур, как буквенных (сигл), так и фонетических (акронимов). Многие инициальные сокращения имеют интернациональный характер. Сложносокращенные слова функционируют наряду с научными по происхождению символами. В области аффиксации преобладает префиксация. Для обогащения словаря привлекаются заимствования, в основном из английского языка. Новые неологические модели связаны с детерминологизацией специальной лексики, которая мигрирует в повседневный дискурс. По-новому осмысляются имена собственные. Некоторые антропонимы, мифонимы и топонимы обретают ассоциативные коннотации или становятся частью сложных слов. Интенсифицируется деривация в области фразеологии, в которой растет число устойчивых словосочетаний, отражающих новую реальность. Идут преобразования в паремиологии, пополняющейся антипословицами. Лингвокреативная деятельность представлена выразительными мемами и хештегами. В пандемический период наряду с неологизмами появляются потенциальные слова, обладающие большой выразительностью. В португальской неологии активно концептуализируются события политической и научной жизни. Неологосфера языка в настоящее время постоянно расширяется.

Доклад «Идеологический фактор в переводе (на материале современных немецкоязычных и русскоязычных СМИ)» И.А. Гусейновой (МГЛУ, Москва), доктора филологических наук, профессора, был посвящен проблеме идеологического фактора в переводе, учет которого представляет собой значительную трудность для современного переводчика. Значительную общую трудность для перевода, по ее мнению, представляют собой в том числе когнитивные метафоры. В феминистском дискурсе размывание гендерной идентичности, ситуация выбора стратегии перевода, необходимость владения приемами идеологического перевода также ставят переводческое сообщество перед новыми вызовами. В качестве материала исследования привлекается массив текстов немецкоязычных средств массовой информации (объемом ок. 20 000 слов), изданных в 2022–2023 гг. и посвященных темам специальной военной операции и гендера.

Заведующая кафедрой испанского языка МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор М.М. Раевская в своем докладе «Испанский язык в современном мире: реальность и новые горизонты» отметила, что в настоящее время на состояние испанского языка оказывают влияние такие тенденции, как демократизация отношений в социуме, которая вызвала необходимость регламентации культуры административной коммуникации власти и общества, приоритетное развитие информационно-коммуникационных технологий, а также активное внедрение сети Интернет в образовательный процесс. В докладе рассматриваются институциональные мероприятия и проекты, направленные на сохранение и обогащение испанского языка, основные векторы, определяющие его дальнейшее развитие, а также актуальные направления паниспанской языковой политики в проекции на современные потребности испаноязычного общества. В настоящее время в фокусе внимания профессиональных испанистов находится знаковое событие этого года – состоявшийся в марте IX Международный конгресс испанского языка (CILE 2023), который является главным инструментом и координирующим центром межгосударственного менеджмента в сфере паниспанской языковой политики, выполняющим законодательную функцию по определению ее направлений. Являясь одним из наиболее распространенных языков мира и средством международного общения, а также в силу своего трансграничного характера и интенсивности миграционного притока населения, испанский язык на современном этапе требует осмысления процессов, определяющих его жизнь в плюрикультурном и многоязычном коммуникативном пространстве. Кроме того, с учетом последних внешних вызовов и внутривнутриполитических изменений испаноязычная реальность требует консолидации усилий государственных институтов для объединения испаноязычных информационных и административных ресурсов в единую систему, обеспечивающую равный доступ к необходимой информации и понятную всем коммуникацию на испанском языке. В докладе предлагается системное рассмотрение тем и проектов данного форума, которые представляют собой большой интерес для академического сообщества, занятого в сферах лингвистики, перевода и преподавания испанского языка.

Доклад доктора филологических наук, профессора Л.В. Моисеенко (МГЛУ, Москва) был посвящен вариативности нормы как функционированию параллельных способов выражения одного и того же содержания. Вариативность была проанализирована на примере атрибутивной синтагмы, образующейся по модели существительное + прилагательное. Параллельные способы реализации атрибутивного словосочетания в испанском языке функционируют как полная либо неполная структура типа estudio Económicas вместо estudio Ciencias Económicas. Подобная вариантность порождается внутрисистемными причинами, а именно, законами речевой экономии, созданием единого лексико-семантического каркаса, допускающего элиминацию существительного: profesor del politécnico (instituto politécnico), vecino de los altos (pisos altos). В зависимости от одушевленности / неодушевленности субстантивного компонента факторы, вызывающие эллипсис существительного, оказываются разными. В отличие от испанского языка аналогичные русские неполные структуры – Билет в Большой; поезд идет до Павелецкой – имеют иную стилистическую маркированность и характерны для разговорной речи. Если рассматривать типы вариантов по отношению к норме, то можно утверждать, что в испанском языке рассматриваемые варианты являются равноправными (хотя полная структура и предпочтительнее неполной). В русском языке речь идет о нормативных, но неравноправных вариантах, которые отличаются стилистически обоснованной сферой употребления.

Доктор педагогических наук, профессор Т.А. Дмитренко (МПГУ, Москва) в своем докладе проанализировала проблему, связанную с повышением качества преподавания иностранного языка в условиях цифровизации иноязычного образования, которая вывела иноязычную подготовку обучающихся на качественно новый уровень, поднимающий культуру преподавания иностранных языков и обеспечивающий социальную адаптацию обучающегося, а также формирование соответствующей среды для личностного развития. Автором рассматриваются наиболее значимые современные тренды в системе высшего иноязычного образования, позволяющие подготовить конкурентоспособного специалиста, который становится главным показателем качества вузовского обучения.

Особое внимание в докладе фокусировалось на расширении возможностей выбора обучающимся своей персонализированной образовательной траектории, создании оптимальных условий для саморазвития и самореализации уже в процессе самой профессиональной подготовки, что является приоритетной задачей для обновления всей системы иноязычного образования. Подготовка в условиях цифровизации общества, в том числе и цифровизации иноязычного образования конкурентоспособного специалиста, владеющего своей профессией на уровне международных стандартов, предполагает готовность использования педагогами цифровых технологий, предоставляющих воистину неограниченные возможности самореализации обучающегося. Автором доклада оценивается дидактический потенциал цифровых технологий обучения, который необычайно широк и предполагает адаптивность и персонализацию образовательного процесса; высокую скорость обработки информации, прозрачность деятельности, комфортную среду развития.

Доктор филологических наук, профессор Н.Н. Германова (МГЛУ, Москва) в своем докладе ««Оксфордские саксонисты»: истоки британской германистики» осветила деятельность британских филологов, работавших на базе Оксфордского университета во второй половине XVII – начале XVIII в., занимавшихся изучением древнеанглийского языка в контексте других германских языков. Показаны основные результаты их деятельности: создание словаря и грамматики древнеанглийского языка, публикация и комментирование древних текстов, а также издание главного труда этой группы – «Критического грамматического и археологического тезауруса ранних северных языков», инициатором и главным автором которого был глава оксфордских саксонистов Дж. Хикс. Их работы положили начало формированию британской германистики. Однако эти исследования не были приняты большей частью британских интеллектуалов того времени. В докладе анализируются причины этого критического отношения. Культурный климат того времени не позволял оценить значимость изучения древнеанглийской культуры: в Британии господствовали представления о том, что колыбелью европейской цивилизации являются Древняя Греция и Рим, в то время как Средние века рассматривались как период варварства. Фактически труды германистов способствовали

формированию «англосаксонизма» как основы новой культурной идентичности британцев. Другая причина крылась в непривычном методе и стиле их исследований. Тщательная работа со списками рукописей, анализ текстовых вариаций, ссылки на первоисточники и научную литературу, наличие комментариев, сложный стиль изложения делали их тексты в глазах оппонентов педантичными и скучными. Однако то, что раздражало критиков, означало выработку новых, созвучных современным принципам палеографической работы, так что в знаменитом споре «древних и новых» британские германисты оказались на стороне «новых».

В.Г. Кузнецов (МГЛУ, Москва), доктор филологических наук, профессор в докладе «Роль категоризации и структуризации в формировании языковой картины мира» рассмотрел когнитивные и этносемантические особенности категоризации посредством гиперонимов и гипонимов в аспекте их роли в формировании языковой картины мира французского языка. В отличие от гиперонимов, слов с родовым значением и широкой референцией, гипонимы – это лексические единицы с конкретной, точечной номинацией и узкой референцией. Определение гипонимов на основе родовидовых отношений должно быть дополнено их определением на основе видо-видовых отношений. Гиперо-гипонимическая лексикализация играет важную роль в категоризации и структуризации, в формировании языковой картины мира. Гиперонимам присуща функция категоризации, а гипонимам – структуризации. Гипонимы благодаря точечной номинации обладают свойством детальной, подробной структуризации, что находит отражение в формировании языковой картины мира.

После пленарного заседания 18 мая работа конференции продолжилась на следующий день в рамках шести параллельных секций: 1. Актуальные проблемы лингвокультурологии и этносоциолингвистики; 2. Проблема нормы и вариативности в языке и речи; 3. Межвариантная диалектология романских и германских языков; 4. Динамика дискурсивных практик; 5. Проблемы перевода и межкультурной коммуникации; 6. Современные методы преподавания романских и германских языков.

Модератором секции 1 «Актуальные проблемы лингвокультурологии и этносоциолингвистики» выступила д-р филол. наук, профессор Волгоградского государственного социально-педагогического

университета Ольга Александровна Дмитриева. На секции было заявлено шесть докладов.

Открывал первую секцию доклад Ю.В. Башиловой (МГЛУ, Москва), посвященный проблеме вербализации культурного кода немецкого романтизма в пространстве новеллы «Рутенберг» знаменитого поэта, драматурга и переводчика Людвиг Иоганна Тика (1773–1853).

О.А. Дмитриева (ВГСПУ, г. Волгоград) выступила с докладом «Социальные символы лингвокультурного типажа “суеверный человек”», в котором были представлены результаты проведенного исследования степени суеверности современного человека. Несмотря на технический прогресс и доступное образование, суеверия неизменно встраиваются в картину мира современного человека, однако, степень его суеверности не определяется ни возрастом, ни местом проживания, ни уровнем образования, ни профессией. Таким образом, суеверие представляется типажеобразующим признаком, на основе которого был рассмотрен лингвокультурный типаж «суеверный человек». Особой характеристикой этого типажа выступают различные социальные символы, в том числе и речевой портрет. К речевому портрету были отнесены как вербальные характеристики (чтение заговоров, использование рядов слов-заклинаний, избегание произнесения некоторых слов в определенных ситуациях), так и невербальные (жесты-символы: сплунуть, сделать «дулю», обойти предмет, пройти спиной вперед). Проведенное исследование позволило расширить понятие социального символа в аспекте теории лингвокультурных типажей.

Совместный доклад А.И. Ковригиной и И.Н. Горячевой (МГУ, Москва) был посвящен изучению пространственного кода культуры в рамках формирования концептуальной системы у изучающих испанский язык как иностранный. В современных условиях перехода мировой системы от глобализации к регионализации актуальным становится вопрос смены существующего подхода к преподаванию иностранных языков в высшей школе на такой, который позволил бы формировать плюрикультурную и плюрилингвальную языковую личность обучающихся. Эта концепция основана на необходимости формирования у изучающих иностранный язык личностной концептуальной системы, включающей в себя базовые коды как иностранной, так и родной культуры.

В рамках данного доклада авторы сочли целесообразным остановиться на вопросе освоения пространственного кода культуры студентами, изучающими испанский язык как иностранный. В результате было выявлено, что именно пространственный код культуры наиболее ярко отражает оппозицию «свой – чужой» и тем самым становится основанием для саморефлексии, осознания местоположения собственной культуры в мировом пространстве.

М.А. Кузина и Т.В. Бутенко (МПГУ, Москва) в докладе «Этноспецифическое стилистическое сравнение в транслингвальном романе как константа идиостиля писателя» отметили, что в произведениях писателей XX–XXI вв. из Бангладеш, Индии, Кении, Нигерии и Пакистана частным случаем реализации этнического кода является стилистическое сравнение. Была предложена классификация этноспецифических стилистических сравнений, являющихся константой идиостиля англоязычных писателей-транслингвов. Это позволило поместить этноспецифическое стилистическое сравнение в один ряд с другими средствами передачи информации о своей и чужой культурах, среди которых внешние заимствования из автохтонных языков, внутренние заимствования из региональных вариантов английского языка, смешение и переключение кодов, пиджинизация, гибридизация и интертекстуальность.

В докладе «Человек растерянный как лингвокультурный типаж современной прозы» Н.В. Лучкина (РГМУ, г. Ростов-на-Дону) рассматривает лингвокультурный типаж, часто встречающийся в современных литературных произведениях. Предметом анализа стали романы современных прозаиков России, Германии и Франции: «Тимошина проза» О. Зайончковского, «Однажды днем, а может быть, и ночью» А. Штадлера и «Карты и территория» М. Уэльбека. Анализ произведений позволяет сделать выводы о том, что героев этих книг объединяет чувство одиночества, разочарования в жизни, ощущение враждебности окружающего мира, который вытесняет человека и приводит к потере самого себя.

Доклад И.Х. Миграновой (УУНИТ, г. Уфа) «Исследование гендерных стереотипов: лингвокультурологический и психолингвистический аспекты» был посвящен анализу концепта «гендер» в рамках психолингвистики и лингвокультурологии. Гендерные исследования сквозь призму лингвокультурологии позволяют изучить не только механизмы формирования гендерных стереотипов

и их отражения в языке, но и их национально-культурные составляющие. С помощью психолингвистических инструментов, таких как метод «встречного текста» А.И. Новикова можно изучить реакции реципиентов на текст-стимул, затрагивающий гендерную тематику, выявить как индивидуальные особенности восприятия и понимания текста, так и национальные особенности, специфику мышления, манеры поведения, свидетельствующие о национальном характере и менталитете. Также представляется, что психолингвистический метод позволяет проследить отношение к современным тенденциям, связанным с гендером, гендерными стереотипами и смене гендера в разных культурах.

Работой в секции 2 «Проблема нормы и вариативности в языке и речи» руководила канд. филол. наук, научный сотрудник ИНИОН РАН Евгения Анатольевна Казак.

Доклад «Языковая норма в медиадискурсе» Д.Г. Акубековой (УУНИТ, г. Уфа) открывал данную секцию и был посвящен медиатексту как одной из наиболее распространенных форм функционирования языка в современном обществе. Медиа́текст объединяет в себе вербальные признаки традиционного текста, совмещенные с медийными свойствами того вида СМИ, в котором он реализуется (пресса, телевидение, радиовещание и интернет). Было отмечено, что к характерным чертам современного языка общественных СМИ относятся игнорирование существовавших языковых норм, тенденция к размыванию четких стилевых границ, тиражирование заимствований и аграмматизм.

Ю.Д. Будман (РГУ им. А.Н. Косыгина, Москва) в докладе «Еврейско-романские языки vs этнолекты: к вопросу о терминологии» отметила, что несмотря на то, что за последнее время были предложены различные варианты классификации еврейских языков и диалектов, проблема их типологии остается во многом нерешенной, а само понятие «еврейский язык» – довольно расплывчатым. Как зарубежные, так и отечественные исследователи не решают данной типологической и терминологической проблемы, в связи с чем на основании критериев автономности, историчности и нормированности был проведен сравнительный анализ двух еврейско-романских идиомов: джудесмо и шуадита. Результаты анализа позволили ответить на вопрос, можно ли рассматривать их в качестве самостоятельных языков.

П.И. Демьянова (РУДН, Москва) выступила с докладом, посвященным историческому развитию, современному состоянию и перспективам двуязычного образования в Республике Эквадор. Ввиду существования на территории данного государства большого разнообразия коренных народов, каждый из которых говорит на собственном языке, правительство столкнулось с проблемой создания инклюзивной системы образования, которая удовлетворяла бы потребностям каждого из них. Были представлены исторические предпосылки возникновения данной проблемы, а также различные способы ее решения, которые уже применяются сегодня как на государственном, так и на общественном уровнях.

Е.А. Казак (ИНИОН РАН, Москва) в докладе «Языковые контакты в межкультурном мегаполисе на примере мультикультурного английского диалекта» указала на тот факт, что сегодня современный большой город является местом встречи разных этносов, культур и языков. На рубеже XX–XXI вв. происходили различные общественно-политические и социально-экономические изменения, которые не могли не затронуть миграционные процессы. Увеличиваясь за счет большого количества мигрантов, современные города превращаются в мегаполисы со своим социально-культурным уровнем. В данных условиях контакты различных языков в едином языковом пространстве расширяются и приводят к вариативности языковых единиц на всех уровнях (фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом и стилистическом). Автор отметила, что в современном обществе наблюдается тенденция расширения коммуникативных возможностей населения, а также неизбежность межъязыковых контактов. Наличие межъязыковых и, в свою очередь, межкультурных контактов приводит к образованию новых форм существования языка и множеству его преобразований. Было подчеркнуто, что одним из самых значительных факторов вариативности в условиях данных контактов, является собственно языковой контакт, порождающий интерференцию.

Н.В. Кривошапова (ПГУ им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь) в докладе «Языковая интерференция антропонимов (на примере русского и молдавского языков)» рассмотрела фонетическую, лексическую и грамматическую интерференцию имен, отчеств и фамилий, опираясь на документы жителей Приднестровья. Было от-

мечено, что интерференционные процессы между молдавским и русским языками и смешение норм этих индоевропейских языков обусловили возможность вариантного написания имен, образованных от них отчеств, и даже некоторых фамилий.

В докладе С.В. Мухина (МГИМО, Москва) «Глоссы как ранний источник английской фразеологии» были представлены фразеологически связанные словосочетания, выявленные в тексте глосс раннего переводного памятника древнеанглийской письменности второй четверти VIII в. – Веспасиановой Псалтири. Докладчик обратил внимание на сущностную общность глоссирования, т.е. подстрочного перевода исходного латинского текста псалмов, и фразеологического калькирования, которое использовалось переводчиками скрипториев Древней Англии в качестве основного способа передачи на древнеанглийском языке значения и структуры латинской версии библейских фразеологически связанных словосочетаний. В соответствии со структурно-семантическим принципом была представлена классификация фразеологических калек Веспасиановой Псалтири, охватывающая три основные группы фразеологических единиц: идиоматику, фразеоматику и паремику.

Доклад Ю.С. Петровой (МГИМО, Москва) «Вариативность в манипулятивном воздействии на примере британской прессы» содержал анализ примеров языковой вариативности из статей британской прессы, а именно изданий *The Economist* и *The Telegraph*. Среди манипулятивных техник, используемых в медийном дискурсе, докладчик выделил ошибочные логические суждения, имплицитную подачу информации, эмоционально-экспрессивную лексику и подмену понятий. По мнению исследователя, вариативность языкового оформления позволяет создавать видимость разнообразия мнений и контраст с эксплицитным или имплицитным оппонентом при помощи конструкций, среди которых присутствуют субъектно-предикатные и предложно-падежные конструкции с затемненным референтом.

Л.В. Разумова (РГГУ, Москва) посвятила свой доклад активным языковым процессам в квебекском разговорном языке в XIX в., когда усилилась степень контактирования с английским языком, а литературный язык стал восприниматься как отдельный и не связанный с повседневностью. Литературный нормированный язык не был востребован в квебекском языковом сообществе в XIX в. и

выступал как не развивавшаяся и герметичная система дореволюционных кодифицированных языковых средств, в то время как разговорная форма становилась в этих условиях ведущей и практически единственной языковой формой, обслуживавшей франкофонное языковое сообщество.

Доклад Г.В. Ровенских (РУДН, Москва) «Билингвальное образование в Бразилии» был посвящен совершенствованию системы двуязычного образования как способу подготовить студентов к все более глобализирующемуся миру и улучшить их возможности трудоустройства. Автор отметил, что, несмотря на недостаток средств и квалифицированных преподавателей, количество билингвальных образовательных учреждений в стране растет, в особенности в городских районах.

Л.П. Рыжова (МПГУ, Москва) выступила с докладом «Философско-методологические основания становления французской версии лингвистической прагматики в сравнении с англосаксонской». Сравнение двух интеллектуальных систем показало, что они по-разному смотрят на соотношение синтаксиса, семантики и прагматики в рамках теории речевых актов и теории высказывания. Речевой акт рассматривается как центральная категория англосаксонского классического варианта изучения языкового материала, в то время как центральной категорией теории высказывания как методологической основы франкоязычного варианта лингвистической прагматики является высказывание.

В рамках работы секции были также заслушаны доклады «Паремия и ее вариативность в эмпатическом виртуальном общении: коммуникативно-прагматический аспект» А.А. Бен Шушан (УУНИТ, г. Уфа); и «Языковое многообразие Испании» И.В. Золотаревой (МГТУ им. Н.Э. Баумана).

Модераторами секции 3 «Межвариантная диалектология романско-германских языков» выступили д-р филол. наук, профессор РУДН им. Патриса Лумумбы Наталья Фёдоровна Михеева и младший научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН Владимир Михайлович Шахназарян.

Открывал секцию доклад С.С. Галактионова (ИНИОН РАН, Москва) «Краткий обзор современных инициатив по сохранению нисуазского диалекта». Автор отметил, что на сегодняшний день данный подвид провансальского наречия окситанского языка на-

ходится на грани исчезновения, в связи с чем появляется все больше инициатив по его сохранению, как со стороны администрации города Ниццы, так и со стороны неправительственных и некоммерческих организаций. Точкой опоры для этого служит тот факт, что лексические заимствования из нисуазского диалекта закрепились в качестве топонимов и урбанонимов, а также в качестве названий многих традиционных нисуазских блюд, знакомых большинству жителей региона вне зависимости от их возрастной категории. Докладчиком был представлен ряд мероприятий, направленных на сохранение диалекта, среди которых радио- и телепередачи, транслируемые на языке, билингвальные курсы в детских садах и школах, а также ежегодный нисуазский диктант.

В докладе О.В. Дониной (ВГУ, г. Воронеж) «Межвариантная диалектология английского языка (на материале сопоставления скрытой категоризации)» были представлены возможности применения корпусных и статистических методов для сопоставления 20 вариантов английского языка. По результатам исследования автор отметила, что неоднородность языковой категоризации эмоционально-чувственного состояния в разных вариантах английского языка объясняется разными историческими условиями функционирования идиомов и интенсивностью языковых контактов между английским и местными языками ареала, а также уровнем экономического развития регионов, их культурной и религиозной спецификой и особенностями коллективного когнитивного опыта исследуемых языковых сообществ.

С.Д. Клементе-Смирнова (РУДН, Москва) выступила с докладом «Языковые особенности испанского языка на территории мексиканского штата Оахака», в котором особое внимание было уделено вопросу вариативности испанского языка на территории Мексики. При исследовании фонетических, лексических и грамматических особенностей речи жителей штата Оахака автором было обнаружено, что письменная и устная речь оахакцев отличается от норм употребления языковых форм в кастильском языке и среди жителей Мехико.

Доклад К.А. Соколовой (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Межязыковые фразеологические соответствия в романских языках (на материале ФЕ с цветовым компонентом)» был посвящен проблеме выявления лакунарных идиом и определения основных критериев

отнесения тех или иных фразеологических единиц к классу эквивалентов или аналогов. Исследование показало, что лингвоцветовые фразеологические картины мира содержат элементы сходства и различия, в основе которых лежит разное философское мироосмысление, свойственное испанской, французской и итальянской культурам.

Чжан Цзи (РУДН, Китай) в докладе «Тенденции развития современной романской филологии» отметил, что в число наиболее актуальных направлений исследований входят вопросы позднелатинского языка, средневековой литературы на романских языках, общей и исторической романистики, а также текстологической критики.

В докладе В.М. Шахназаряна (ИНИОН РАН, Москва) «Лингвистический ландшафт как отражение языковой вариативности в регионе (на примере территориального диалекта мексиканского штата Кинтана-Роо)» была рассмотрена динамика изучения такого явления, как «лингвистический ландшафт». Отмечая, что начало исследований в данном направлении отмечено концом XX в., когда зарубежные исследователи обратили внимание на то, что естественный язык фиксируется в письменном виде в общественных местах на вывесках, баннерах, информационных стендах, докладчик показал, что на сегодняшний день это явление, существуя в урбанистическом пространстве, может быть использовано для анализа языковой вариативности. Был сделан вывод о том, что вариативное представление языков имеет особое значение, поскольку оно связано с идентичностью и культурной глобализацией, а также с тенденцией возрождения языков национальных меньшинств, что отмечается в последние десятилетия. Помимо этого, автор отметил, что лингвистический ландшафт можно понимать как маркер прогресса города, а также как инструмент для анализа массовой языковой вариативности в социально-когнитивном взаимодействии.

Доклад Д.Е. Шестых (РУДН, Москва) «Особенности японского языка в регионе Кансай» был посвящен кансайскому диалекту, распространенному в таких крупных городах как Осака и Киото, который долгое время являлся стандартом японского языка. В результате автор выделил ряд лингвистических особенностей для дальнейшего изучения и охарактеризовал современную японскую

диалектологию как коммуникативный процесс, на изучение которого оказывают влияние лингвокультурологические, лингвосоциальные и лингвогеографические факторы.

На секции также были заслушаны доклады «Лингвистические отличия национальных вариантов английского языка как важный фактор формирования профессиональной иноязычной компетенции будущих юристов (на материале американского и канадского национальных вариантов английского языка права)» Е.А. Дмитриевой (РУДН, Москва); «Особенности новозеландской территориальной вариативности (на примере региона Окленд)» И.Е. Казаковой (РУДН, Москва); «Национально-культурные особенности фразеологии испанского языка в США (Калифорния и Нью-Йорк)» П. Рамиреса Родригеса (РУДН, Испания); «Канадские территориальные диалекты английского языка – система, которая требует изучения» В.В. Соколовской (Общевойсковая академия ВС РФ, Москва).

Секция 4 «Динамика дискурсивных практик» модерировалась канд. филол. наук, старшим научным сотрудником отдела языкознания ИНИОН РАН Еленой Олеговной Опариной.

Открывал секцию доклад С.Н. Безус (Военный университет им. кн. Александра Невского, Москва) «Королевские письма средневековой Испании: типы документов и разновидности шрифтовой графики», в котором давался обзор основных типов письменности, использовавшихся на территории Испании с древних времен до конца XIII – начала XIV в. В особом фокусе оказались шрифты, применявшиеся при написании официальных королевских писем средневековой Испании, составленных как на латыни, так и на староиспанском языке, а также особенности их оформления.

Г.В. Беликова (МПГУ, Москва) в докладе «Языковая концептуализация явления действительности как способ трансляции альтернативных смыслов (на материале французского языка)» на избранных примерах проанализировала причины и механизмы формирования контрарной семантики языковых выражений, описывающих один и тот же факт опыта человека и общества. В ходе исследования было выявлено, как явления повседневности связаны с их лингвистическими представлениями, а также описаны особенности актуализации контрарных значений языковых единиц, обозначающих один и тот же феномен опыта.

Доклад Е.Ю. Дементьевой (УФУ им. первого президента Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург) был посвящен обзору тактик самопрезентации и конструирования идентичности, используемых отечественными и зарубежными учеными-лингвистами в рамках интернет-дискурса. Автором были рассмотрены и сопоставлены личностно-ориентированный и статусно-ориентированный виды дискурса и сделан вывод, к какому виду относится персонализированный веб-сайт. Также был проведен сравнительный анализ тактик, используемых отечественными и зарубежными лингвистами, и на основании данного анализа сделаны выводы о различиях в стратегии конструирования образа в Интернете.

Совместный доклад С.Ю. Имбер и Е.А. Севериной (МГЛУ, Москва) «Средства вербализации *Beziehungen* в профессиональной и гражданской онлайн-журналистике» был посвящен анализу средств вербализации взаимоотношений в парных отношениях в профессиональной и гражданской онлайн-журналистике. Анализ продемонстрировал, что в электронную профессиональную и гражданскую журналистику проникают элементы устной речи, в том числе такие средства выразительности, как фразеологические единицы, англицизмы и сленговые выражения. Авторы пришли к выводу, что представители профессиональной и гражданской онлайн-журналистики, описывая взаимоотношения в парных отношениях, преследуют схожие цели и выбирают для их реализации идентичные средства вербализации.

Т.В. Никитенко (БГУ, Минск, Белоруссия) выступила с докладом, посвященным реализации семантического потенциала глагола «виснуть» в русском и английском языках. Было отмечено, что в обоих языках глагол легко допускает переносные и образные употребления негативно-оценочного характера. Также было доказано, что семантический потенциал данного глагола, т.е. типы производных значений и характер семантических сдвигов определяется особенностями его исходной прототипической ситуации, которая предполагает нахождение объекта в пространстве в вертикальном положении без точки опоры внизу.

Доклад «Внутригородские названия как выражение социально-культурной практики: векторы динамики и стабильности» Е.О. Опариной (ИНИОН РАН, Москва) был посвящен урбанонимам, то есть именам собственным, которые являются наименова-

ниями городских мест. В центре внимания докладчика были свойства урбанонимов как средств формирования, выражения, фиксации и межпоколенной трансляции коллективной городской идентичности и памяти. В качестве материала были отобраны различные русские и английские урбанонимы. Автором был сделан следующий вывод: несмотря на стремление к стабильности городских названий, неизбежные изменения социального и исторического характера обуславливают вектор их динамики.

Е.В. Плисов (НГПУ им. Козьмы Минина, г. Нижний Новгород) посвятил свой доклад лексическим особенностям публичных обращений немецких политиков к этническим группам. Проведенный анализ доказал важность учета лексики в формировании текстов политического дискурса и значимость выбора лексических единиц для успеха или неудачи конкретного политика. Автор отметил, что одним из основных концептов, реализуемых в политическом дискурсе, является оппозиция «свой – чужой», и что в лексических репрезентантах «своих» и «чужих» в отношении этнических групп проявляется отношение говорящего.

В докладе «Гендерное неравенство в современном испанском языке и культуре» М.В. Симонова (МГУ, Москва) рассказала о существующих в современном испанском языке лексических единицах, отражающих различные проявления гендерного неравенства. Автором были проанализированы нормативные документы Испании и некоторых стран Латинской Америки, академические словари и тексты СМИ. Сравнение принципов освещения гендерной дискриминации и насилия в отношении женщин как в Испании, так и в странах Нового Света раскрыло те трудности и «несогласованности» в языковом плане, которые, несомненно, затрудняют процесс борьбы с неравенством в современных испаноязычных обществах.

И.Б. Ушакова (ХГУЭП, г. Хабаровск) поделилась размышлениями о причинах активности длительных форм глагола в современном английском языке. Объяснить расширяющееся употребление прогрессива, по мнению автора, может ряд причин. Первая причина – интралингвистическая: экспрессивность, эмоциональная живость прогрессива по сравнению с простыми временами. Вторая причина – экстралингвистическая: глобальность английского

языка и процветание его разных территориальных вариантов ведет к его развитию и изменению.

В рамках секции также были заслушаны доклады «Смена ценностных доминант в национальном культурном коде испанцев и ее отражение в языке» Е.В. Журавлевой (МПУ, Москва); «Оценка как реакция на медиатекст с элементами шейминга» А.С. Титловой и А.В. Моисеевой (УУНИТ, г. Уфа); и «Риторика современных англоязычных дебатов: поверхностные и скрытые смыслы» Д.В. Чихачевой (НИУ ВШЭ, Москва).

Модератором секции 5 «Проблемы перевода и межкультурной коммуникации» выступила канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН Мария Борисовна Раренко.

Совместный доклад Л.Л. Косташ и О.В. Афтенюк (ПГУ им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь) «Специфика перевода многокомпонентных терминов и аббревиатур металлургической сферы» ознакомил слушателей с различными подходами к переводу сложных терминов и аббревиатур, которые часто вызывают затруднения у переводчиков. Одним из основных методов перевода, описанных в данном докладе, является использование переводческих трансформаций и приемов, таких как добавление, конкретизация, подбор эквивалента, калькирование, экспликация, которые позволяют переводчику улучшить понимание сложных терминов и уменьшить количество ошибок в переводе.

Д.В. Маховиков (МГИМО, г. Одинцово Московской обл.) в своем докладе рассмотрел поэтический перевод через призму психопэтики. Автор отметил, что сам термин «психопэтика» понимается им в психолингвистическом ключе как психолингвистика стихотворной речи или, иначе, область психолингвистики, объектом которой являются психолингвистические особенности стиха. Особое внимание было уделено тому, как личностный смысл представлен в тексте, а также тому, как он структурируется в соответствии с эмоционально-смысловой доминантой. Эта доминанта является смыслообразующим фактором, способствует пониманию поэтического текста, активизирует процессы встречного речесмыслопорождения и, наконец, выступает в качестве структурообразующего фактора перевода.

Следующий совместный доклад секции был представлен Е.В. Никениной и А.Б. Зайцевым (Первый МГМУ им. И.М. Сеченова) и был посвящен проблеме выбора способа перевода и адекватного варианта проблемного термина при издании англоязычных кардиологических научных текстов на русском языке. Материалами исследования послужили научные издания кардиологического профиля, а результатом стал выбор наиболее адекватного перевода 25 проблемных кардиологических терминов. Было отмечено, что результаты исследования помогут медицинским переводчикам и редакторам в работе с англоязычными научными текстами в области кардиологии.

В докладе «Стратегии понимания и перевода при обучении межкультурной коммуникации» Н.П. Пешкова (УУНИТ, г. Уфа) представила экспериментальную методику изучения понимания иноязычного текста посредством его письменного перевода. Данная методика позволяет эксплицировать ряд операций, выполняемых адресатом, среди которых: декодирование языковой формы иноязычного текста; извлечение его содержания и постижение его смысла; перекодирование внешней формы иноязычного текста в новую языковую структуру, иными словами, адекватная передача содержания и смысла иноязычного текста средствами родного языка. Автор отметила, что выявление приведенных выше этапов и операций перевода позволяет эксплицировать определенные механизмы и стратегии, способствующие повышению эффективности переводческих практик и процесса обучения межкультурной коммуникации в целом.

Доклад М.Б. Раренко (ИНИОН РАН, Москва) «Переводческие практики в период глобализационных процессов» был посвящен вопросам машинного перевода. Автор отметила, что в настоящее время расширяются сферы использования машинного перевода, а историю машинного перевода с самого его зарождения и вплоть до настоящего времени можно рассматривать как вызов человеческой мысли и интеллекту. Было выделено четыре актуальных вида машинного перевода: во-первых, машинный перевод «по правилам» (англ. Rule-Based Machine Translation, RBMT), во-вторых, «статистический» машинный перевод (англ. Statistical Machine Translation, SMT), в-третьих, «гибридный» (англ. Hybrid Machine Translation, HMT), возникший на стыке перевода «по

правилам» и «статистического» перевода, и, в-четвертых, нейронный машинный перевод (англ. Neutral Machine Translation, NMT). Был сделан вывод о том, что тема машинного перевода будет всегда актуальной в силу ряда причин, одна из которых – желание человека познать границы невозможного.

М.В. Томская (МГЛУ, Москва) выступила с докладом «Вербально-жестовое поведение синхронистов при переводе имен числительных с немецкого языка на русский». Анализ, проведенный автором, показал, что при переводе имен числительных с немецкого на русский язык синхронисты прибегают к использованию жестов-самоадаптеров, прагматических жестов, а именно эмфатических, структурирующих дискурс, выражающих отношение и др., а в некоторых случаях к репрезентирующим жестам, демонстрирующим очерчивание, удержание, что не отклоняется от общих тенденций употребления жестов в речи при когнитивной нагрузке. В результате был сделан вывод о том, что для преодоления затруднений при переводе числительных с немецкого языка на русский переводчики используют ряд когнитивных операций, в том числе компрессию, генерализацию и опущение информации.

В рамках работы секции также были заслушаны доклады А.В. Дадыко (МГЛУ, Москва) «Устный перевод онлайн: особенности и трудности (на примере пары итальянский – русский)»; Е.В. Ефимова (МГИМО, Москва) «Проблемы перевода и межкультурной коммуникации в преподавании английского языка»; и М.А. Шананиной (РУДН, Москва) «Перевод культурных референтов с русского на испанский язык (на материале романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита”)».

Работу самой многочисленной секции 6 «Современные методы преподавания романских и германских языков» модерировала канд. пед. наук, заведующая кафедрой романо-германских языков МГТУ им. Н.Э. Баумана Кира Михайловна Иноземцева.

Доклад «Учет психолого-педагогических особенностей обучающихся в процессе обучения иноязычному говорению» И.И. Бурлаковой (АСУ, Москва) был посвящен тем проблемам, с которыми сталкиваются преподаватели при работе со студентами, приобретенными к современным цифровым технологиям. Был сделан вывод о том, что преподаватели должны быть подготовлены к обучению с использованием широкого спектра программного обеспечения,

оборудования, цифровых инструментов, технологических платформ и социальных сетей, особенно в процессе преподавания иностранных языков в контексте коммуникативного подхода.

А.Б. Бушев (ТГУ, г. Тверь) в докладе «Аутолингводидактика на современном этапе» отметил, что новейшие медиа вызвали к жизни новые форматы и жанры, для которых характерны мультикультурализм, трансграничность и транскодируемость. Доклад продемонстрировал потенциал ряда новых источников материала в методике на продвинутом этапе, связанных с новыми и новейшими медиа – сайты, блоги, видео с видеохостингов, подкасты. Был сделан вывод о том, что в связи с медиатизацией жизни тексты медиа должны войти в методику подготовки любого специалиста на продвинутом этапе обучения, давая возможность и профессионального, и общего языкового развития.

В совместном докладе А.С. Загребельной, С.Р. Серенко и Я.Д. Стыхиной (РУДН, Москва) «Проблемы, возникающие в процессе изучения и обучения романским и германским языкам» особое внимание было уделено культурным и социолингвистическим факторам, которые могут вызвать сложности при овладении тем или иным языком. Авторы отметили, что для преодоления этих проблем были разработаны различные стратегии и методики преподавания, которые фокусируются на коммуникации, погружении в языковую среду и использовании технологий, например, коммуникативный метод обучения, который акцентирует внимание на использовании языка для общения и взаимодействия, в то время как так называемые «программы погружения» позволяют ученикам погрузиться в языковую среду и культуру, чтобы упростить изучение языка.

Л.М. Закоян (Балтийская морская академия, Рига, Латвия) в докладе «Революционные обучающие системы: всестороннее исследование интеллектуальных технологий в сфере высшего образования» рассмотрела многочисленные виртуальные и неvirtуальные инструменты, задействованные сегодня в образовательном процессе. На основании проведенного исследования автор пришла к выводу о том, что необходимы более умные системы преподавания и обучения, чтобы преодолеть проблемы, с которыми сегодня сталкивается большинство высших учебных заведений, особенно в области дистанционного образования.

Доклад Н.А. Ивлиевой (СОШ №5, г. Старый Оскол) «Восприятие и понимание иноязычной речи на занятиях английского языка» был посвящен решению различных коммуникативных задач в процессе обучения иностранному языку. Была рассмотрена система аудитивных упражнений на занятиях по английскому языку, а также произведен поиск новых эффективных приемов и технологий, позволяющих сделать процесс обучения аудированию максимально понятным и увлекательным для учащихся. Проведенное исследование позволило убедиться в том, что регулярное включение заданий на аудирование в образовательный процесс может дать реальные результаты.

Н.Ш. Мирзоева (СПГУ, г. Сургут) выступила с докладом «Заимствования в профессиональной сфере как вспомогательное средство в процессе развития лексических навыков в средней школе». Автор отметила, что в настоящее время в условиях коренных изменений в системе образования возрастает роль использования профессиональных заимствований в образовательном процессе. Преподаватели используют профессиональные заимствования в обучении детей для развития лексических навыков, и особое внимание было уделено набирающим популярность заимствованиям из европейских языков.

Доклад А.Ф. Муллакаевой (Гимназия №75, г. Казань) был посвящён формированию иноязычных коммуникативных компетенций обучающихся с применением технологии проблемного обучения на уроках английского языка на ступени основного общего образования. Автор теоретически обосновала выбор проблемных методов и приемов в формировании иноязычных коммуникативных компетенций обучающихся, соответствующих решению поставленной учебной задачи, и разработала методические рекомендации по применению технологии проблемного обучения и ее приемов, направленных на активизацию речемыслительной деятельности обучающихся по формированию иноязычных коммуникативных компетенций.

Ю.А. Муравьев (РУДН, Москва) выступил с докладом «Взаимное обучение основным навыкам английского языка в цифровой образовательной среде». В докладе рассматривались промежуточные результаты методического эксперимента по внедрению взаимного обучения четырем основным навыкам английского языка в

цифровой образовательной среде (чтение, аудирование, письмо, говорение). В качестве языкового материала автором были использованы специально подобранные тексты классиков англо-американской литературы, отвечающие критериям повышенной грамматической сложности и лексической вариативности. В рамках методического эксперимента были проведены две сессии взаимной оценки по произведениям У. Шекспира и была получена положительная обратная связь от участников, у которых отмечался возросший интерес к аутентичному языковому материалу и которые принимали активное участие в сессиях взаимной оценки.

В докладе «Опыт классификации ошибок студентов-медиков в процессе изучения английского языка» О.В. Раздорская (КГМУ, г. Курск) классифицировала выявленные ошибки студентов разных факультетов медицинского вуза как интерференционные и стилистические. К интерференционным ошибкам автор отнесла фонетические, лексические и грамматические, из которых лексические оказались преобладающим типом. Опыт работы автора со студентами показал, что источником данного типа ошибок является применение электронных переводчиков, в особенности при переводе медицинской терминологии с русского на английский язык. В диалогах, составляемых на занятиях студентами-медиками, и представляющих собой имитацию профессионального общения медицинского работника и пациента, были преимущественно выявлены стилистические ошибки, такие как использование повелительного наклонения вместо безличных предложений в репликах врача.

А.Г. Смирнова (КГУ, г. Кемерово) представила доклад «Применение инструментария социальной сети ВКонтакте в процессе обучения немецкому языку со студентами языковых направлений вуза». Исследование автора проводилось в период с 2020 по 2022 г., когда для организации учебного процесса и проведения занятий по немецкому языку у студентов института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета использовалась социальная сеть ВКонтакте. Результаты, полученные автором в ходе работы и наблюдения за учебным процессом, позволяют с уверенностью говорить о том, что использование социальных сетей благотворно влияет на мотивацию студентов в процессе изучения иностранного языка.

Доклад Т.С. Орловой (СПбГУ, Санкт-Петербург) был посвящен рассмотрению видеоматериалов в жанре реалити-шоу в качестве современного метода преподавания иностранного языка студентам неязыковых вузов. Автор рассмотрела основные преимущества аутентичных видеоматериалов в жанре реалити-шоу и сделала выводы о том, что просмотр видео в данном жанре – эффективный способ вовлечь студентов в процесс обучения и мотивировать их практиковать навыки английского языка. Также было отмечено, что подобная практика позволяет студентам творческих специальностей не только развивать навыки владения английским языком, но и совершенствовать свои профессиональные умения.

В рамках работы последней секции были также заслушаны доклады «Motivation and Attitudes in the Direction of English Language Learning» Аллэс Сугандика Севванди (РУДН, Шри-Ланка); «Цифровые инструменты преподавания иностранных языков» К.М. Иноземцевой (МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва); «Podcasts as a language learning tool: a review» Г.С. Кхан (РУДН, Индия); «Искусственный интеллект в построении индивидуальной образовательной траектории студента» М.Г. Петровой (РУДН, Москва); «Социально-эмоциональное обучение как новая реальность в эпоху трансформации образования» А.Т. Поудел (РУДН, Москва); «Engaging Digital Learning Tools in English as a Second Language Teaching» Раджуб Гинд (РУДН, Сирия).

IN MEMORIAM

УДК 81-11

DOI: 10.31249/ling/2023.04.07

Васильева Н.В., Нестерова Н.М., Пешкова Н.П.¹

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ НОВИКОВ И ЕГО НАУЧНАЯ ШКОЛА

Аннотация. Статья посвящена научному наследию Анатолия Ивановича Новикова (1938–2003) – видного российского лингвиста и одного из основателей психолингвистики текста. Обсуждаются основные положения разработанной им теории смысла, лежащей в основе восприятия и понимания текста. Теория и проведенные по уникальной методике психолингвистические эксперименты открыли новое направление в изучении понимания текста и нашли последователей и продолжателей. В статье приводится обзор двух направлений школы А.И. Новикова, возглавляемых его учениками в Перми и Уфе. Исследования пермских лингвистов ориентированы на задачи формализации семантики текста с помощью современных компьютерных технологий и на психолингвистику перевода. Исследовательское внимание уфимских лингвистов направлено на моделирование процессов

¹© Васильева Н.В., Нестерова Н.М., Пешкова Н.П., 2023

Васильева Наталья Владимировна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник отдела прикладной лингвистики Института языкознания РАН; vasileva-natalia@iling-ran.ru

Нестерова Наталья Михайловна – д-р филол. наук, профессор, кафедра иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета; nest-nat@yandex.ru

Пешкова Наталья Петровна – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов Факультета романогерманской филологии Уфимского университета науки и технологий; peshkovanp@rambler.ru

понимания и разработку интегративной модели понимания текстов различных типов.

Ключевые слова: А.И. Новиков; психолингвистика текста; моделирование процесса понимания текста; смысл текста; содержание текста; психолингвистический эксперимент; «встречный текст».

Для цитирования: Васильева Н.В., Нестерова Н.М., Пешкова Н.П. Анатолий Иванович Новиков и его научная школа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 4. – С. 105–130. – DOI: 10.31249/ling/2023.04.07

VASILYEVA N.V., NESTEROVA N.M., PESHKOVA N.P.¹
ANATOLY IVANOVICH NOVIKOV AND THE NOVIKOV
SCHOOL OF THOUGHT

Abstract. The article is devoted to the scientific heritage of Anatoly Ivanovich Novikov (1938–2003), a prominent Russian linguist and one of the founders of text psycholinguistics. The main points of his theory of sense, which underlies the perception and understanding of the text, are discussed. The theory and the psycholinguistic experiments carried out according to his unique methodology started a new area in the study of text comprehension and found followers and successors. The article gives an overview of the main research directions of the Novikov School, led by his students in Perm and Ufa. The research of Perm linguists is focused on the tasks of text semantics formalisation with the help of modern computer technologies and on the psycholinguistics of translation. The research attention of Ufa linguists is focused on simulating text comprehension processes and constructing an integrative model of understanding different text-types.

Keywords: Anatoly I. Novikov; psycholinguistics of text; text comprehension modeling; text sense; text content; psycholinguistic experiment; denotative graph; “counter text”.

For citation: Vasilyeva N.V., Nesterova N.M., Peshkova N.P. Anatoly Ivanovich Novikov and the Novikov School of thought. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Ote-*

¹© Vasilyeva N.V., Nesterova N.M., Peshkova N.P., 2023 *Vasilyeva Natalia Vladimirovna* – Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher of the Department of Applied Linguistics, Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences; vasilyeva-natalia@iling-ran.ru

Nesterova Natalya Mikhailovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russia); nest-nat@yandex.ru

Peshkova Natalya Petrovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Foreign Languages Department for Natural Science Faculties, Faculty of Romance and German Philology, Ufa University of Science and Technology; peshkovanp@rambler.ru

chestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2023. N 4. Pp. 105–130. DOI: 10.31249/ling/2023.04.07

Имя Анатолия Ивановича Новикова (1938–2003) в лингвистике связано с совершенно новым направлением в исследовании семантики текста. В 1983 г. вышла в свет его монография «Семантика текста и ее формализация», быстро ставшая библиографической редкостью. Эта книга сыграла большую роль в формировании научной школы, которую сейчас называют Школой А.И. Новикова.

Проблема моделирования процесса понимания текста занимала Анатолия Ивановича очень давно. Уже в кандидатской диссертации «Алгоритмическая модель смыслового преобразования текста», выполненной под руководством Николая Ивановича Жинкина и защищенной по специальности «Психология» в 1972 г., А.И. Новиков предложил возможные подходы к решению этой проблемы, которые затем были основательно разработаны в докторской диссертации «Структура содержания текста и возможности ее формализации». И диссертация, и названная выше монография были посвящены определению и способам эксплицитного представления содержания текста, которое было определено ученым как мыслительное образование, формирующееся в результате восприятия и понимания конкретного текста и соответствующее некоторой динамической модели определенного фрагмента действительности [Новиков, 1983]. Такое понимание содержания текста позволило А.И. Новикову сделать следующие выводы: 1) структура содержания текста не сводится к его логико-композиционному плану, а определяется логикой предметных отношений; 2) единицы содержания не тождественны единицам языка. Им соответствуют конкретные и целостные представления о том, что стоит за тем или иным языковым выражением в сфере реалий. Это дает основание называть такие единицы содержания денотатами, а соответствующие им языковые выражения – именами денотатов.

Уже самое первое определение понятия «содержание текста», данное ученым, заключало в себе возможность рассмотрения «смысла» и «содержания» как явлений, различающихся по ряду признаков. А.И. Новиков полагал, что понимание – это «сложный

интеллектуальный процесс, который не заканчивается на уровне “переработки” текста. Он продолжается дальше на уровне мышления, в результате чего непосредственный результат понимания данного текста, возбуждая различные связи и отношения, “обрастает” дополнительными компонентами не только познавательного, но и эмоционального, субъективного, прагматического характера» [Новиков, 1983, с. 33].

Таким образом, если под содержанием понимается мыслительное образование, соответствующее непосредственному результату понимания, существующее в виде информации, возбуждаемой в интеллекте непосредственно под воздействием совокупности языковых средств текста, а также дополнительной информации, привлекаемой для его понимания, то эмоциональные, оценочные и прагматические компоненты, сопровождающие процесс понимания и осмысления речевого произведения, принадлежат смыслу. «В связи с этим смысл текста в таком понимании, – писал А.И. Новиков, – предстает как достаточно обширная и недифференцированная область сферы мышления, которую трудно локализовать, а следовательно, и определить его структуру» [Новиков, 1983, с. 33].

Позднее размышления ученого были связаны именно со смыслом, с поисками его определения. Первое, что было сделано, – это принципиальное «разделение» понятий содержания и смысла текста, для чего было проведено исследование о соотношении этих двух семантических составляющих в различных типах текстов и была опубликована первая статья на эту тему «Содержание и смысл текста» [Новиков, 1999]. За ней последовал целый ряд публикаций, темой которых стал уже СМЫСЛ. Этот период в научном творчестве А.И. Новикова можно метафорически назвать периодом «поиска смысла». Сам ученый писал: «Смысл относится к тем загадочным явлениям, которые считаются как бы общеизвестными, поскольку постоянно фигурируют как в научном, так и быденном общении. Но на самом деле он не только не имеет сколько-нибудь строгого общепринятого определения, но и на описательном уровне существует большой разброс суждений о том, что это такое» [Новиков, 1999, с. 68]. А.И. Новиков поставил перед собой задачу дать релевантное определение понятию «смысл текста» и найти точный (количественный) метод его представления. Начинается этап интенсивных экспериментальных исследований и теоретиче-

ского осмысления полученных результатов. Постепенно формируется строгая теория смысла. Эта теория и должна была быть изложена в монографии, над которой А.И. Новиков работал в последние дни своей жизни. Но судьба распорядилась иначе: монография осталась незаконченной. Она стала своего рода «научным завещанием» ученого, жизнь которого оборвалась в 2003 г. на творческом взлете. Эта недописанная книга свидетельствует о том, как много потеряла с уходом А.И. Новикова лингвистика текста, точнее, та ее область, которую сам ученый называл «психолингвистикой текста».

Сотрудники сектора прикладного языкознания, которым руководил Анатолий Иванович, и его бывшие и настоящие аспиранты знали, что он очень увлеченно работал над монографией «про смысл». Он постоянно делился своими размышлениями и идеями, привлекал многих для непосредственного участия в своих экспериментах в качестве испытуемых и все время писал. Заглавие «Текст и его смысловые доминанты», которое А.И. Новиков дал в самом начале работы над книгой, много для него значило. Под этим названием книга вышла в свет в 2007 г., подготовленная редакторским коллективом, в который вошли первая аспирантка А.И. Новикова Наталья Михайловна Нестерова, его другая аспирантка Наталья Петровна Пешкова, а также Наталия Владимировна Васильева – сотрудница сектора прикладного языкознания, которым девять лет руководил ученый в Институте языкознания РАН. Это действительно научное завещание ученого. Данная монография содержит много идей, которые можно и нужно разрабатывать. Примером может быть одна из таких идей, которая связана с принципом доминанты А.А. Ухтомского. Обратившись к учению выдающегося отечественного физиолога, А.И. Новиков сформировал новый взгляд на процесс смыслообразования. Так, А.А. Ухтомский считал, что «в высших этажах и в коре полушарий принцип доминанты является физиологической основой акта внимания и предметного мышления» [Ухтомский, 2002, с. 46]. А.И. Новиков, исходя из определения доминанты как «временно господствующего очага возбуждения в центральной нервной системе, способного оказывать тормозящее влияние на другие его участки» [Ухтомский, 2002, с. 46], предположил, что интегративным признаком смысла может служить явление, в чем-то аналогичное явлению доминантности. После проведения экспериментальных исследований с

применением методики так называемого «встречного текста» он делает вывод: «Доминанта, возникая в сознании, стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство. Нахождение таких доминант, возможно, и есть переход на смысловой код, который непосредственно не наблюдаем, но осознается как таковой всеми» [Новиков, 2007, с. 56].

Анатолий Иванович Новиков как ученый совмещал в себе очень тонкого теоретика и блестящего экспериментатора. Проведенные им эксперименты открыли новое направление в изучении понимания текста и нашли последователей и продолжателей, которые стали называть себя «школой А.И. Новикова». Впервые словосочетание «новиковская школа» появилось в 2004 г. в предисловии ко второму выпуску сборника «Проблемы прикладной лингвистики», изданному отделом прикладного языкознания и посвященному памяти Анатолия Ивановича Новикова [Васильева, 2004, с. 7]. Известно, что понятие «школа» предполагает наличие Учителя и учеников. Так сложилось, что учениками А.И. Новикова стали не москвичи, а аспиранты, приехавшие в Институт языкознания из Перми и Уфы. Может быть, это и не совсем случайность, ведь Анатолий Иванович родился на Пермской земле. Позднее, в 2009 г., в журнале «Вопросы психолингвистики» словосочетание «Школа А.И. Новикова» уже закрепилось как направление, и были обозначены две ветви названной школы – уфимская и пермская [Нестерова, Пешкова, 2009]. В настоящее время мы можем говорить уже о «научных внуках» Анатолия Ивановича – учениках его учеников, которые достойно продолжают и развивают в своих работах идеи ученого и находят новые решения.

Школа А.И. Новикова: пермское направление

Пермское «отделение» школы сформировалось в 80-е годы прошлого столетия. Связано его появление с имевшимся тогда контактом кафедры иностранных языков Пермского политехнического института (сегодня это Пермский национальный исследовательский политехнический университет – ПНИПУ) с Институтом языкознания АН СССР, где ряд преподавателей кафедры проходили обучение в аспирантуре. Трое из них были аспирантами Анато-

лия Ивановича Новикова – Наталья Михайловна Нестерова, Татьяна Владимировна Вшивкова и Тамара Викторовна Старцева. Все три пермских исследования, выполненные под руководством А.И. Новикова, были реализацией идей ученого, разрабатывавшего в то время проблему формализованного представления семантики текста, подход к решению которой был представлен им в монографии [Новиков, 1983]. Ученым была детально проработана методика денотативного анализа текста и визуального (графового) представления результата такого анализа. Эта методика легла в основу диссертационных исследований его пермских аспирантов: «Реферативный перевод как смысловое свертывание текста» [Нестерова, 1985], «Антиципация в процессе понимания текста» [Вшивкова, 1987], «Когнитивные аспекты текста» [Старцева, 1989]. Как видно из формулировок диссертационных тем, во всех работах главной проблемой, их объединяющей, была проблема **понимания** текста, ее разные аспекты. Так, первое исследование было посвящено смысловому свертыванию текста в процессе реферативного перевода. Целью такого перевода является представление основного содержания исходного текста, невозможное без глубокого понимания первичного текста. Позднее на материале этого исследования была написана монография в соавторстве с А.И. Новиковым «Реферативный перевод научно-технических текстов» [Новиков, Нестерова, 1991].

Во второй пермской диссертации анализировался механизм антиципации и его роль в понимании текста. Третья диссертационная работа представляла собой исследование стратегий ориентировки в смысловой структуре текста. Все три работы носили экспериментальный характер. Освоенная методика денотативного анализа была внедрена в учебный процесс, она стала активно использоваться преподавателями кафедры для обучения чтению и пониманию иноязычных текстов. В дальнейшем в Перми будет выполнен ряд исследований, в которых денотатный граф используется как средство визуализации структуры содержания текста. Кроме уже названных выше диссертационных работ, были проведены и другие исследования, также с опорой на теорию текста А.И. Новикова. Это диссертации А.М. Маркаряна «Особенности идентификации лексических единиц в процессе восприятия научного текста: пресуппозиционная составляющая» [Маркарян, 2007]

и Н.А. Герте «Денотативная модель реферативного специализированного перевода» [Герте, 2016]. Обе были выполнены под руководством Н.М. Нестеровой.

Совместно с А.И. Новиковым и с привлечением пермских ИТ-специалистов была оформлена заявка на грант РГНФ, которая была одобрена, затем был получен грант РФФИ. Так началась работа по реализации идеи А.И. Новикова о возможной компьютерной формализации семантики текста на основе предложенного им алгоритма, и возникает пермский проект создания автоматизированной системы выделения содержания текста для решения таких задач, как автоматическое индексирование, аннотирование, реферирование и машинный перевод.

Первым шагом в данном направлении стал алгоритм представления содержания текста в машиночитаемой форме и машинное построение графа, что было использовано в названном выше диссертационном исследовании Наталии Александровны Герте. В этой работе, которая явилась продолжением исследования смыслового свертывания в процессе реферирования, использовались и сравнивались уже два способа построения денотатных графов – ручной и машинный. Конкретизирована была и тема исследования, рассматривался **специализированный** реферативный перевод, предполагающий порождение текста реферата с ориентацией на определенную категорию специалистов. Использование денотатного графа для визуализации содержания исходного текста позволило объективно выделить соответствующие фрагменты графа для последующего отражения их в специализированных рефератах.

В настоящее время этот же метод денотативного анализа используется в разработках систем автоматизированного реферирования, автоматического выделения ключевых слов и других задач, связанных с обработкой текста на естественном языке. Исследования ведутся на базе Центра робототехники ПНИПУ, в них принимают участие как специалисты в области информационных технологий, так и лингвисты. Руководителем этих разработок является кандидат технических наук Д.С. Курушин, доцент кафедры информационных технологий и автоматизированных систем, который был знаком с Анатолием Ивановичем Новиковым и его теорией текста, они неоднократно встречались и обсуждали перспективы компьютерной реализации денотативного анализа. Тем, кто знал

А.И. Новикова, работал и общался с ним, хорошо известно, что он постоянно думал о возможности компьютерной формализации семантики текста и связанной с ней проблеме моделирования процесса понимания в автоматических системах. Он не раз подчеркивал, что одной из актуальнейших задач современной теории текста является разработка лингвистического обеспечения различного рода автоматических и автоматизированных систем поиска информации, перевода, реферирования, автоматизированного управления, а все эти задачи связаны с разработкой искусственного интеллекта [Новиков, 2007, с. 81]. Для таких разработок необходимо моделирование понимания текстов, созданных на естественном языке. Другими словами, нужно каким-то образом решить вопрос «компьютерного понимания». Если исходить из данных А.И. Новиковым определений содержания и смысла как двух результатов понимания текста (известно, что он определял содержание текста как проекцию текста на сознание, а смысл – как обратную проекцию сознания на текст), то в случае компьютерного понимания можно метафорически говорить о проекции содержания текста на «сознание» компьютера. Эту часть процесса понимания, т.е. задачу на понимание содержания, Новиков считал в перспективе реализуемой, для чего им и был разработан детальный алгоритм перехода от внешней языковой формы текста к его денотатной структуре, средством визуализации которой и был выбран граф. Предложенный А.И. Новиковым алгоритм стал «точкой отсчета» для пермских исследователей, пытающихся автоматизировать процесс выделения содержания предъявляемого текста на естественном языке (вне зависимости от конкретного языка) и создать такую форму представления содержания текста, которая являлась бы как машиночитаемой, так и человекочитаемой. В данный момент эти исследования активно ведутся, в них принимают участие студенты (бакалавры и магистранты), обучающиеся на специальностях «Лингвистика» и «Информационные технологии». Пример компьютерного анализа текста с применением алгоритма, разработанного А.И. Новиковым, представлен в монографии «Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021)» в разделе 5.3.3. Текст и его смысл (психолингвистические исследования в русле школы А.И. Новикова).

Параллельно с разработкой компьютерных методов анализа текста на естественном языке в Перми ведутся исследования, основанные на теории смысла ученого. Как мы уже писали в начале статьи, в последних своих работах А.И. Новиков обратился к феномену смысла. Итоги его размышлений о природе смысла и многочисленных проведенных им экспериментов, направленных на выяснение механизмов формирования смысла в процессе восприятия текста, собраны в монографии [Новиков, 2007], изданной учениками. Основываясь на теории смысла А.И. Новикова, пермские лингвисты начали исследовать проблему понимания иноязычного текста и порождения текста перевода как текста вторичного. Была защищена докторская диссертация, тема которой «Вторичность как онтологическое свойство перевода» была сформулирована А.И. Новиковым, выступившим в роли научного консультанта [Нестерова, 2005]. В отличие от Уфимского направления в Перми в фокусе внимания находится именно **перевод**, что связано с тем, что своеобразным центром «новиковской школы» стала кафедра иностранных языков, которая в настоящее время является выпускающей и готовит переводчиков (кафедра иностранных языков, лингвистики и перевода). А.И. Новиков неоднократно приезжал в Пермь и проводил встречи с преподавателями кафедры. В настоящее время можно говорить, что на кафедре сложилось два исследовательских направления, так или иначе связанных с теорией текста А.И. Новикова, – психолингвистическое и психолого-педагогическое, возглавляемое профессором Тамарой Сергеевной Серовой.

Психолингвистические экспериментальные исследования, проводимые сегодня в Перми, направлены на изучение проблемы понимания иноязычного текста (оригинала) в процессе перевода, в том числе и на выявление роли **доминанты** при восприятии иноязычного текста, для чего используется, как и в Уфимской школе, методика встречного текста, ср. [Нестерова, Котельникова, Поздеева, 2017]. Определение смысла, данное А.И. Новиковым, позволяет по-новому взглянуть на аксиому, принятую в науке о переводе и гласящую, что переводить нужно смысл: *Non verbum de verbo, sed sensum exprimere de sensu*. Возникает закономерный вопрос: какой (или чей) смысл? Вот на этот вопрос и пытаются ответить достаточно масштабные экспериментальные исследования, проводимые с привлечением, с одной стороны, большого количества

участников, представляющих различные профессиональные группы, а с другой – с использованием различных типов текстов (художественных, научных, публицистических, научно-популярных). Цель такого типа экспериментов – выявить как общие для определенной группы реципиентов доминанты, так и индивидуальные, возникающие в процессе восприятия текста на иностранном языке. Такие эксперименты дают возможность «увидеть» процесс смыслообразования, который находит отражение в порождаемых «встречных текстах», представляющих собой вербализованные реакции на «стимульные» текстовые фрагменты. Сравнение реакций разных групп реципиентов и реакций на разные тексты позволяет наблюдать, как происходит проецирование сознания на воспринимаемый фрагмент, т.е. как, по выражению Г.-Х. Гадамера, на него «набрасывается» смысл, и как он постепенно трансформируется. Другими словами, «встречные тексты» позволяют «приоткрыть завесу» над невидимым, над тем, что непосредственно наблюдать нельзя. Кроме того, такие тексты отражают, с одной стороны, степень интерпретируемости различных текстов, а с другой – когнитивный опыт реципиентов. Имеющиеся на сегодня результаты представлены в ряде публикаций, основные из них приведены в списке литературы.

Дальнейшие исследования в изучении смысла как явления и как объекта перевода будут направлены на изучение механизмов формирования замысла текста перевода. Планируется исследовать, насколько «встречные тексты» можно считать тем смыслом, который находит отражение в текстах переводов. В области разработки систем, позволяющих формализовать алгоритм, предложенный А.И. Новиковым, планируется решение следующих задач: 1) установление имен отношений в денотатном графе, 2) повышение точности работы алгоритма, 3) накопление базы знаний о различных предметных областях, т.к. в настоящее время алгоритм «нарабатывает» эту базу заново для каждого текста.

Таким образом, можно сказать, что в пермском «отделении» Школы А.И. Новикова исследования ведутся в двух направлениях, инициированных идеями ученого, – «формализация семантики текста» и «психолингвистика перевода».

**Уфимское направление Школы А.И. Новикова:
интегративная модель понимания
текстов различных типов**

Уфимское направление Школы А.И. Новикова ведет свою историю с конца 80-х годов XX в. За более чем тридцатилетний период его представители осуществили ряд научных разработок в русле психолингвистики текста, воплотившихся в успешно защищенных диссертациях и опубликованных монографиях, в научных статьях и учебных пособиях.

В 1987 г. в Институте языкознания АН СССР первый аспирант из Уфы Н.П. Пешкова защищает кандидатскую диссертацию, выполненную под руководством А.И. Новикова и посвященную изучению характеристик различных типов текстов, составляющих основания для их классификации. Теоретической основой исследования становится метод денотативного анализа текста: новая, на тот момент, технология построения денотатного графа А.И. Новикова используется как практический инструмент экспликации глубинных, принадлежащих структуре содержания характеристик различных типов текста [Пешкова, 1987].

Типологическое исследование текста, начавшееся с разработки классификационной схемы, основанной на лингвистических характеристиках и психолингвистических, глубинных свойствах текста, которые составляют его содержательно-смысловую организацию, завершилось в 2002 г. публикацией монографии «Типология научного текста: психолингвистический аспект» [Пешкова, 2002a] и защитой докторской диссертации [Пешкова, 2002б], научным консультантом которой выступал А.И. Новиков. Теоретическая значимость текстовых характеристик, выявленных в исследовании и положенных в основу типологических моделей, получила экспериментальное подтверждение валидности на всех уровнях «жизненного цикла» текста, представленного автором в виде схемы: «порождение – текст – понимание» или «замысел – текст – смысл» [Пешкова, 2002a].

Следующим вкладом уфимских исследователей в развитие теории текста и его смысла А.И. Новикова стала кандидатская диссертация Н.Л. Сунцовой «Лингвистическая модель порождения вторичного текста» [Сунцова, 1995], выполненная в Институте

языкознания РАН под руководством А.И. Новикова в 1995 г. Теоретическую базу данного исследования составил также денотативный метод анализа текста, подтвердив в очередной раз на практике свою эффективность как технологии проникновения в глубинные психолингвистические структуры внутренней организации семантики целого речевого произведения.

В 2001 г. в Институте языкознания РАН еще один представитель уфимского направления Школы А.И. Новикова, И.В. Богословская, защищает под его руководством кандидатскую диссертацию. Используя разработанный А.И. Новиковым алгоритм имплицитной информации, И.В. Богословская строит модель сложности понимания научно-популярного текста с опорой на соотношение в нем эксплицитной и имплицитной информации [Богословская, 2001].

С конца 90-х и вплоть до своего ухода из жизни в 2003 г. Анатолий Иванович Новиков занимался «поисками смысла» текста, в шутку называя себя «смысловиком». С присущей ему щедростью и бескорыстием он делился с учениками своими идеями, многие из которых, как сейчас видится, опережали свое время. Сегодня можно с сожалением констатировать, что не всем из них суждено было осуществиться в полной мере при его жизни. Тем не менее научное наследие ученого перешло к новой генерации исследователей.

С начала 2000-х и по настоящее время в Уфе ведутся разработки в русле психолингвистики текста учеными следующего научного поколения под руководством первой уфимской ученицы А.И. Новикова Н.П. Пешковой. В 2004 г. в Башкирском государственном университете защищаются две кандидатские диссертации, каждая из которых вносит свой вклад в развитие теории текста и смысла А.И. Новикова и, одновременно, в психолингвистическую типологию текста Н.П. Пешковой. Работа Г.Х. Даутовой «Когнитивная модель типологического анализа текста делового письма (на материале русского и английского языков)» стала реализацией принципов текстотипологической модели Н.П. Пешковой с опорой на теорию текста А.И. Новикова [Даутова, 2004].

Последовательным продолжением и развитием идей психолингвистики текста А.И. Новикова, связанных с изучением механизмов формирования содержания и смысла текста как принципи-

ально различных явлений, а также с использованием типологических характеристик текста, выявленных Н.П. Пешковой, стала диссертационная работа Н.В. Матвеевой «Механизмы формирования смысла и содержания текста в процессе его понимания (на материале анализа вторичных письменных текстов школьников 12–16 лет)» [Матвеева, 2004].

Два исследования выполнены в русле уфимского направления Школы А.И. Новикова под руководством Н.П. Пешковой на материале нескольких языков и носят сравнительно-сопоставительный характер. Одно из них – диссертационная работа Г.В. Вахитовой «Способы передачи внутренней экспрессивности текста (на материале юридической литературы на русском и английском языках)». В диссертации исследователь успешно сочетает использование метода денотативного анализа текста с методом ассоциативного эксперимента [Вахитова, 2007]. В этой работе находит подтверждение еще один тезис А.И. Новикова об особенностях функционирования смысла как обширной, недифференцированной области сферы мышления [Новиков, 1999; Новиков, 2003].

Особенности понимания иноязычного текста в русле психолингвистики текста А.И. Новикова исследуются и в диссертации А.А. Авакян (Шияповой) «Механизмы и стратегии понимания и перевода иноязычного текста (на материале анализа вариантов перевода научно-популярного текста на английском языке)» [Авакян, 2008]. Представляет интерес гипотеза о механизмах «расширения», «сужения» и «перечеркивания» авторского смысла текста, действующих в процессе осмысления иноязычного сообщения, разработанная А.А. Авакян под руководством Н.П. Пешковой и получившая экспериментальное подтверждение в диссертации.

На протяжении последних 20 лет уфимская группа исследователей под научным руководством Н.П. Пешковой занимается разработкой интерактивной модели понимания текстов различных типов на основе метода «встречного текста» А.И. Новикова [Новиков, 2003]. В июне 2003 г. уфимская группа исследователей получила предложение от Анатолия Ивановича о сотрудничестве в области экспериментальных исследований с использованием метода «встречного текста» на материале различных типов речевых произведений и с привлечением региональной аудитории испытуемых.

Начало новому уфимскому проекту в русле Школы А.И. Новикова было положено в 2004 г., а его первые результаты представлены в диссертационном исследовании И.В. Кирсановой «Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания» [Кирсанова, 2007].

Сравнительный анализ результатов, полученных И.В. Кирсановой на материале научно-популярного текста, а также данных, приведенных в работах А.И. Новикова с использованием художественного текста [Новиков, 2003] и Н.П. Пешковой с привлечением текста научного [Пешкова, 2006], позволил высказать предположения относительно разработки общей и частных интерактивных моделей понимания текстов различных типов.

Авторы монографии «Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода» приходят к выводу, что общая модель понимания текста любого типа представляет собой достаточно устойчивую комбинацию реакций смыслового и содержательного типа, входящих в ядро и периферийную часть общего поля реакций «встречных текстов» реципиентов. Что касается частных моделей понимания текстов, художественных, научных, научно-популярных, медийных, библейских и др., то они входят в общую модель, отличаясь друг от друга как составом ядра, включающего доминирующие виды реакций, так и компонентами периферийной части, сопровождающей ядро [Пешкова, Авакян, Кирсанова, Рыбка, 2010].

Данное предположение подтвердили дальнейшие экспериментальные работы исследователей уфимской группы, осуществленные на материале различных типов текстов, выступающих в качестве объекта понимания. Так, для ядра модели понимания текста Библии, изучением которого занималась Я.А. Давлетова, характерно преобладание реакций «оценки» (18,6%), «мнения» (17,1%), «генерализации» (11,8%), «констатации» (11,3%) и «компликативной» реакции (11,1%) [Давлетова, 2012].

В диссертационном исследовании А.В. Моисеевой, осуществленном на материале глянцевого журналов, доминирующими видами реакций, составляющих ядро модели понимания вербальных и поликодовых текстов, оказались также оценочные реакции 31,1% и 29,8% соответственно; отличие составили реакции пере-

фразирования 12,4% и 16,6%; ассоциации 12,8% (только для вербальных); и перевода 14,9% (только для поликодовых).

Сравнительный количественный и качественный анализ реакций, проведенных исследователями, выявил следующую закономерность. Содержательные и смысловые реакции, составляющие стратегии, лежащие в основе модели понимания различных типов текста, могут находиться либо в состоянии равновесия, что характерно для понимания такого, например, типа текста, как научно-популярный, либо в отношениях доминирования содержательных / смысловых реакций, присущего процессам понимания большинства типов текста. Данное наблюдение подтверждает предположение о значимости типа текста в аспекте его восприятия и понимания.

Два исследования в рамках обсуждаемого проекта на сегодня осуществлялось на материале интернет-коммуникации. Диссертационная работа А.С. Титловой посвящена изучению особенностей восприятия интернет-текстов с целью разработки локальной модели их понимания [Титлова, 2018]. В данном исследовании, выполненном в русле уфимского направления Школы А.И. Новикова, впервые не проводился эксперимент как таковой. Материалом для изучения в данной работе стали комментарии пользователей микроблогов, представляющие собой «встречные тексты», порождаемые не по правилам эксперимента, а в условиях естественной интернет-коммуникации. При этом, как показал анализ, все они представляют собой те же самые виды реакций, что и выявленные и описанные в оригинальной методике А.И. Новикова.

Вторая диссертация, выполненная Н.С. Ибатуллиной под руководством Н.П. Пешковой на материале интернет-текстов юридического содержания на английском языке и интернет-комментариев к данным сообщениям, имеет своей целью изучение специфики понимания и интерпретации культурных ценностей, общих и частных, адресатом-непрофессионалом в области юриспруденции [Ибатуллина, 2022]. Автору удалось показать, что в интернет-коммуникации специфика понимания юридического текста заключается в преобладании во «встречном тексте» адресатов также реакций оценки, оценочного мнения и дополнительно реакций побуждения. Анализ интернет-комментария как разновидности «встречного текста» адресата, отражающего базовые ценности

индивидуума, лежащие в основе его национальной ментальности, позволяет исследователю выявить специфику языкового сознания как индивидуума, так и социума в целом. Исследование Н.С. Ибатуллиной открывает новые возможности метода «встречного текста», связанные с изучением языкового сознания индивидуума и социума, которому он принадлежит.

Свой вклад в построение интерактивной модели понимания текста внесли диссертационные работы представителей уфимского направления, затрагивающие разнообразные аспекты восприятия и интерпретации информации. Так, предмет изучения одной из них составила вторичность как онтологическая характеристика текста, исследуемая на материале различных видов текстов учебного курса [Яхиббаева, 2009]. Другая была посвящена экспериментальному изучению соотношения эксплицитной и имплицитной информации в процессе понимания научно-популярных текстов [Анохина, 2010].

Диссертационное исследование И.Х. Миграновой затрагивает еще один аспект процесса понимания, а именно гендерные особенности восприятия и интерпретации текста. Следуя теории текста и его смысла А.И. Новикова, И.Х. Мигранова показывает, как в процессах понимания действует смысловой гендерный компонент, обуславливая гендерные ожидания адресата, представляющие собой смысловую проекцию его гендерно-ориентированного сознания на содержание и смысл информации. Автор диссертации приходит к выводу о том, что имеются все основания для включения гендерного компонента в модель понимания текста, разрабатываемую на основе метода «встречного текста» [Мигранова, 2017].

Два монографических исследования (2017–2018) коллектива авторов уфимского направления Школы А.И. Новикова были посвящены изучению воздействующего потенциала текстов различных типов [Пешкова и др. 2017], а также проблемам вербального конфликта; среди них – факторы, способствующие его возникновению, особенности развертывания конфликта, технологии выявления склонности коммуникантов к конфликтогенности, разрабатываемые с опорой на метод «встречного текста» [Пешкова и др., 2018]. На сегодня определенным завершением в изучении данных проблем уфимской группой стала диссертация Д.Р. Гилязовой, использующая в качестве инструмента исследования метод «встреч-

ного текста» А.И. Новикова и текстотипологическую модель Н.П. Пешковой [Гилязова, 2022].

Диссертация Д.Р. Гилязовой посвящена изучению проблем восприятия и понимания сообщений масс-медиа с точки зрения их воздействия на языковое сознание адресата, при этом особое внимание в диссертационном исследовании уделяется изучению специфики восприятия и интерпретации медийной информации реципиентом, имеющим потенциальную склонность к конфликтам и агрессии. Разработанная автором модель конфликтности медиатекста вносит вклад не только в общий проект уфимского направления Школы А.И. Новикова, затрагивая еще один аспект проблем понимания, но и в современную теорию лингвоконфликтологии, приобретающую особую актуальность в условиях современной коммуникации. Отметим в заключение, что интерактивная модель понимания различных типов текстов, основанная на методе «встречного текста» А.И. Новикова, разрабатываемая уфимским направлением его школы, является открытой системой и имеет перспективы для дальнейшего развития.

Такой системой является и все научное наследие А.И. Новикова, открывшего новую страницу в представлении о феномене текста. Предложенная ученым психолингвистическая теория текста, включающая в себя и теорию смысла, задает ориентиры для дальнейшего изучения механизмов понимания текста и формализации этого «скрытого» процесса. Идеи А.И. Новикова – это стимул для нового поколения исследователей – лингвистов и ИТ-специалистов, желающих приблизиться к разгадке феномена понимания.

Список литературы

- Авакян А.А.* Механизмы и стратегии понимания и перевода иноязычного текста (на материале анализа вариантов перевода научно-популярного текста на английском языке) : дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2008. – 195 с.
- Анохина Н.В.* Имплицитность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания : дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2010. – 197 с.
- Баринова И.А., Нестерова Н.М.* Смысл как философская проблема: переводческий аспект // Проблемы теории, практики и дидактики перевода : сб. науч. трудов. – Нижний Новгород : Изд-во НГЛУ, 2019. – Вып. 22.– С. 98–106.

- Бобков С.А., Курушин Д.С., Перевалов А.М.* и др. Применение методов лингвистической антиципации для повышения качества распознавания речи в роботехнических системах // *Электротехника*. – 2020. – № 11. – С. 22–25.
- Богословская И.В.* Научно-популярный текст: сложность понимания: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2001. – 192 с.
- Васильева Н.В.* Предисловие // *Scripta linguisticae applicatae: проблемы прикладной лингвистики*. – Москва : Азбуковник, 2004. – Вып. 2 / отв. ред. Н.В. Васильева. – С. 3–7.
- Вахитова Г.В.* Способы передачи внутренней экспрессивности текста (на материале юридической литературы на русском и английском языках) : дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 193 с.
- Вербальная коммуникация: контакты и конфликты : монография / Пешкова Н.П., Анищенко А.А., Гилязова Д.Р., Титлова А.С. ; под ред. Н.П. Пешковой. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. – 212 с.
- Вишкова Т.В.* Антиципация в процессе понимания текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1987. – 17 с.
- Герте Н.А.* Денотативная модель реферативного специализированного перевода : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2016. – 19 с.
- Гилязова Д.Р.* Исследование конфликтного потенциала медийного текста (на материале текстов масс-медиа и интернет-текстов) : дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2022. – 197 с.
- Давлетова Я.А.* Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов : дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2012. – 194 с.
- Даутова Г.Х.* Когнитивная модель типологического анализа текста делового письма (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – 247 с.
- Ерискина Е.В., Курушин Д.С.* К вопросу о возможности создания автоматизированной системы поиска денотатов и реферирования // *Математика и междисциплинарные исследования – 2017 : материалы Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых с междунар. участием*. – Пермь : Издат. центр ПГНИУ, 2017. – С. 79–84.
- Заводникова Е.Л., Нестерова Н.М.* Принцип герменевтического круга в философии и переводоведении // *Проблемы языкознания и педагогики*. – 2020. – № 4. – С. 20–29.
- Ибатуллина Н.С.* Ценностный аспект в английском юридическом дискурсе (на материале комментариев интернет-коммуникации) : дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2022. – 186 с.
- Кирсанова И.В.* Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания : дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 194 с.
- Котельникова А.Н.* Две стратегии понимания // *Проблемы языкознания и педагогики*. – 2020. – № 4. – С. 71–78.
- Котельникова А.Н.* О проблеме изучения механизмов восприятия и понимания иноязычных текстов: психолингвистический аспект // *Вестник Череповецкого государственного университета*. – 2021. – № 4(103) : Технические науки. Филологические науки. Педагогические науки. – С. 43–53.

- Курушин Д.С., Леонов Е.Р., Соболева О.В. О возможном подходе к автоматическому построению денотатного графа гипертекста // Информационная структура текста : сб. статей. – Москва : Амирит, 2018. – С. 113–118.
- Курушин Д.С., Нестерова Н.М., Чович Л.И. Проблемы и перспективы применения информационных технологий для формализованного представления содержания текста // XIII medunaroni naucno-strucni skup Informacione tehnologije za e-obrazovanje. ПЕО [Electronic resource] : zbornik radova : proceedings, 2425. 9. 2021, Banja Luka / Panevropski univerzitet Apeiron. – Banja Luka : Panevropski univerzitet Apeiron, 2021. – С. 81–86.
- Маркарян А.М. Особенности идентификации лексических единиц в процессе восприятия научного текста: пресуппозиционная составляющая : дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 218 с.
- Матвеева Н.В. Механизмы формирования смысла и содержания текста в процессе его понимания (на материале анализа вторичных письменных текстов школьников 12–16 лет) : дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – 217 с.
- Мигранова И.Х. Исследование гендерных особенностей восприятия текста (на материале научной литературы) : дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2017. – 189 с.
- Моисеева А.В. Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала : дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2017. – 242 с.
- Нестерова Н.М. Вторичность как онтологическое свойство перевода : дис. ... д-ра филол. наук. – Пермь, 2005. – 368 с.
- Нестерова Н.М. Текст и его проекции: памяти Ю.А. Сорокина и А.И. Новикова // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 3(29). – С. 169–175.
- Нестерова Н.М., Злых Н.М. О проблеме представления предметных областей в интеллектуальных системах (на материале предметной области «двигатель внутреннего сгорания») // Межкультурная – интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. – С. 219–223.
- Нестерова Н.М., Котельникова А.Н., Поздеева Е.В. «Встречный текст» как метод вербализации доминанты реципиента в процессе восприятия иностранного текста // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 4(34). – С. 50–63.
- Нестерова Н.М., Пешкова Н.П. «Новиковская» школа: Пермь – Уфа // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 288–292.
- Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. – Москва : Азбуковник, 2001. – С. 155–180.
- Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация : монография. – Москва : Наука, 1983. – 216 с.
- Новиков А.И. Смысл: семь дихотомических признаков // Теория и практика речевых исследований. – Москва, 1999. – С.132–144.
- Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 64–76.

- Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты : монография / под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. – Москва : Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.
- Новиков А.И., Зотова А.К.* Смысловая составляющая проекции текста: опыт экспериментального исследования // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. – Москва : Институт языкознания РАН, 2001. – С. 234–247.
- Пешкова Н.П.* Лингвистические характеристики текстов как основания для их классификации (на материале научных, технических, учебных текстов) : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1987. – 216 с.
- Пешкова Н.П.* Типология научного текста: психолингвистический аспект. – Уфа : Изд-во УГАТУ, 2002а. – 261 с.
- Пешкова Н.П.* Психолингвистические аспекты типологии научного текста : дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2002б. – 353 с.
- Пешкова Н.П.* Смысл текста и его многозначность // С любовью к тексту : колл. монография, посвященная памяти А.И. Новикова / под ред. Н.П. Пешковой, Н.Л. Сунцовой и др. – Уфа : Восточный университет, 2006. – С. 39–51.
- Пешкова Н.П.* Типология научного текста: психолингвистический аспект (на материале научных, научно-популярных и технических текстов). – 2-е изд., доп. и перераб. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. – 292 с.
- Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021) : колл. монография. – Москва : Институт языкознания РАН, 2021. – 626 с.
- Смысловое свергывание в сокращенных видах перевода / Герте-Немцева Н.А., Котельникова А.Н., Курушин Д.С., Нестерова Н.М. // Информационная структура текста : сб. статей. – Москва : Амирит, 2018. – С. 124–138.
- Старцева Т.В.* Когнитивные аспекты текста : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989.
- Сунцова Н.Л.* Лингвистическая модель порождения вторичного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 22 с.
- Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода : монография / Пешкова Н.П., Авакян А.А., Кирсанова И.В., Рыбка И.Н. ; под ред. Н.П. Пешковой. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. – 268 с.
- Текст как инструмент вербального воздействия: психолингвистическое исследование на материале текстов различных типов : монография / Пешкова Н.П., Давлетова Я.А., Моисеева А.В., Титлова А.С. ; под ред. Н.П. Пешковой. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. – 327 с.
- Титлова А.С.* Микроблог как вид интернет-текста: аспект понимания: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2018. – 232 с.
- Ухтомский А.А.* Доминанта. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 448 с.
- Яхиббаева Л.М.* Вторичность как онтологическая характеристика учебного текста и дискурса : дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2009. – 206 с.
- Automatic Test Generation on the Basis of a Semantic Network // Digital Science : [sel. papers from the 2018 Intern. Conf. on Digital Science (DSIC18), Budva, Montenegro, Oct. 19–21, 2018] / Dolgova E., Eriskina E., Faizrakhmanov R. et al. – Springer Nature Switzerland AG, 2019. – P. 159–165.

References

- Avakjan A.A. *Mehanizmy i strategii ponimaniya i perevoda inojazychnogo teksta (na materiale analiza variantov perevoda nauchno-populjarnogo teksta na anglijskom jazyke)* [Mechanisms and strategies of understanding and translation of a foreign-language text: on the material of popular science texts in English]: Dis. ... D. of Philology. Ufa, 2008. 195 p. (In Russian)
- Anohina N.V. *Implicitnost' kak komponent struktury soderzhanija teksta i sostavljajushhaja processov ego ponimaniya* [Implicitness as a component of the text content structure and as an integral part of the text understanding process]: Dis. ... D. of Philology. Ufa, 2010. 197 p. (In Russian)
- Barinova I.A., Nesterova N.M. Smysl kak filosofskaja problema: perevodcheskij aspekt [Sense as a philosophical problem: the translation aspect]. *Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda* [Issues of translation theory, practice and didactics]. Nizhnij Novgorod: NGLU, 2019. Vol. 22. P. 98–106. (In Russian)
- Bobkov S.A., Kurushin D.S., Perevalov A.M. et al. Primenenie metodov lingvisticheskoj anticipacii dlja povyshenija kachestva raspoznavanija rechi v robotehnicheskikh sistemah [Application of linguistic anticipation methods to improve the quality of speech recognition in robotic systems]. *Elektrotehnika* [Electrotechnics]. 2020. N 11. P. 22–25. (In Russian)
- Bogoslovskaja I.V. *Nauchno-populjarnyj tekst: slozhnost' ponimaniya* [Popular science text: the complexity of understanding]: Dis. ... D. of Philology. Moscow, 2001. 192 p. (In Russian)
- Dautova G.H. *Kognitivnaja model' tipologicheskogo analiza teksta delovogo pis'ma (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov)* [Cognitive model of typological analysis of business letter text: in Russian and English]: Dis. ... D. of Philology. Ufa, 2004. 247 p. (In Russian)
- Davletova Ja.A. *Psiholingvisticheskoe issledovanie osobennostej ponimaniya biblejskikh tekstov* [Psycholinguistic study of the peculiarities of Biblical texts understanding]: Dis. ... D. of Philology. Ufa, 2012. 194 p. (In Russian)
- Eriskina E.V., Kurushin D.S. K voprosu o vozmozhnosti sozdaniya avtomatizirovannoj sistemy poiska denotatov i referirovaniya [The question about the possibility of creating an automated system search of denotations and summarization]. In *Matematika i mezhdisciplinarnye issledovanija – 2017* [Mathematics and interdisciplinary research – 2017]. Perm': PGNIU, 2017. P. 79–84. (In Russian)
- Gerte N.A. *Denotativnaja model' referativnogo specializirovannogo perevoda* [Denotative model of specialised summary translation]: avtoref. dis. ... D. of Philology. Perm', 2016. 19 p. (In Russian)
- Gerte-Nemceva N.A., Kotelnikova A.N., Kurushin D.S., Nesterova N.M. Smyslovoe svertyvanie v sokrashhennyh vidah perevoda [Semantic compression in partial translation]. In *Informacionnaja struktura teksta* [Information structure of the Text]. Moscow: Amirit, 2018. P. 124–138. (In Russian)

- Giljazova D.R. *Issledovanie konfliktogennogo potenciala medijnogo teksta (na materiale tekstov mass-media i internet-tekstov)* [The study of the conflictogenic potential of a media text: (on the material of mass media and Internet texts)]: Dis. ... D. of Philology. Ufa, 2022. 197 p. (In Russian)
- Ibatullina N.S. *Cennostnyj aspekt v anglijskom juridicheskom diskurse (na materiale kommentarijev internet-kommunikacii)* [Value Aspect in English Legal Discourse (on the material of Internet communication comments)]: Dis. ... D. of Philology. Ufa, 2022. 186 p. (In Russian)
- Jahibbaeva L.M. *Vtorichnost' kak ontologicheskaja harakteristika uchebnoho teksta i diskursa* [Secondary nature as an ontological characteristic of educational text and discourse]: Dis. ... D. of Philology. Ufa, 2009. 206 p. (In Russian)
- Kirsanova I.V. *Mnogoznachnost' semantiki teksta kak realizacija individual'nyh strategij ponimanija* [The multiple meanings of textual semantics as Issuesthe realisation of individual comprehension strategies]: Dis. ... D. of Philology. Ufa, 2007. 194 p. (In Russian)
- Kotel'nikova A.N. *Dve strategii ponimanija* [Two strategies in comprehension]. *Problemy jazykoznanija i pedagogiki* [Issues of linguistics and Pedagogical science]. 2020. N 4. P. 71–78. (In Russian)
- Kotel'nikova A.N. *O probleme izuchenija mehanizmov vosprijatija i ponimanija inozazychnyh tekstov: psiholingvističeskij aspekt* [The mechanisms of perception and comprehension of foreign texts: psycholinguistic aspect]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. N 4(103). P. 43–53. (In Russian)
- Kurushin D.S., Leonov E.R., Soboleva O.V. *O vozmožnom podhode k avtomatičeskomu postroeniju denotatnogo grafa giperteksta* [On a possible approach to the automatic generation of denotative graph of a hypertext]. In *Informacionnaja struktura teksta* [Information structure of text]. Moscow: Amirit, 2018. P. 113–118. (In Russian)
- Kurushin D.S., Nesterova N.M., Chovich L.I. *Problemy i perspektivy primeneniya informacionnyh tehnologij dlja formalizovannogo predstavlenija soderžanija teksta* [Problems and prospects of using information technologies for formalized representation of text content]. In *ITEo: zbornik radova. Proceedings*. Banja Luka: Panevropski univerzitet Apeiron, 2021. P. 81–86. (In Russian)
- Markarjan A.M. *Osobennosti identifikacii leksičeskikh edinic v processe vosprijatija naučnogo teksta: presuppozicionnaja sostavljajuščaja* [Peculiarities of lexical unit identification in the process of scientific text perception : the presuppositional component]: Dis. ... D. of Philology. Ufa, 2007. 218 p. (In Russian)
- Matveeva N.V. *Mehanizmy formirovanija smysla i soderžanija teksta v processe ego ponimanija (na materiale analiza vtorichnyh pis'mennyh tekstov škol'nikov 12–16 let)* [Mechanisms of text sense and text content formation within the process of comprehension (based on the analysis of secondary written texts by 12–16-year-old schoolchildren)]: Dis. ... D. of Philology. Ufa, 2004. 217 p. (In Russian)
- Migranova I.H. *Issledovanie gendernyh osobennostej vosprijatija teksta (na materiale naučnoj literatury)* [The study of gender characteristics of text perception: on the

- material of scientific literature]: Dis. ... D. of Philology. Ufa, 2017. 189 p. (In Russian)
- Moiseeva A.V. *Issledovanie psiholingvističeskikh osobennostej vosprijatija i ponimanija teksta gljancevogo žurnala* [The study of psycholinguistic features of perception and comprehension of glossy magazine texts]: Dis. ... D. of Philology. Ufa, 2017. 242 p. (In Russian)
- Nesterova N.M. *Vtoričnost' kak ontologičeskoe svojstvo perevoda* [Secondary nature as an ontological property of translation]: Dis. ... D. hab. in Philology. Perm', 2005. 368 p. (In Russian)
- Nesterova N.M. Tekst i ego "proekcii": pamiati Ju.A. Sorokina i A.I. Novikova [Text and its "projections": in memoriam of Yuriy A. Sorokin and Anatolij I. Novikov]. *Voprosy psiholingvistiki*. 2016. N 3(29). P. 169–175. (In Russian)
- Nesterova N.M., Zlyh N.M. O probleme predstavlenija predmetnyh oblastej v intellektual'nyh sistemah (na materiale predmetnoj oblasti "dvigatel' vnutrennego sgoranija") [On the problem of representation of subject areas in intelligent systems: on the material of the subject area "internal combustion engine"]. In *Mezhkul'turnaja – intrakul'turnaja komunikacija: teorija i praktika obuchenija i perevoda*. Ufa: RIC BashGU, 2020. P. 219–223. (In Russian)
- Nesterova N.M., Kotel'nikova A.N., Pozdeeva E.V. "Vstrechnyj tekst" kak metod verbalizacii dominanty recipienta v processe vosprijatija inostrannogo teksta ["Counter text" as a method of verbalization of the recipient's dominant in the foreign language text perception]. *Voprosy psiholingvistiki*. 2017. N 4(34). P. 50–63. (In Russian)
- Nesterova N.M., Peshkova N.P. "Novikovskaja" shkola: Perm' – Ufa [The Novikov School: Perm' – Ufa]. *Voprosy psiholingvistiki*. 2009. N 9. P. 288–292. (In Russian)
- Novikov A.I. Dominantnost' i transpozicija v processe osmyslenija teksta [Dominance and transposition in the process of text conceptualization]. In *Scripta linguisticae applicatae. Problemy prikladnoj lingvistiki – 2001*. Moscow: Azbukovnik, 2001. P. 155–180. (In Russian)
- Novikov A.I. *Semantika teksta i ee formalizacija* [Text semantics and its formalization]. Moscow : Nauka, 1983. P. 216. (In Russian)
- Novikov A.I. Smysl: sem' dihotomicheskih priznakov [Sense: seven dichotomous features]. In *Teorija i praktika rečevyh issledovanij* [Theory and practice of speech research]. Moscow: MGU, 1999. P. 132–144. (In Russian)
- Novikov A.I. Tekst i "kontrtekst": dve storony processa ponimanija [Text and "counter text" : two sides of the understanding process]. *Voprosy psiholingvistiki*. 2003. N 1. P. 64–76. (In Russian)
- Novikov A.I. *Tekst i ego smyslovye dominanty* [Text and its semantic dominants] / ed. by N.V. Vasil'eva, N.M. Nesterova, N.P. Peshkova. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2007. 224 p. (In Russian)
- Novikov A.I., Zotova A.K. Smyslovaja sostavljajushhaja proekcii teksta: opyt jeksperimental'nogo issledovanija [The semantic component of text projection: an experimental study]. In *Problemy psiholingvistiki: teorija i eksperiment* [Issues of

- psycholinguistics: Theory and Experiment]. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2001. P. 234–247. (In Russian)
- Peshkova N.P. *Lingvisticheskie harakteristiki tekstov kak osnovanija dlja ih klassifikacii (na materiale nauchnyh, tehniceskikh, uchebnyh tekstov)* [Linguistic characteristics of texts as a basis for their classification (on the material of scientific, technical, educational texts)]: Diss. ... D. of Philology. Moscow, 1987. 216 p. (In Russian)
- Peshkova N.P. *Tipologija nauchnogo teksta: psiholingvisticheskiy aspekt* [Typology of the scientific text: a psycholinguistic aspect]. Ufa: UGATU, 2002a. 261 p. (In Russian)
- Peshkova N.P. *Psiholingvisticheskie aspekty tipologii nauchnogo teksta* [Psycholinguistic aspects of scientific text typology]: Dis. D. hab. in Philology. Ufa, 2002b. 353 p. (In Russian)
- Peshkova N.P. *Smysl teksta i ego mnogoznachnost'* [Text sense and its polyvalency]. In *S ljubov'ju k tekstu: kollektivnaja monografija, posvjashhennaja pamjati A.I. Novikova* / ed. by N.P. Peshkova, N.L. Suncova et al. Ufa: Vostochnyj universitet, 2006. P. 39–51. (In Russian)
- Peshkova N.P. *Tipologija nauchnogo teksta: psiholingvisticheskiy aspekt (na materiale nauchnyh, nauchno-populjarnyh i tehniceskikh tekstov)* [Typology of a scientific text: psycholinguistic aspect: (based on the material of scientific, popular science and technical texts)]. 2nd ed. rev. Ufa : RIC BashSU, 2015. 292 p. (In Russian)
- Rossijskaja psiholingvistika: itogi i perspektivy (1966–2021): kollektivnaja monografija* [Russian Psycholinguistics: Results and Perspectives (1966–2021): a collective monograph]. Moscow: Institute of linguistics RAS, 2021. 626 p. (In Russian)
- Starceva T.V. *Kognitivnye aspekty teksta* [Cognitive aspects of the text]: Dis. ... D. of Philology. Moscow, 1989. (In Russian)
- Suncova N.L. *Lingvisticheskaja model' porozhdenija vtorichnogo teksta* [Linguistic model of secondary text production]: abstract of dis. ... D. of Philology. Moscow, 1995. 22 p. (In Russian)
- Tekst i ego ponimanie: teoretiko-eksperimental'noe issledovanie v rusle integrativnogo podhoda* [Text and its comprehension: theoretical and experimental study in the framework of the integrative approach] / Peshkova N.P., Avakjan A.A., Kirsanova I.V., Rybka I.N.; ed. by N.P. Peshkova. Ufa: RIC BashSU, 2010. 268 p. (In Russian)
- Tekst kak instrument verbal'nogo vozdejstvija: psiholingvisticheskoe issledovanie na materiale tekstov razlichnyh tipov* [Text as a tool of verbal impact: the psycholinguistic study on the material of various types of texts] / Peshkova N.P., Davletova Ja.A., Moiseeva A.V., Titlova A.S.; ed. by N.P. Peshkova. Ufa: RIC BashSU, 2017. 327 p. (In Russian)
- Titlova A.S. *Mikroblog kak vid internet-teksta: aspekt ponimaniya* [Microblog as a type of an Internet text: an aspect of comprehension]: Dis. ... D. of Philology. Ufa, 2018. 232 p. (In Russian)
- Uhtomskij A.A. *Dominanta* [Dominant]. St. Petersburg: Piter, 2002. 448 p. (In Russian)
- Vahitova G.V. *Sposoby peredachi vnutrennej ekspressivnosti teksta (na materiale juridicheskoy literatury na russkom i anglijskom jazykah)* [Text internal expressiveness:

- ways of transferring (on the material of legal texts in Russian and English): Dis ... D. of Philology. Ufa, 2007. 193 p. (In Russian)
- Vasil'jeva N.V. Predislovie [Preface]. In *Scripta linguisticae applicatae. Problemy prikladnoj lingvistiki* [Problems of applied linguistics]. Moscow: Azbukovnik, 2004. Vol. 2. P. 3–7. (In Russian)
- Vshivkova T.V. *Anticipacija v processe ponimanija teksta* [Anticipation in the text comprehension process]: avtoref. dis. ... D. of Philology. Moscow, 1987. 17 p. (In Russian)
- Verbal'naja kommunikacija: kontakty i konflikty* [Verbal communication: contacts and conflicts] / Peshkova N.P., Anishhenko A.A., Giljazova D.R., Titlova A.S.; ed. by N.P. Peshkova. Ufa: RIC BashSU, 2018. 212 p. (In Russian)
- Zavodnikova E.L., Nesterova N.M. Princip germenevticheskogo kruga v filosofii i perevodovedenii [Principle of 'hermeneutic circle' in philosophy and translation studies]. *Problemy jazykoznanija i pedagogiki* [Aspects of linguistics and pedagogical science]. 2020. N 4. P. 20–29. (In Russian)
- Automatic Test Generation on the Basis of a Semantic Network / Digital Science: [sel. papers from the 2018 Intern. Conf. on Digital Science (DSIC18), Budva, Montenegro, Oct. 19–21, 2018] / Dolgova E., Eriskina E., Faizrakhmanov R. et al. Springer Nature Switzerland AG, 2019. P. 159–165.

Казак Е.А.¹

АЛЕКСАНДР ДАВИДОВИЧ ШВЕЙЦЕР (1923–2002)

Аннотация. Воспоминаниями о Александре Давидовиче Швейцере (1923–2002) – выдающемся советском, российском переводчике и теоретике языка – делится его бывшая аспирантка – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН Е.А. Казак.

Ключевые слова: А.Д. Швейцер; языкознание; переводоведение; социолингвистика; национальное варьирование; контрастивная стилистика.

Для цитирования: Казак Е.А. Александр Давидович Швейцер (1923–2002) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 4. – С. 131–145. – DOI: 10.31249/ling/2023.04.08

KAZAK E.A.²

ALEKSANDER DAVIDOVICH SHVEITSER (1923–2002)

Abstract. The article contains the memoirs about Aleksander Davidovich Shveitser (1923–2002), a distinguished Soviet and Russian interpreter and language theorist. The article is written by his postgraduate student and now the Candidate of Philology, Research Fellow of the Department of Linguistics at Institute of Scientific

¹Казак Евгения Анатольевна – канд. филол. наук, научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; ladykazak@gmail.com

²Kazak Evgeniya Anatolievna – Candidate of Philology, Research Fellow of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); ladykazak@gmail.com

Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
E.A. Kazak.

Keywords: A.D. Shveitser; linguistics; translation studies; sociolinguistics; national language variation; contrastive stylistics.

For citation: Kazak E.A. Aleksander Davidovich Shveitser (1923–2002). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2023. N 4. Pp. 131–145. DOI: 10.31249/ling/2023.04.08

Вся моя жизнь связана с переводом...
Мне всегда хотелось разгадать тайну
перевода, понять, как протекает этот
сложнейший, связанный с преодолением
языковых и культурных барьеров вид
общения.

Александр Швейцер, 1996

А.Д. Швейцер родился 8 декабря в 1923 г. в Москве. В 1940 г. он стал студентом Военного факультета западных языков (будущий ВИИЯ), формально состоявшего в то время при 2-м МГПИИЯ. Он учился на переводческом отделении в группе, изучающей английский и немецкий языки. Летом 1943 г. он был призван в армию фронтовым переводчиком, воевал на Центральном, 1-м, 2-м и 3-м Белорусских фронтах. Войну А.Д. Швейцер закончил в звании подполковника запаса, был награжден десятью правительственными наградами.

После окончания Великой Отечественной войны осенью 1945 г. А.Д. Швейцер вернулся в институт. Наступил мир, и казалось, что можно полностью погрузиться в учебу. Однако в начале 1947 г., когда он заканчивал пятый курс института и должен был сдавать государственные выпускные экзамены, его откомандировали в Токио для работы переводчиком на международном суде над главными японскими преступниками Второй мировой. Командировка, которая вначале планировалась на несколько месяцев, продлилась более двух лет. В течение всего этого времени переводчики входили в состав сотрудников аппарата Международного трибунала по Дальнему Востоку. Первый опыт синхронного перевода запомнился Александру Давидовичу на всю жизнь, о нем он и на-

писал в своей книге «Глазами переводчика»: «Для того чтобы огромная машина судебного процесса могла действовать без перебоев, требовались опытные и квалифицированные переводчики, которые приводились к присяге, обязуясь точно и с исчерпывающей полнотой переводить все материалы процесса. Устные переводчики, сидя в застекленных звуконепроходимых кабинах, переводили синхронно готовые письменные тексты (обвинительного заключения, приговора, письменных показаний). Все остальное (допрос свидетелей, прения сторон) переводилось последовательно, т.е. вслед за говорящим. В этом, по-видимому, сказывалось известное недоверие к находившемуся еще в “младенческом возрасте” синхронному переводу» [Швейцер, 1996, с. 7].

В 1948 г. Александр Давидович вернулся в Москву, в 1949 г. закончил ВИИЯ и начал работать в нем старшим преподавателем. В 1956 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Перфектное причастие и его синонимы в современном английском языке» и в том же году перешел работать в военное издательство МО СССР, где занимал должность старшего редактора до 1959 г.

Однако желание работать с живым языком, преподавать и заниматься научными исследованиями вскоре привело его в МГПИИЯ им. М. Тореца. В 1967 г. им была защищена докторская диссертация «Различительные элементы американского и британского вариантов английского языка». За несколько десятилетий работы в институте Александр Давидович стал доцентом, затем профессором, был заведующим кафедрой устного перевода.

В 1982 г. Александр Давидович перешел в Институт языкознания АН СССР, где стал ведущим, а затем и главным научным сотрудником. Широким был диапазон его научных интересов, который охватывал теорию варьирования языковых систем, социолингвистику, теорию перевода, а также стилистику, как общую, так и контрастивную. Все исследования проводились на материале английского языка в его американском и британском вариантах.

В Институте языкознания Александр Давидович возглавлял Проблемную группу по теории перевода и выпустил вместе с коллегами серию публикаций. Он также принимал участие в работе Проблемной комиссии по теории и истории литературных языков, которую возглавляли сначала М.М. Гухман, а затем Н.Н. Семенюк, и подготовил ряд статей для коллективных монографий, написанных

учеными, входящими в комиссию. В своих статьях Александр Давидович опубликовал результаты своих многолетних исследований в области английского языка и его вариантов. Им написано более 150 научных работ, включая 13 монографий, получивших известность как в нашей стране, так и далеко за ее пределами.

Ценность научных исследований Александра Давидовича заключается не только в разработке понятийного аппарата и аналитических процедур для изучения проблем социальной вариативности английского языка и переводоведения, но и в освоении опыта зарубежных исследователей, который таким образом стал доступен для отечественных ученых. Александр Давидович владел приемами сопоставительного и одновременно критического анализа разных теоретических подходов. В его трудах внимательно и последовательно анализируется языковой материал, который подкрепляется непротиворечивой аргументацией в пользу той или иной его трактовки [Профили языка, 2015, с. 13].

Социолингвистика

А.Д. Швейцер стоял у истоков отечественной социолингвистики. В своих работах он рассматривал проблемы социолингвистической теории: предмет социолингвистики, ее понятийный аппарат, отношение к семиотике, стилистике, теории перевода. В своей монографии «Современная социолингвистика» он указывал, что уже в середине 60-х годов XX в. во многих странах мира появилось большое количество исследовательских работ в области социолингвистики. В эти годы социолингвистика переживала период бурного роста, но все еще находилась на этапе своего становления как отдельная наука. В середине 70-х годов это направление характеризовалось отказом от работ чисто описательного характера, от случайных фрагментарных наблюдений и разработкой системного подхода к материалу, а также подлинно междисциплинарным характером исследований, основанным на органическом соединении лингвистических и социологических методов, применяемых на высоком профессиональном уровне [Швейцер, 1976, с. 3].

При этом в 70-е годы находился в стадии разработки и сам понятийный аппарат социолингвистики. Многие понятия трактовались далеко не однозначно. И вместе с тем все большее количе-

ство ученых, не удовлетворенных узостью внутривидового подхода к анализу языка, начали выходить за рамки «микрелингуистического» анализа, стремясь изучать язык в его социальном контексте. Развитие социалингуистики и связанное с этим включение в лингуистический анализ еще одного измерения – социального – дает возможность глубже проникнуть в самую природу языка, полнее выявить условия его функционирования и динамику его развития, позволяет представить в новом свете онтологическую картину языка как общественного явления.

Александр Давидович полагал, что различные направления социалингуистических исследований, разрабатываемые во многих странах мира, несмотря на порой резко противостоящие друг другу исходные методологические позиции, в ряде случаев дополняют друг друга.

Очевидным является факт, что в различных странах ученые выбирают для своих исследований далеко не одни и те же социалингуистические проблемы, а также далеко не одни и те же аспекты этих проблем. Соответственно, это и определяло теоретические интересы социалингуистов разных стран. Для Советского Союза (как писал Швейцер в 1976 г. – *прим. авт.*) наиболее актуальными социалингуистическими проблемами были и остаются проблемы многоязычия и двуязычия, соотношения национальных языков и языка межнационального общения, языкового строительства и языковой политики. В то же время для ряда западных стран наибольший интерес по вполне понятным причинам представляют вопросы, связанные с социальной стратификацией языка, а для социалингуистов развивающихся стран – вопросы, связанные с формированием и становлением национальных литературных языков, с выбором того или иного языка в качестве языка общегосударственного общения [Швейцер, 1976, с. 5].

Изучая проблемы социалингуистической теории и проблематики, Александр Давидович в первую очередь выделял принципиальные вопросы общеметодологического характера, связанные с определением исходных положений социалингуистической теории. Он указывал, что проблема «язык и общество» во многом соприкасается с проблемой «язык и мышление», поэтому возникает необходимость в согласованной разработке этих фундаментальных философских проблем науки о языке. Социалингуистическая теория

разрабатывается на стыке языкознания, с одной стороны, и социологии, социальной психологии и этнографии – с другой. Поэтому для успешного развития социолингвистики очень важно, на какую социопсихологическую и этнографическую теорию она опирается [Швейцер, 1976, с. 5].

Александр Давидович также уделял большое внимание изучению общих проблем социолингвистики – таких, как социальная дифференциация языка, социолингвистические аспекты билингвизма и диглоссии, типологии языковых ситуаций, языковое строительство, национальные и литературные языки и их социальные функции [Швейцер, 1970; Швейцер, 1971; Швейцер, 1983; Швейцер, 1985].

Национальное варьирование

Вопросы вариантологии английского языка были частью фундаментальной проблемы национального варьирования языков, которая разрабатывалась как академическая тема сотрудниками Института языкознания АН СССР Г.В. Степановым, А.И. Домашневым и А.Д. Швейцером. В 1960-е годы в отечественной лингвистике появились труды мирового уровня по проблемам национального варьирования в странах Европы и Америки. Такая деликатная для самих изучаемых стран тематика объективно могла быть изучена и осмыслена прежде всего зарубежными лингвистами. Наши ученые выступили своеобразными арбитрами и предложили свое непредвзятое, отстраненное видение весьма сложных языковых отношений в ряде стран. Тем самым отечественная лингвистика обрела целостное теоретическое знание в сочетании с большим эмпирическим материалом по английскому, немецкому и испанскому языкам. В своем научном творчестве Александр Давидович разрабатывал разные аспекты этой проблематики, демонстрируя возможные пути ее расширения [Профили языка, 2015, с. 17].

Александр Давидович обращал внимание на многообразие возможных типов варьирования литературного языка, среди которых выделял социальные модификации, функционально-стилистическое, жанрово-стилистическое, пространственное (или территориальное) и временное варьирование.

Так, Александр Давидович отмечал, что вариативность литературного языка в пространственной проекции проявляется прежде всего в самом факте существования таких национальных вариантов литературного языка, как испанский язык в Латинской Америке, английский в США, немецкий в Австрии и др. (см. [Степанов, 1963; Швейцер, 1963; Швейцер, 1971а; Домашнев, 1967]). При этом степень гомогенности каждого варианта, степень унификации его норм может варьироваться от одного уровня языка к другому.

Александр Давидович выдвинул гипотезу, согласно которой степень вариативности литературного языка или его национального варианта на том или ином уровне его структуры самым непосредственным образом связана с моделью его формирования, определяющей пути распространения языковых инноваций от центра того или иного языкового ареала к его периферии.

В качестве двух контрастных примеров Александр Давидович рассматривал историю формирования литературной нормы английского языка в Англии и в США. В Англии, как известно, формирование литературного стандарта происходило вокруг единого центра – Лондона, оказавшего решающее влияние на процессы развития и стабилизации общенациональной языковой нормы. Таковую модель формирования литературной нормы Швейцер назвал моноцентрической. Согласно его мнению, такая модель создает наиболее благоприятные условия для полной реализации того идеального конструкта, о котором идет речь. Иначе обстояло дело в Соединенных Штатах, где формирование литературной нормы протекало наиболее активно и интенсивно в таких культурных, политических и экономических центрах колониальной Америки, как Бостон, Нью-Йорк, Филадельфия, Чарльстон и Ричмонд. Таковую модель Швейцер называл полицентрической [Швейцер, 1981, с. 275].

Представляется важным отметить, что еще в 1963 г. в «Очерке современного английского языка в США» А.Д. Швейцер писал о том, что в научной литературе отсутствует единство мнений по такому кардинальному вопросу, как место, занимаемое английским языком в США по отношению к английскому в Великобритании. Некоторые считают язык американцев вариантом или разновидностью английского языка. Другие придерживаются того

мнения, что это самостоятельный язык. Существовала и третья точка зрения, согласно которой так называемый American English является диалектом английского языка Великобритании [Швейцер, 1963].

Александр Давидович указывал, что вопрос о месте American English по отношению к British English нельзя считать сугубо академическим, ибо от его решения зависят принципиальный подход к расхождениям, наблюдаемым в речи американцев и англичан, и метод сопоставления языковых явлений. Он также отмечал, что методы, применяемые при сопоставлении двух различных языков, могут оказаться неприемлемыми при сравнении явлений, относящихся к одному и тому же языку. Таким образом, выяснение этого вопроса, согласно его мнению, являлось необходимым условием для решения вышеуказанных теоретических задач.

Проанализировав взгляды различных американских и отечественных лингвистов, Александр Давидович предложил признать удачным и наиболее точно отражающим истинное положение вещей, термин «американский вариант английского языка», получивший широкое распространение в советском языкознании. Он приводил ряд фактов, которые говорили в пользу признания American English и British English вариантами одного и того же языка: удельный вес языковых явлений, отличающихся в британском и американском употреблении, относительно невелик. Большинство грамматических форм и лексических единиц совпадают как по своему значению, так и по употреблению. Литературная норма, принятая в США, представляет собой несколько модифицированный вариант британской нормы. Оба варианта совпадают в своих наиболее существенных структурных признаках. Об общности обоих вариантов свидетельствует и сам характер обнаруживаемых ими различий. Как показывает языковой материал, расхождения между американским и британским вариантами не носят системного характера [Швейцер, 1963; Швейцер, 1971а; Швейцер, 1985].

Александр Давидович, написав ряд статей и три монографии, посвященные изучению литературного английского языка в США и Англии, сопоставлению американского и британского вариантов английского языка, считал, что предстоит еще многое сделать, ибо много неясного и неразработанного в самой методике такого рода исследований. В разработке этой методики, на его

взгляд, заинтересованы не только специалисты, изучающие особенности английского языка за пределами Англии, но и филологи, исследующие французский язык в Канаде, португальский язык в Бразилии и испанский язык в различных странах Латинской Америки. Эта проблематика является одной из актуальнейших проблем общего языкознания.

Переводоведение

Теория и практика перевода в научном творчестве и жизни А.Д. Швейцера были неразрывно связаны. В истории науки о переводе Александр Давидович занимает особое место – он был интерпретатором и критиком разных подходов к теории перевода, разрабатывая круг вопросов, связанных с познанием процесса перевода: переводимость, социальная обусловленность перевода, нормы перевода, перевод в свете теории текста и др. В каждой новой работе Александр Давидович расширял репертуар переводческой проблематики, подвергал проверке сложившиеся представления, соотнося их с современными научными парадигмами, вводил новые понятия и всегда подчеркивал тесную связь перевода с межъязыковой и межкультурной коммуникацией [Профили языка, 2015].

В написанной в начале 70-х годов XX в. книге «Перевод и лингвистика» Александр Давидович пытался наметить некоторые пути разработки лингвистической теории перевода, ориентированной на перевод как коммуникативный процесс, как процесс поиска и решения. Он пытался показать перспективы, которые открывали перед теорией перевода лингвистические течения, выдвинувшие на первый план изучение языка в действии.

Мощным стимулом для активизации научных исследований в области теории перевода послужили, согласно мнению Александра Давидовича, как потребности современного общества, в котором перевод играет значительную роль, так и новые достижения языкознания в таких областях, как лингвистика текста, синтаксическая семантика, коммуникативная лингвистика, социо- и психолингвистика.

Александр Давидович полагал, что особое значение в создании благоприятных условий для развития теории перевода имел

поворот современного языкознания к установке на раскрытие связей между языком и человеком, между языком и обществом, на выявление динамики функционирования языка в реальных ситуациях общения.

В то же время и теория перевода, расширив свои горизонты под влиянием различных направлений в языкознании, в свою очередь, обогатила языкознание новыми данными, расширившими наши представления о природе и функционировании языка. В самом деле, будучи уникальной сферой речевой деятельности, где соприкасаются друг с другом не только разные языки, но и разные культуры, а порой и разные цивилизации, перевод является естественной экспериментальной лабораторией, в которой многие лингвистические теории подвергаются «проверке на прочность» [Швейцер, 1988, с. 4].

В конце 80-х годов XX в. Александр Давидович выпустил монографическое исследование «Теория перевода: статус, проблемы, аспекты». В этой работе он развивает ряд положений, впервые выдвинутых в его предыдущей работе «Перевод и лингвистика», в частности положения о функциональном инварианте перевода, о «методе проб и ошибок» как способе реализации переводческого решения, о функциональных доминантах текста как определяющем факторе стратегии перевода, о динамической модели перевода, об иерархии «фильтров», определяющих выбор варианта, о вероятностном характере переводческих закономерностей.

Следует отметить, что ценность вышеуказанной работы Александра Давидовича заключается в том, что работа посвящена общетеоретическим проблемам перевода, которые иллюстрируются в основном переводами с английского языка на русский и с русского на английский. Но при этом книга не ориентирована на частную переводческую проблематику, обусловленную спецификой русского и английского языков. Точно так же она не ограничена каким-либо конкретным жанром перевода.

Анализируя современный статус переводоведения, С. Влащенко, ученица А.Д. Швейцера, отмечает, что последние три десятилетия исследования теории перевода вращались вокруг оси, которая сформулирована в следующей фразе А.Д. Швейцера: «В основе перевода как вида межъязыковой и межкультурной коммуникации лежит не столько нахождение соответствий отдельным языковым

единицам, сколько продуцирование текста, адекватно заменяющего текст оригинала в другой культуре, другом языке и другой коммуникативной ситуации» [Швейцер, 1988, с. 31]. Иными словами, переводоведы разных стран проводили и продолжают проводить исследования, направленные на конкретизацию и дальнейшую аргументацию обоснованности концептуального аппарата науки о переводе. В то же время формулировка и описание таких понятий, как «межъязыковая и межкультурная коммуникация», «коммуникативная ситуация», «виды и жанры исходных текстов», «межъязыковые соответствия» или их отсутствие, т.е. безэквивалентность единиц плана выражения, «механизмы и закономерности текстопостроения» и т.п., прочно вошли во все теоретические и прикладные исследования разных отраслей как собственно лингвистики, так и смежных с нею дисциплин [Власенко, 2008, с. 66].

Контрастивная стилистика

Контрастивная стилистика была всегда в поле зрения Александра Давидовича в связи с разными проблемами перевода и языкового варьирования. Яркий пример работы с живым языковым материалом представляет собой его последняя монография «Контрастивная стилистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках», которая открыла новое направление в отечественной сопоставительной лингвистике – контрастивную стилистику, опирающуюся на мониторинг активных языковых процессов [Профили языка, 2015].

Александр Давидович задумывал эту книгу как продолжение работ, посвященных теории перевода, – «Перевод и лингвистика» и «Теория перевода: статус, проблемы, аспекты», в которых значительное место отводилось анализу отличительных черт газетно-публицистического стиля английского языка в сопоставлении с соответствующим функциональным стилем в русском языке.

В этих исследованиях по теории переводоведения стилистический анализ играл вспомогательную роль, будучи подчинен главной цели – раскрытию конститутивных признаков и основных закономерностей процессов перевода. При этом Александр Давидович полагал, что ощущалась необходимость в работе, в которой перевод и контрастивная стилистика поменялись бы местами и

контрастивная стилистика выдвинулась бы на первый план как основной объект анализа. Так у Александра Давидовича родилась идея написания книги о контрастивной стилистике, в которой он обозначил общие контуры и принципы контрастивно-стилистического анализа и попытался реализовать их на материале определенного функционального стиля. В качестве последнего была избрана газетная публицистика как наиболее близкая интересам автора и неоднократно служившая ему объектом для наблюдений.

Сопоставление англоязычной и русской газетной публицистики осуществляется на уровне текста с учетом типологии текстов, их структур и стратегии. Особое внимание автор уделит контрастивному анализу газетно-информационных текстов, их композиционной структуре, лежащим в их основе схемам представления информации и стратегии их построения.

Александр Давидович отмечал, что написание работы по контрастивной стилистике совпало со временем бурных перемен, отразившихся и в языке нашей прессы, в его заметном сближении с языками западных средств массовой информации. Драматические события 1990 и 1991 г. не только нашли отражение в приводимых в работе примерах, но и в значительной мере повлияли на результаты исследования. Читателю следует иметь в виду, что в книге сопоставляются две различные функционально-стилистические системы: одна из них (англо-американская) находится в состоянии устойчивого равновесия, а другая, напротив, характеризуется крайней неустойчивостью, сменой ориентиров и движением от одного состояния к другому [Швейцер, 1993].

Этот процесс и сейчас, по прошествии 20 лет, нельзя считать завершенным; напротив, он оказывается зависимым от все большего количества факторов, влияющих на функциональные свойства языка. Интерес к изучению этих процессов, несомненно, вызвала и книга А.Д. Швейцера, в которой автор еще в 1990-е годы предложил идти путем сопоставления и объективно оценивать различия, существующие между языками, дискурсами и социумами [Профили языка, 2015].

Александр Давидович Швейцер был примером теоретика, знавшего и ценившего практическое проникновение языка в жизнь. Он стремился понять язык не как абстрактную схему, а как

живое многообразие его вариантов и вариаций в их смысловом, эмоциональном и социокультурном аспектах.

Основные работы А.Д. Швейцера

- Швейцер А.Д.* Очерк современного английского языка в США. – Москва : Высш. школа, 1963. – 216 с.
- Швейцер А.Д.* О микросоциологии и макросоциологии языка. – Москва, 1970. – 14 с.
- Швейцер А.Д.* Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. – 104 с.
- Швейцер А.Д.* Литературный английский язык в США и Англии. – Москва : Высш. школа, 1971а. – 200 с.
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. Газетно-информационный и военно-публицистический перевод. – Москва : Воениздат, 1973. – 280 с.
- Швейцер А.Д.* Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. – Москва : Наука, 1976. – 176 с.
- Швейцер А.Д.* Социальная дифференциация английского языка в США. – Москва : Наука, 1983. – 216 с.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – Москва : Наука, 1988. – 215 с.
- Швейцер А.Д.* Контрастивная стилистика: газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. – Москва : Либроком, 1993. – 252 с.
- Shvejcer A.D.* Standard English in the United States and England. – Berlin ; N.Y. : Walter de Gruyter, 1978. – 178 p.
- Shvejcer A.D.* Contemporary sociolinguistics: Theory, Problems, Methods. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Corp., 1986. – 193 p. – (Linguistics and Literary Studies in Eastern Europe ; Vol. 15).

Список литературы

- Власенко С.В.* Современное переводоведение: необозримые горизонты и актуальные проблемы развития : очерк к 85-летию со дня рождения проф. А.Д. Швейцера // Вопросы филологии. – 2008. – № 3(30). – С. 65–75.
- Домашнев А.И.* Очерк современного немецкого языка в Австрии. – Москва : Высш. школа, 1967. – 180 с.
- Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика / отв. ред. Н.С. Бабенко, В.А. Нуриев. – Москва : Буки Веди, 2015. – 380 с.
- Степанов Г.В.* Испанский язык в странах Латинской Америки. – Москва : Изд-во лит. на иностр. яз, 1963. – 202 с.
- Швейцер А.Д.* Вариативность литературного языка и модели формирования его норм (на материале американского варианта английского языка) // Типы наддиалектных форм языка. – Москва : Наука, 1981. – С. 273–285.

- Швейцер А.Д. Глазами переводчика. – Москва : Р. Валент, 1996. – 131 с.
- Швейцер А.Д. Система форм существования современного английского языка в США // Функциональная стратификация языка. – Москва, 1985. – С. 41–54.

References

The main works of A.D. Shveitser

- Shvejcer A.D. *Oчерk sovremennogo anglijskogo jazyka v SShA* [The essay on modern English in the USA]. Moscow: Vysshaya shkola, 1963. 216 p. (In Russian)
- Shvejcer A.D. *O mikrosociologii i makrosociologii jazyka* [Upon microsociology and macrosociology of language]. Moscow, 1970. 14 p. (In Russian)
- Shvejcer A.D. *Voprosi sociologii jazyka v sovremennoj amerikanskoj linvistike* [The issues of language sociology in modern American linguistics]. Leningrad: Nauka. Leningr. department, 1971. 140 p. (In Russian)
- Shvejcer A.D. *Literatunyj anglijskij jazyk v SShA i Anglij* [Standard English in the USA and England]. Moscow: Vyssh. shkola, 1971a. 200 p. (In Russian)
- Shvejcer A.D. *Perevod i lingvistika: Gazetno-informacionnyj i voenno-publicisticheskij perevod* [Translation and linguistics : The translation of newspaper information and military journalistic]. Moscow: Voenizdat, 1973. 280 p. (in Russian)
- Shvejcer A.D. *Sovremennaja sociolinguistika: teorija, problemy, metody* [Contemporary sociolinguistics: theory, issues, methods]. Moscow: Nauka, 1976. 176 p. (In Russian)
- Shvejcer A.D. *Social'naja differenciacija anglijskogo jazyka v SShA* [Social differentiation of English in the USSA]. Moscow: Nauka, 1983. 216 p. (In Russian)
- Shvejcer A.D. *Teorija perevoda: status, problemy, aspekty* [The theory of translation: Status, issues, methods]. Moscow: Nauka, 1988. 215 p. (In Russian)
- Shvejcer A.D. *Kontrastivnaja stilistika: gazetno-publicisticheskij stil' v anglijskom i ruskom jazykah* [Contrasting style: Newspaper and journalistic style in English and Russian]. Moscow: Librokom, 1993. – 252 p. (In Russian)
- Shvejcer A.D. *Standard English in the United States and England*. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1978. 178 p.
- Shvejcer A.D. *Contemporary sociolinguistics: Theory, Problems, Methods*. Amsterdam : John Benjamins Publishing Corp., 1986. 193 p. (Linguistics and Literary Studies in Eastern Europe; Vol. 15).

Literature

- Vlasenko S.V. Sovremennoe perevodovedenie: neobozrimye gorizonti i aktual'nye problemy razvitiya: oчерk k 85-letijuso dnja rozhdenija prof. A.D. Shvejcera [Contemporary translation theory: Boundless horizons and actual problems of development: Feature article devoted to prof. Shvejcer's 85-th anniversary // *Voprosy filologii* [Issue in philology]. 2008. N 3(30). P. 65–75. (In Russian)

- Domashnev A.I. *Oчерk sovremennogo nemeckogo jazyka v Avstrii* [Feature article on contemporary German in Austria]. Moscow: Vyssh. shkola, 1967. 180 p. (In Russian)
- Profili jazyka: sociolinguistika, nacional'noe var'jirovanje, perevodovedenie, kontrastivnaja stilistika* [Language profiles: sociolinguistics, national language variation, translation theory, contrasting stylistics] / ed. by N.S. Babenko, V.A. Nuriev. Moscow: Buki Vedi, 2015. 380 p. (In Russian)
- Stepanov G.V. *Ispanskij jazyk v stranah Latinskoj Ameriki* [Spanish in Latin American countries]. Moscow: Izd-vo lit. na inostr. jaz., 1963. 202 p. (In Russian)
- Shvejcer A.D. Variativnost' literaturnogo jazyka i modeli formirovanija jego norm (na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka) [Variability of standard language and the models of its norms formation (American variant of the English language)]. In *Tipy naddialektnyh form jazyka* [The types of above-dialect forms of the language]. Moscow, 1981. P. 273–285. (In Russian)
- Shvejcer A.D. *Glazami perevodchika* [The View of a Translator]. Moscow: R. Valent, 1996. 131 p. (In Russian)
- Shvejcer A.D. Sistema form sushhestvovanija sovremennogo anglijskogo jazyka v SShA [The system of forms of existence of the modern English language in the USA]. In *Funkcional'naja stratifikacija jazyka* [Functional stratification of language]. Moscow, 1985. P. 41–54. (In Russian)

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

SCIENTIFIC HERITAGE

Новиков А.И.^{1,2,3}

СЕМЬ ДИХОТОМИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ

NOVIKOV A.I.
THE SEVEN DICHOTOMOUS ATTRIBUTES

Смысл относится к тем загадочным явлениям, которые считаются как бы общеизвестными, поскольку постоянно фигурируют как в научном, так и обыденном общении. На самом деле он не только не имеет сколько-нибудь строгого общепринятого определения, но и на описательном уровне существует большой разброс суждений о том, что это такое. Иногда допускается, что смысл принадлежит к тем наиболее общим категориям, которые не подлежат определению и должны восприниматься как некоторая данность. В настоящее время в связи с необходимостью решения целого ряда актуальных задач как теоретического, так и прикладного характера, где понятие смысла имеет ключевое значение, требуются определенные уточнения данного понятия.

¹ © Институт языкознания РАН, 2007

© М.М. Новикова, 2007

© Н.В. Васильева, Н.М. Нестерова, Н.П. Пешкова, 2007

² Статья печатается по изданию: *Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. – Москва : Институт языкознания РАН, 2007. – С. 162–175.

³ Согласие правообладателей на перепечатку статьи получено.

Онтология смысла приобретает особую значимость в связи с теми изменениями в понимании объекта, предмета и задач лингвистики, которые уже произошли и продолжают происходить в настоящее время. Если в период, когда доминировала абсолютизация языка как самодостаточной автономной сущности, смысл часто выступал лишь как некоторое факультативное явление, находящееся на периферии интересов исследователей, то при обращении к речи, тексту, дискурсу смысл начинает фигурировать как одна из наиболее фундаментальных категорий.

Известно, что предпринимались неоднократные попытки исключить смысл из сферы научного анализа. Следует отметить, что для этого имеются определенные основания. Одно из них связано с представлением о смысле как экстралингвистическом явлении. В этом легко убедиться, если обратиться к тем определениям данного явления, которые даются в некоторых толковых словарях.

Наиболее общим признаком, содержащимся практически в каждой дефиниции данного понятия, является его отнесенность к ментальной, а не языковой сфере. Согласно таким определениям, это «внутреннее содержание, значение, постигаемое разумом...» (Словарь русского языка 1987), «разум, рассудок, внутреннее логическое содержание, постигаемое разумом...» (Словарь русского языка 1984), «идеальное содержание, идея, сущность...» (Советский энциклопедический словарь 1980) и др. Другим основанием, по которому выделяется данное понятие, являются характеристики, связанные с деятельностью сознания: «разумное основание, назначение, цель, резонная причина...» (Словарь русского языка 1984), «цель, разумное основание...» (Словарь русского языка 1987), «предназначение, конечная цель (ценность) чего-либо...» (Советский энциклопед. словарь 1980) и др. Все это, несомненно, имеет отношение к экстралингвистическим явлениям: «смысл события, смысл происходящего, смысл поступка, смысл жизни» и др. Примечательно, что в Лингвистическом энциклопедическом словаре отдельная статья, посвященная смыслу, отсутствует вообще (Лингвистический энциклопедический словарь 1990). Возможно, это связано с оценкой составителями словаря данного понятия как не имеющего прямого отношения к языкознанию.

Из отмеченных выше словарей собственно языковой аспект смысла отражен лишь в Советском энциклопедическом словаре,

где он рассматривается как частный случай, как одно из значений. Приведем это определение полностью: «Смысл – идеальное содержание, идея, сущность, предназначение, конечная цель (ценность) чего-либо (смысл жизни), целостное содержание какого-либо высказывания, не сводимое к значениям составляющих его частей и элементов, но само определяющее эти значения... в логике, в ряде случаев в языкознании то же самое, что значение» (Советский энциклопед. словарь 1980).

Лингвистический аспект смысла представлен также в Логическом словаре-справочнике: «Смысл – содержание знакового значения; мысль, содержащаяся в словах (знаках, выражениях)...» (Логический словарь-справочник 1975).

Экстралингвистический характер смысла раскрывается в ряде работ, принадлежащих не только лингвистам, но и логикам, философам.

Как видно из приведенных выше определений, понятие смысла, помимо экстралингвистичности, характеризуется также тем, что включает в себя широкий круг различных явлений от смысла жизни до смысла «знакового выражения». Это является другой причиной, затрудняющей его однозначное определение. Не способствует этому также и то, что смысл характеризуется нечеткостью, вариативностью, изменчивостью, субъективностью, вследствие чего он практически неформализуем и, что самое главное, он плохо поддается непосредственному наблюдению. С.С. Гусев и Г.Л. Тульчинский, обращаясь к проблеме смысла, приводят слова американского психолога М.Б. Крилмана, достаточно четко характеризующие данную ситуацию: «...смысл, подобно загадочной Золушке, остается по-прежнему нераспознанным и неуловимым. Возможно, что одна из трудностей здесь кроется в том, что разные поклонники этой Золушки представляют ее каждый по-своему и ее многоликость увлекает их на поиски ее различных проявлений... Одни сосредоточивали свое внимание на ее интеллектуальных качествах, другие же воображали ее чувствительной и эмоциональной. Были и такие, кто, смирившись с окутывающей ее тайной, заранее согласились, что она по сути своей... недоступна и непонятна» (Гусев, Тульчинский 1985, 43).

Таким образом, скептицизм со стороны ученых по отношению к смыслу не лишен определенных оснований. Но больше осно-

ваний имеется все же для того, чтобы в результате интенсивных исследований приблизиться к пониманию сущности этого нечеткого, загадочного и постоянно ускользающего от наблюдения явления. Такая необходимость становится тем более ощутимой, чем к более высокому уровню принадлежат исследуемые единицы. Об этом свидетельствует, например, опыт некоторых дескриптивистов, в свое время принципиально отказавшихся от обращения к значению языковых форм, а следовательно, и от смысловой стороны языка. Но этот принцип более или менее удавалось реализовывать лишь тогда, когда анализировались элементарные единицы на фонологическом уровне. Но уже при переходе к уровню морфем, имеющих двусторонний характер, к их дистрибуции потребовалось обращение к смысловой стороне языка.

В настоящее время о смысле говорят применительно практически ко всем уровням языковых единиц как об одной из наиболее важных составляющих их семантики. При этом чем более высоким является уровень единиц (предложение, текст, дискурс), тем более значимым становится смысловой компонент в их семантической сфере. Считается, что смысл здесь выполняет функцию значения, поскольку значения в обычном их понимании у такого рода единиц отсутствуют.

На уровне порождения именно смысл программирует отбор и распределение языковых единиц и тем самым задает ту или иную форму предложения или текста. При понимании смысл также играет существенную роль, будучи не только результатом его декодирования, но и средством такого декодирования. Другими словами, необходимость смысла возникает там, где существует необходимость понимания, предполагающего осмысление. Но осмысление необходимо в случае восприятия не только текста, но и действительности: материальной, ментальной, социальной и других ее форм. Именно поэтому категория смысла характеризуется таким широким диапазоном сфер приложения. В связи с этим вполне естественно, что смысл – это интердисциплинарное явление. Он интересует, помимо лингвистики, и логику, и философию, и психологию. Несмотря на то, что в центре пересечения интересов этих дисциплин находится язык с его отнесенностью к мышлению, с одной стороны, и к действительности – с другой, каждая из этих дисциплин усматривает в данной проблеме все же свой

интерес. В результате, как уже отмечалось, представление о смысле характеризуется таким большим многообразием и неоднозначностью, что складывается впечатление, как будто речь идет о каких-то разных явлениях, но почему-то называемых одним именем. Тем не менее есть основание считать, что во всех случаях, где рассматривается смысл, речь идет все же об одном и том же явлении. Задача заключается в том, чтобы найти то глубинное, наиболее общее основание, которое позволило бы интегрировать различные расплывчатые характеристики смысла в более четкое и определенное понятие.

Не претендуя на исчерпывающий анализ проблемы смысла, рассмотрим некоторые работы, являющиеся, с нашей точки зрения, наиболее характерными для данной проблематики.

Существенный вклад в исследование проблемы смысла внесла так называемая «аналитическая философия», берущая начало от Б. Рассела и Л. Витгенштейна, которая поставила задачу логического анализа языка. Заслуга такого логического подхода заключалась в четком различении обозначаемых предметов (денотатов), их имени и смысла, как способа обозначения этих предметов. Как известно, различие смысла и значения восходит к одному из представителей данного направления Г. Фреге (Фреге 1977).

Совсем с другой стороны к проблеме смысла подошла философия в ее феноменологическом варианте, где во главу угла была поставлена личность, осмысливающая мир, понимающая и делающая свой смысловой выбор. Однако достаточно конкретного определения смысла здесь не было сформулировано. Г.А. Чупина, анализируя взгляды Г. Гуссерля, приходит к выводу, что для него смысл – это актуальная ценность, значимость предмета для субъекта. Отсюда следует, что смыслы функциональны: предмет, поступок, действие, высказывание приобретают смысл в рамках целого – жизненной ситуации и – шире – жизнедеятельности человека, если это оказывается значимым для ее самосохранения, развития (Чупина 1994).

Ценность, значимость как важнейшие признаки лежат в основе определения смысла и в работах современных отечественных философов. Сюда прежде всего относится работа С.А. Васильева, в которой рассматривается проблема синтеза смысла при создании и понимании текста (Васильев 1988). Автор считает, что прекрас-

ной аналогией для смысла является ценность. Для иллюстрации данного утверждения он приводит следующий пример. Деньги имеют ценность, не зависящую ни от веса, ни от размера купюры. Как только их отказываются принимать и обменивать на товары, они теряют свою ценность, не утратив при этом ни одного из своих материальных свойств.

С.А. Васильев различает предметный смысл и текстовый. Предметный смысл связывается им с механизмом вычленения, осознания предметов реальной действительности. В связи с этим основу смысла, по мнению автора, составляет способность устанавливать тождество и различие. «Вещи неразличимы, если имеют для человека равный смысл, как неразличимы штампованные экземпляры одной и той же детали» (Васильев 1988, 96).

С.А. Васильев выделяет несколько составляющих смысла. Одной из таких составляющих является предметная объективация человеческого опыта в виде знания о данном предмете. Но оно, по мнению автора, образует лишь наиболее общую составляющую смысла, интересую субъектную по своему источнику, имеющую общечеловеческую ценность. Помимо этого смысл содержит и такие компоненты, которые выражают жизненные установки ее носителей, их особые отношения к предметному миру. Эти две составляющие смысла лежат в основе межличностного общения, а потому откладываются в их сознании и фиксируются как устойчивые, повторяющиеся компоненты, постоянно воспроизводимые в речи. Кроме того, в состав смысла входит индивидуальный опыт, глубоко личностные отношения индивида к предмету и возникающие отсюда ожидания, привязанности, эмоции, памятные ассоциации, которые выделяют данный предмет из множества похожих на него.

Все это составляет, по терминологии автора, «смысл-ценность, который имеет отношение не только к предметному миру, но и реализуется на уровне текста, составляя один из его смысловых уровней. Другой уровень текста составляет «смысл-сообщение», т.е. то, что хотел сказать автор.

Все это позволяет автору сделать вывод о том, что заключенный в тексте «смысл-сообщение» является специфическим свойством, отличающим его от всех прочих предметов, которые текстами не являются, а «смысл-ценность», который текст при-

обретает вследствие включенности его в систему жизнедеятельности человеческого общества, наоборот, сближает его с другими предметами, делает его элементом того предметного универсума, в котором разворачивается вся человеческая жизнь.

Характеризуя «смысл-сообщение», С.А. Васильев обращает внимание на одну очень существенную его особенность. Он задается вопросом: за счет чего смысл целого высказывания оказывается всегда больше суммы значений, образующих его слов? В связи с этим он анализирует фрагмент романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», в частности слова Максима Максимыча, характеризующие поведение Печорина: «...ставни стукнут, он вздрогнет и побледнеет; а при мне на кабана ходил один на один...». Автор отмечает, что приведенные слова сами по себе не воссоздают смысл поведения героя. Он считает, что здесь «говорит» само поведение, сам поступок: пугливость, храбрость... Как бы мы эти слова не сочетали, мы никак не получим значения пугливости, храбрости. Союз «а» здесь противопоставляет смысл не двух частей фразы, а двух способов поведения, которое мы истолковываем на основе нашего индивидуального и усвоенного коллективного опыта. В результате автор делает чрезвычайно важный для понимания природы смысла вывод: «Здесь происходит использование невербальных средств в вербальном тексте» (Васильев 1988, 98). Это, во-первых, свидетельствует об экстралингвистическом характере смысла, во-вторых, о том, что он является внешним по отношению к тексту, поскольку связан с актуализацией прошлого опыта, знания, оценочно-эмоциональных компонентов сознания личности. Кроме того, отсюда можно сделать вывод и о том, что смысл не содержится непосредственно в тексте, а является производным от процесса понимания, в котором он, собственно, и возникает как некоторая субстанция. Этот вывод возникает как объективное следствие, вытекающее из рассуждений автора, хотя оно и вступает в противоречие с некоторыми другими его положениями.

В работе Р.И. Павилениса (Павиленис 1983) смысл также помещается в экстралингвистическую сферу, сферу так называемых концептуальных систем, формирующихся в сознании носителей языка, и при этом считается, что так называемая «лингвистическая семантика» к нему отношения не имеет. При этом под концептуальными системами он понимает системы информации,

включающие знания и мнения о действительном и возможном положении дел в мире, аккумулирующие знания людей, приобретаемые в результате отражения ими окружающего мира. В результате семантическая проблематика языка, в частности теория смысла, погружается таким образом в проблематику анализа концептуальных систем и их взаимоотношений друг с другом и с объективной действительностью. При таком подходе человек – носитель языка рассматривается не как «исполнитель» некой абстрактно-абсолютной «семантики языка», а как активный субъект познания, наделенный индивидуальным и социальным опытом, системой информации о мире, на основе которой он осуществляет коммуникацию. В связи с этим автор видит задачу в том, чтобы проблему смысла обсуждать не в узком, специально лингвистическом аспекте, а как логико-гносеологическую проблему их понимания. Поэтому он считает, что проблема смысла должна здесь рассматриваться как поиск ответа на вопрос о том, что знает человек, когда он понимает выражение языка.

К представлению о смысле как экстралингвистическом явлении примыкает работа Н.А. Слюсаревой, хотя написана она была задолго до указанных выше философских работ (Слюсарева 1963) и не философом, а лингвистом. Н.А. Слюсарева считает, что смысл как явление безусловно связан с деятельностью мышления; он может быть выражен самыми различными средствами, находящимися в распоряжении человека. При этом такие средства могут находиться как внутри одного языка, так и принадлежать к разным языкам. Более того, они вообще могут быть неязыковыми: жест, мимика, движение руки, взгляд и др. Именно эти средства использует ребенок до овладения им языковой системой для выражения своих чувств, желаний и более сложных процессов. Смысл также может быть успешно передан различными невербальными средствами искусства. Все это дает основание Н.А. Слюсаревой сделать вывод о том, что смысл – это экстралингвистическое явление, имеющее место в сознании. Детализируя это общее положение, автор высказывает мысль о том, что смысл следует понимать как наличие связей между понятиями, которые, в свою очередь, являются связями, существующими между предметами в реальном мире. Поэтому смысл рассматривается здесь как явление, существующее в реальной действительности, отражаемой нашим сознанием.

Но в сознании существуют не только понятия, но и другие формы отражения действительности, например, представления. Все эти формы взаимосвязаны между собой, между ними существуют взаимопереходы. В связи с этим Н.А. Слюсарева уточняет представление о смысле: «Смысл может трактоваться как область, в которой осуществляется переход от низших форм мышления к высшим, причем не только в плане онтогенеза, но и филогенеза» (Слюсарева 1963, 199). К такому пониманию смысла близок и известный психолог Н.И. Жинкин: «Смысл – это то, что отражает наличную действительность» (Жинкин 1982, 131).

В языкознании интерес к проблеме смысла то активизировался, то затихал. При этом он рассматривался преимущественно как смысл слова в его противопоставлении значению. В этом отношении интересны результаты исследований, проведенных в плане так называемой «наивной семиотики». Например, в работе И.М. Кобозевой ставится задача реконструировать через анализ обыденного употребления слов «смысл» и «значение» соответствующие концепты «наивной семиотики». Анализ различных высказываний, содержащих данные слова, показывает «отчетливую тенденцию к противопоставлению значения как закрепленного за данной единицей языка относительно стабильного во времени и инвариантного содержания, знание которого входит в знание языка, смыслу как связанной со словом информации, изменчивой во времени, варьирующейся в зависимости от свойств коммуникантов, знание которой не обязательно для знания языка» (Кобозева 1994, 184). При этом отмечается, что определения к значению крайне редки, в то время как смысл имеет разветвленную систему определений. Поскольку значение – это конвенциональная данность, то его можно *устанавливать* и затем *знать*, в то время как смысл нечто изменчивое, нерегламентированное, вследствие чего его приходится *искать*, *улавливать*, *разгадывать*, *подбирать ключи к раскрытию* и т.п. Поэтому делается вывод, что приобрести знак может и значение, и смысл, но наполниться он может только смыслом. Здесь противопоставление смысла значению осуществляется как противопоставление конкретно ситуативного (прагматического) содержания сообщения его абстрактному языковому содержанию.

Обобщенные данные, характеризующие смысл в плане противопоставления его значению, содержатся в работе А.В. Бондарко (Бондарко 1978). Они представлены в виде следующих оппозиций.

Значение представляет собой содержательную сторону некоторой единицы данного языка, тогда как смысл (один и тот же) может быть передан разными единицами в данном языке. Кроме того, он может быть выражен не только языковыми, но и неязыковыми средствами.

Значение той или иной единицы представляет собой элемент языковой системы, тогда как конкретный смысл – это явление речи, имеющей ситуативную обусловленность.

Из связи значений с языковыми единицами и с системой данного конкретного языка вытекает проявление неуниверсальности языкового значения. Значения единиц разных языков могут не совпадать по своей содержательной характеристике, по объему, по месту в системе. Что же касается смысла, то он не зависит от различий между языками. По своей природе он является универсальным, представляющим инвариантное содержание отражательной деятельности человека.

Возможность выражения в речи бесконечного количества новых смыслов связана с такими фактами, как нетождественность содержания, выражаемого сочетаниями языковых единиц, простой суммой их значений, ситуативная обусловленность смыслов, участие не только языкового, но и неязыкового знания в формировании смысла.

Во взаимодействии значения и смысла существенны отношения средства и цели: языковые значения служат средством для выражения смысла в том или ином конкретном высказывании.

Значения языковых единиц в акте речи и передаваемый смысл находятся в отношении перекодирования.

Проблема смысла рассматривается в лингвистике также и при обращении к исследованию такой единицы, как предложение, где понятие смысла связывается преимущественно с явлением предикации. Тем самым он рассматривается как оппозиция языкового и речевого, языкового и коммуникативного. Эта тенденция усиливается еще в большей степени при переходе к тексту как сложной коммуникативной единице. При этом в лингвистике текста, где основное внимание сосредоточено на формальных средствах связи

предложений и выделения на этой основе целостных фрагментов (сверхфразовых единств), смысл играет вспомогательную роль, отождествляясь с той информацией, которая сообщается в таких целостных образованиях, со знанием, содержащемся в них (Откупщикова 1982). При этом иногда смысл такого рода единств противопоставляется целому тексту. Так, например, И.Р. Гальперин предлагает считать смыслом только то, что сообщается в отдельном фрагменте, а применительно к целому тексту, по его мнению, следует говорить о содержании. «Содержание применительно к тексту приобретает свое терминологическое употребление, отличное от понятий “смысл” и “значение”. Содержание как термин грамматики текста будем относить лишь к информации, заключенной в тексте в целом; смысл – к мысли, сообщению заключенным в предложении или в сверхфразовом единстве; значение – к морфемам, словам, словосочетаниям...» (Гальперин 1981, 20).

В работах, посвященных анализу текста с коммуникативной и когнитивной точек зрения, смысл обычно рассматривают как то ментальное образование, которое формируется в результате его понимания. При этом различают такие виды смысла, как: «поверхностный», «глубинный», «предметный», «образный», «личностный», «речевой», «идейный» и др. Иногда здесь смысл противопоставляется содержанию (Новиков 1983, Брудный 1986 и др.). Такой терминологический «разброс» особенно характерен для тех работ, предметом исследования в которых является художественный текст.

Э.Д. Сулейменова в своей работе, специально посвященной проблеме смысла, отмечает, что противопоставление смысла и значения, во многих случаях осуществляется как противопоставление языка и речи. Она делает предположение, что в рамках такого подхода сформировалось и представление о том, что значение (как языковая категория) характеризует сугубо номинативные единицы в противоположность коммуникативным единицам, где категорию значения заменяет категория смысла. В противоположность таким представлениям автор высказывает мысль о том, что ни категория значения, ни категория смысла не могут существовать отдельно и быть представлены в языковых единицах различной коммуникативной потенции. «Значение и смысл формируются

и функционируют только в единстве, будучи взаимосвязаны не только генетически, но и функционально» (Сулейменова 1989, 144).

Подводя итог, Э.Д. Сулейменова выделяет следующие основные характеристики смысла: недоступность смысла в прямом наблюдении; инвариантность смысла, выражающаяся в возможности перефразирования, иносказания, любых других преобразований, осуществляемых в любом языке; актуальность смысла, его ситуативность и субъективность; неполная эксплицируемость смысла так же, как и недоступность полному восприятию; концептуальность смысла, его включенность в единую (общечеловеческую) систему знаний (картину мира) и возможность существования над языками.

Рассмотренные здесь работы не отражают и малой доли существующих исследований, где в той или иной степени затрагивается проблема смысла. Но даже такой далеко не полный анализ является вполне достаточным, с нашей точки зрения, чтобы составить общее представление о некоторых тенденциях, которые сформировались при исследовании смысла.

Прежде всего следует отметить высокую степень повторяемости некоторых характеристик смысла, что должно свидетельствовать об их существенности, значимости для определения данного понятия. Но эта повторяемость, к сожалению, существует не на всем пространстве рассмотренных случаев: в логико-философских работах общими являются одни характеристики, в лингвистических – другие. С большой натяжкой общей точкой пересечения можно считать то, что смысл соотносится с информацией, знанием. Но для логико-философского подхода характерно соотносить эту информацию с концептуальными системами, структурами знаний, социальным и индивидуальным опытом индивида, являющегося активным субъектом познания. Лингвистический подход в явном или неявном виде базируется на представлении о том, что эта информация (смысл) непосредственно содержится в высказывании, в тексте, а потому постижение смысла представляется чем-то похожим на вычисление, выведение его в результате выполнения каких-то операций. Наиболее общими характеристиками смысла, выделяемыми в рамках лингвистического подхода, являются его универсальность, инвариантность, но в то же время его ситуативная обусловленность, изменчивость и вариативность.

Все эти характеристики выводятся из ситуации как внутриязыковых, так и межъязыковых синонимических преобразований, перефразирований, различного рода трансформаций. Но все это является лишь способами обнаружения факта существования смысла, фиксации момента перехода на смысловой код, но не касается непосредственно самого смысла, его субстанции. В отличие от этого логико-философский подход, соотнося смысл со сферой мышления, сознания человека, с определенными единицами этой сферы представлениями, концептами, системой понятий, определенными эмоциональными состояниями человека, делает попытки исследовать смысл на субстанциональном уровне.

Отсюда можно сделать вывод: возможной причиной многообразия характеристик смысла, большого их разброса, существующей несогласованности их между собой, а иногда и противоречивости, является то, что в разных случаях рассматриваются разные грани смысла, различные его проявления в разных ситуациях. Если в одних случаях имеется в виду субстанциональная сущность смысла, то в других – способы его программирования в тексте, в третьих – закономерности декодирования и др.

Это означает, что необходимо предпринять усилия, чтобы четко осознать эти разные «лики» смысла, развести их между собой с тем, чтобы подобрать адекватные методы исследования для каждого из них. Решению такого рода задачи, с нашей точки зрения, может способствовать выявление и систематизация некоторых противоречий, которые обнаруживаются при анализе характеристик смысла и представляют собой определенные оппозиции. Такие оппозиции, с нашей точки зрения, сами могут рассматриваться как дихотомические признаки, в какой-то мере способствующие уточнению и конкретизации данного понятия.

1. Считается, что целостный смысл представляет собой результат понимания текста, управляемого и направляемого соответствующими языковыми средствами этого текста. В то же время считается также, что смысл как целое оказывает обратное влияние на осмысление языковых единиц текста. Если смысл как целое в процессе восприятия еще не сформирован, то как он может влиять на осмысление языковых единиц текста? Если он уже сформирован, то зачем нужно такое осмысление?

2. Считается, что глубина, точность и адекватность понимания достигаются при переходе к смысловому уровню восприятия. В то же время смысл характеризуется текучестью, изменчивостью, синкретичностью. Как может достигаться какая-то точность, однозначность, определенность понимания при таком способе фиксации его результата?

3. Считается, что смысл характеризуется инвариантностью. В то же время он характеризуется ситуативной обусловленностью, субъективностью, вариативностью. Как могут сочетаться инвариантность и вариативность?

4. Считается, что смысл выводится и тем самым как бы извлекается из текста в результате его понимания. В то же время существует представление о том, что сущность понимания заключается в приписывании смысла тексту. Речь идет о взаимоисключающих процедурах, или взаимодополняющих?

5. Если считается, что смысл не «конструируется» в процессе понимания, а лишь приписывается, то следует признать, что в памяти должен храниться полный набор готовых смыслов и задача заключается лишь в том, чтобы актуализировать соответствующий данному тексту смысл. В то же время смысл характеризуется тем, что его необходимо «искать», «улавливать», «разгадывать», что, несомненно, свидетельствует о не рутинном, а творческом характере этого процесса.

6. Считается, что смысл принадлежит сфере сознания. Но в то же время он характеризуется целостностью, недискретностью, неразложимостью на составляющие, неполной эксплицитностью, а следовательно, недостаточной осознаваемостью. Должно ли это свидетельствовать о том, что смысл локализуется не только в сфере сознания, но и в сфере подсознания?

7. Считается, что смысл является результатом понимания, его конечной целью. В то же время говорят о понимании на основе смысла, т.е. имеется в виду, что он выступает в качестве инструмента понимания, а не его результата. Это один и тот же смысл, или речь идет о каких-то разных видах смысла? Как соотносятся между собой смысл-инструмент и смысл – результат понимания?

Формулировка данных оппозиций сознательно упрощена и в определенной степени заострена для того, чтобы сделать более наглядными те противоречия, которые мы считали необходимым

зафиксировать здесь. Количество таких оппозиций, очевидно, превышает число семь, но в данной работе мы решили ограничиться этим числом. Ответы на поставленные вопросы в одних случаях могут оказаться достаточно простыми, в других же случаях это может потребовать проведения специальных исследований. Во всяком случае, все это может служить той основой, на которой может сформироваться некоторая программа исследований, направленная на уяснение сущности смысла, на выявление общих оснований данного понятия, не зависящих от междисциплинарных «перегородок».

В заключение выскажем гипотезу о том, что интегративным признаком смысла может служить явление, в чем-то аналогичное явлению доминантности в том понимании, которое вкладывал в него известный физиолог А.А. Ухтомский. «Доминанта – временно господствующий очаг возбуждения в центральной нервной системе, способный оказывать тормозящее влияние на другие его участки...» (Советский энцикл. словарь 1980, 411). Конечно, здесь необходимо сделать поправку на то, что применительно к смыслу прежде всего следует иметь в виду сам принцип доминантности.

Во всякой своей деятельности человек ищет смысл, который служит ему и целью, и стимулом, и средством. «Человек стремится обрести смысл и ощущает фрустрацию или вакуум, если это стремление остается нереализованным» (Франкл 1990, 11). Нахождение смысла во многом определяется той задачей, которую человек вынужден решать в тех или иных жизненных обстоятельствах. Появление в сознании доминанты, возможно, подобно нахождению «функционального решения» в процессе переструктурирования проблемной ситуации, о котором писали представители гештальт-психологии (Дункер 1965). Об этом же пишет и В. Франкл: «Процесс нахождения смысла подобен нахождению гештальта» (Франкл 1990, 11). Доминанта, возникая в сознании, стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство. Нахождение таких доминант, возможно, и есть переход на смысловой код, который непосредственно не наблюдаем, но осознается как таковой всеми. Применительно к тексту внешним проявлением такой доминантности, очевидно, является оперирование такими единицами, как ключевые слова, смысловые вехи, опор-

ные пункты, создающие своеобразный «рельеф» формирующегося в сознании семантического пространства.

Литература

- Бондарко А.В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Брудный А.А.* Текст как форма существования знания // Знание, понимание, действительность. Фрунзе. 1986.
- Дункер К.* Психология продуктивного мышления. М., 1965.
- Васильев С.А.* Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев. 1988.
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Гусев С.С., Тульчинский Г.Л.* Проблема понимания в философии. М., 1985.
- Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М., 1982.
- Кобозева И.М.* «Смысл» и «значение» в «наивной семиотике» // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1994.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Логический словарь-справочник / под ред. Н.И. Кондакова. М., 1975.
- Новиков А.И.* Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
- Откупщикова М.И.* Синтаксис связного текста. Л: ЛГУ, 1982.
- Павленис Р.И.* Проблема смысла. М., 1983.
- Словарь русского языка : в 4 т. М., 1984.
- Словарь русского языка. М., 1987.
- Советский энциклопедический словарь. М., 1980.
- Слюсарева Н.А.* Смысл как экстралингвистическое явление // Как построить интересный урок иностранного языка. М., 1963.
- Сулейменова Э.Д.* Понятие смысла в современной лингвистике. Алма-Ата, 1989.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
- Чупина Г.А.* Философия осознания: проблема смысла // Проблема сознания в отечественной и зарубежной философии XX века. Иваново, 1994.

**Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал**

Серия 6
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023 – № 4

Компьютерная верстка *И.П. Леонтьева*
Корректор *И.П. Леонтьева*

Подписано к печати 2 / XII – 2023 г.
Формат 60 x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 10,0 Уч.-изд. л. 8,6
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У